

ГЕКТОР БАЙУОТЕР

МОРСКАЯ РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ

ЭПИЗОДЫ
ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1939 • ВОЕНМОРИЗДАТ

Гектор БАЙУОТЕР

МОРСКАЯ РАЗВЕДКА И ШПИОНАЖ

ЭПИЗОДЫ ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Сокращенный перевод
с английского
Р. ГЕЛЬФОНД

ВОЕНМОРИЗДАТ НКВМФ СССР
МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

Книга английского военно-морского публициста Байуотера „Морская разведка и шпионаж“ освещает методы и приемы работы военно-морской разведывательной службы капиталистических стран в первой мировой империалистической войне 1914—18 гг.

Редактор *Арнольдов*. Техн. редактор *П. Аксенов*.

Корректор *М. Митрофинов*.

Сдано в производство 16/IV-39. Подписано к печати 22/VIII-39
Формат бумаги 60×92. Объем 7 печ. л. Уч.-авт. 7,97 л. В бум. листе 96.000 знаков. № Г—51013 Изд. № 130. Зак. № 1458

Адрес изд-ва: Ленинград, здание Гл. Адмиралтейства

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул., 1.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Товарищ Сталин в историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил о том, что надо «не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа».

Изучение деятельности коварных методов буржуазных разведок необходимо для более успешной борьбы с тайными врагами нашей родины. Этому в некоторой степени способствует выпуск переводной и отечественной литературы о деятельности иностранных разведок. За последнее время в СССР издано немало книг по этому вопросу, однако крайне слабо до сих пор освещена деятельность военно-морской разведки.

Данная книга написана известным английским военно-морским публицистом и бывшим офицером английского флота Байуотером. В английском издании книга озаглавлена «Тайные цели. Драмы и таинственные происшествия морской войны».

Учитывая то, что по военно-морской разведке и шпионажу почти нет никакой литературы, Военно-Морское Издательство сочло необходимым издать эту книгу в сокращенном виде, под названием «Морская разведка и шпионаж», что более отвечает ее содержанию.

Книга знакомит читателя с методами и приемами разведки в годы империалистической войны, с «работой» шпионов и диверсантов на флотах противника.

В книге приведен целый ряд примеров из деятельности военно-морских разведок: английской, русской, германской и др. Наиболее интересной является глава I «Анна из Либавы», в которой дается описание удачной работы русской разведки, благодаря которой германский флот, направленный на наши минные заграждения, потерял целый ряд своих кораблей. Небезынтересна глава II — «Тайны морских глубин», которая дает поучительный материал о необходимости уничтожения секретных документов в случае гибели кораблей. В главе III — «Тайны взрывов военных кораблей» дается ряд примеров, когда, в силу отсутствия должной бдительности, разведчиками было взорвано немало кораблей, причем большинство их (взрывов) происходило не в море, а в гавани и во время стоянки на рейде. Точные

данные о большинстве взрывов остались тайной и на сегодняшний день, но что они являются результатом диверсионной деятельности разведок — это бесспорно, об этом говорят факты обнаружения адских машин, специальных бомб и снарядов под цвет и форму угля и других предметов. Интересна и поучительна глава IX о радиоразведке. Веет авантюризмом в рассказе о краже итальянской подводной лодки (глава V). Интересен рассказ о взрыве бутылок с шампанским на банкете, организованном офицерами подводниками германского флота во Фландрии (глава V).

Читатель, разумеется, отнесется критически к ряду положений и выводов, сделанных автором, и особенно в той части книги, где говорится о «таинственной подводной лодке» с призраками. Нетрудно понять, что ничего таинственного в этой истории нет, что это только один из эпизодов мировой войны. Используя случай аварий на лодке, англо-французская агентура постаралась создать версию «тайн» и поддерживать ее. Массовый «психоз» этот объясняется также в значительной степени и серьезными недостатками в материальной части подлодки. Если при этом учесть, что матросы капиталистических флотов в своей массе еще суеверны и несвободны от предрассудков, то легко можно понять то, что происходило на этой лодке.

При всех своих недостатках книга представляет несомненный интерес и будет полезна для советского читателя и особенно для моряков военного и торгового флота.

Глава I

Анна из Либавы

Поскольку Северное море являлось основным театром морских операций во время мировой войны, естественно, что общественное мнение было сконцентрировано на действиях, происходивших в этом районе, фактически исключая все, что происходило в более отдаленных водах.

Однако некоторые наиболее таинственные и драматические эпизоды войны на море имели место и на других театрах. Одна только балтийская кампания поставляет материал для нескольких томов истории, которые для читателя представят весьма большой интерес. Именно на Балтике германский флот потерпел наиболее чувствительные поражения, хотя они и не были достаточно серьезными, чтобы повлиять на ход войны в целом. Именно на Балтике результаты работы немецкого морского штаба оказались наихудшими.

Профессиональная репутация принца Генриха Прусского, брата кайзера, главнокомандующего на Балтике, была раз и навсегда подорвана бесплодными и дорогостоящими операциями в первый период войны.

Неудачи его начались уже 26 августа 1914 г., когда соединение немецких легких крейсеров, крейсировавших вблизи Оденсхольма, потеряло ориентировку в густом тумане. Новый крейсер Магдебург выскочил на берег и сильно повредил себе корпус. Во время работ по его спасению неожиданно появились и открыли огонь два русских крейсера. Офицеры Магдебурга, казалось, потеряли головы. Они так поспешно покинули крейсер, что не уничтожили секретные документы и сигнальный код. Русские нашли их и немедленно передали копии английскому адмиралтейству. Общеизвестно, как горько пришлось немцам сожалеть об этом впоследствии.

24 сентября слухи о том, что какие-то крупные английские силы приближаются к Балтике, вызвали сильную встряску нервов у германского военно-морского командования. Вместо того, чтобы подготовить удар по английским морским коммуникациям, что было бы при таких обстоятельствах наиболее разумным, они поспешили послать через Кильский канал подкрепление своим морским силам на Балтике. Это было чисто оборонитель-

ное мероприятие, оставившее инициативу целиком за англичанами. Приказ отправиться в Киль получили не менее 14 дредноутов. Поскольку они должны были разгрузить уголь и боеприпасы, чтобы облегчить себе проход через канал, для перехода в Киль потребовалось бы не меньше недели. Слухи оказались необоснованными, но немцы оставались в чрезвычайно взвинченном состоянии, опасаясь за свое положение на Балтике. Весьма сомнительно, чтобы английское адмиралтейство не воспользовалось этим фактом.

Несколько подводных лодок, посланных Англией на Балтику, вызвали смятение, намного превосходившее их силу. Мишеней было много. Подводные лодки потопили большое количество германских транспортов с драгоценными для немцев припасами и много военных кораблей, включая и большой броненосный крейсер Принц Адальберт. Принц Адальберт был торпедирован подлодкой «*Е-8*» у Либавы и погиб от детонации снарядного погреба, вызванной взрывом торпеды, со всей командой. Помимо этого русские ставили мины, на долю которых приходится большая толика потопленного германского тоннажа. С самого начала немцы стремились уничтожить или закупорить русский флот. Это была здравая политика, так как имей царский флот соответствующее руководство, он мог бы доставить противнику на Балтике немало горячих денечков. Даже при существовавшем тогда положении русский флот в течение более трех лет оказывал сопротивление всем попыткам немцев установить контроль над Рижским заливом.

В конце концов немцам потребовалось ввести в действие половину Флота Открытого моря, чтобы завоевать Ригу и острова у входа в залив. Это произошло осенью 1917 года.

Наиболее тяжелые потери немцы понесли от мин, в применении которых русские моряки показали большое мастерство и изобретательность. Большую услугу русскому морскому командованию оказала и разведка, принесшая русским ряд разительных успехов. Один из них особенно заслуживает внимания, как поучительный и пикантный эпизод в истории разведывательной работы.

Среди унтер-офицерских чинов германской балтийской эскадры был некто Курт Бремерман — рослый, светловолосый парень, наделенный более чем средней мужской красотой. С маленькой подрезанной бородкой, весьма почитаемой среди унтер-офицерского сословия, с усами, закрученными «а ля кайзер», и располагающей к себе улыбкой, он являл собой прекрасный тип самонадеянного кильского Дон-Жуана, переходящего «от победы к победе» в короткие промежутки отпусков на берег.

Тщеславный и хвастливый среди женщин, Курт был усердным офицером, на весьма хорошем счету у высшего начальства. Во время оккупации Либавы немцами Курт служил на одном из германских крейсеров. Верный своим обычаям, он завел в Либавском порту знакомство с женщинами. Одна из них полностью

покорила его сердце. Анна, так звали ее, официантка из кафе, была безусловно красавицей. Она обладала безукоризненной фигурой. Масса иссиня-черных волос обрамляла милое лицо. Что-то неуловимое отличало ее от окружающей ее среды. Речь ее была культурна, и помимо родного русского языка она хорошо владела немецким. Нечего удивляться, что, обладая такими качествами, она скоро увидела влюбчивого моряка у своих ног.

Но на этот раз ему было нелегко одержать победу. Дама была скромна и сдержанна и не поддавалась на «ударную тактику», квалифицированным специалистом которой был ее ухажор. Она не была расположена слушать нежные бессмыслицы, которые, по предположению Курта, были единственно возможным разговором с интересной женщиной. Анна была интеллигентна; она была ярой германофилкой, глубоко заинтересованной войной, и всегда с жадностью выслушивала все новейшие сообщения о победах, одерживаемых немцами над «ненавистными русскими». Таким образом, Курт, желая проводить с нею время, вынужден был, помимо воли, часами беседовать о войне, о своей профессии.

Она никогда не пыталась выведать от Курта секреты, да и Курт не рассказывал ничего серьезного, так как, за исключением его основного недостатка, он был далеко не дурак.

Но сейчас он был влюблен без ума и пожираем ревностью. Анна была в весьма хороших отношениях с его приятелями и, будучи разумной, не позволяла Курту монополизировать себя. Нет сомнений, что, находясь в море, он испытывал невыразимые муки ревности.

Затем корабль его был подорван на мине, и он был вынужден провести три недели в Киле, пока производился ремонт.

Как раз в это время немцы проектировали свое первое большое морское наступление в Рижском заливе. Используя Либаву в качестве базы, они предполагали протралить проход через русские минные поля, а затем под прикрытием тяжелой артиллерии высадить войска на острове Эзель и, если возможно, на материке вблизи Риги.

Мины были основной трудностью. Русские, казалось, имели неисчерпаемый запас их. Сотни мин были вытралены, но новые сотни вырастали, как грибы, вызывая тяжелые потери в германских флотилиях.

Корабль Курта Бремермана прибыл в Либаву за две недели до начала атаки. Курт, не теряя времени, разыскал свою зазнобу, которая на сей раз была несколько более благосклонна, хотя все еще встречала его ухаживания с холодком. Казалось, она о чем-то думала, чем-то была занята.

Увлеченный моряк, мучимый ревностью, умолял ее довериться ему. Тронутая его явной преданностью, она, наконец, сдалась и выдала ему свой секрет.

В начале войны она была влюблена в русского морского офицера, находившегося в Либаве. Несмотря на то, что она ненавидела русских, она его боготворила и была готова отдать

за него свою жизнь. Она точно не знала, в чем заключалась его служба, но предполагала, что он был связан с русской береговой обороной.

«Любите ли вы его попрежнему?» — спросил несчастный Курт.

«Нет,— возбужденно воскликнула Анна.— Я ненавижу его за то, что он сделал со мной. Я отдам все, что угодно, чтобы отомстить ему. Мы жили вместе, когда я должна была иметь от него ребенка. Началась война. Русские решили эвакуировать Либаву. До этого мой любовник обещал взять меня с собой в Петербург; он обещал одарить меня мехами и драгоценностями, обещал обеспечить ребенка всем. Он даже намекал на женитьбу, так как знал, что я происхожу из хорошей курляндской семьи, с которой не стыдно породниться даже офицеру.

«Эвакуация была назначена через неделю. Я была уверена, что буду сопровождать его, и приготовила все к отъезду. Многие из его вещей были у меня. Я запаковала их вместе со своими. Но однажды вечером он пришел ко мне, и я почувствовала, что с ним что-то случилось. Он был пьян. Когда я подошла к нему, пытаясь обнять его, он оттолкнул меня».

«Довольно с меня,— грубо закричал он. — Наши отношения слишком затянулись. Я пришел сказать это и пожелать тебе всего хорошего. Мы на войне, а ты и все вы здесь в Либаве ненавидите Россию и будете приветствовать немцев».

«Сначала я думала, что только вино заставляет его говорить так жестоко, но скоро обнаружила, что он весьма серьезен. Вы можете представить себе мои чувства. Плача я бросилась к его ногам, напоминая ему обо всех его обещаниях и умоляя не покидать меня и нашего будущего ребенка. Он даже позволил себе сказать, что ребенок не его.

«Я была в отчаянии и все еще надеялась завоевать его снова, — продолжала Анна. — Я напомнила ему полуобещание жениться на мне. Он рассмеялся мне в лицо».

«Эх ты, дура! Неужели ты серьезно думала, что я женюсь на женщине такого низкого происхождения, как ты, на женщине, которая, как известно, имела много любовников. Кроме того, у меня в Петербурге жена и двое детей».

«Это было уже слишком. Я потеряла самообладание, и произошла жуткая сцена. Я обозвала его лгуном и трусом. Он ударил меня и почти в бессознательном состоянии швырнул на пол. Когда я лежала на полу, он вышел, крикнув через плечо, что покончил со мной и утром пришлет вестового, чтобы тот собрал принадлежащие ему вещи».

«Поздно ночью в городе была тревога. Над городом появился германский цеппелин, сбросивший бомбы. Все полагали, что германский флот близок. Мне было все равно: пусть даже вся Либава будет стерта с лица земли. Жизнь потеряла для меня интерес».

Анна уставилась в окно невидящими глазами. Курт Бремерман сидел, крепко сжав свои сильные руки, и не говорил ни слова.

«Всю ночь я пролежала на полу,— прервав молчание вздохом, продолжала Анна;— я была слишком больна, чтобы подняться. Незадолго до рассвета в дверь кто-то постучал. Это был вестовой моего бывшего любовника. Я приказала ему поскорей собрать вещи его хозяина. Вестовой был сердечный человек, так как, заметив мое отчаяние, он собрал вещи в несколько минут и удалился, пробормотав на прощание слова сочувствия.

«Вскоре после этого с улицы донеслись звуки горнов, и я увидела колонны русских солдат, промаршировавшие мимо. Началась эвакуация.

«На моем столе стояла фотография любовника в полной морской форме. Я разорвала ее на клочки и бросила в печь. Может быть и существуют женщины, способные простить мужчине грубое обращение, но не я. После того как он оскорбил меня, вся моя любовь превратилась в ненависть и проклятие.

«Я хотела умереть, но не могла убить себя. Мой ребенок должен был жить. Следующие несколько недель я кое-как просуществовала, а затем отправилась в госпиталь, где и родился мой сын.

«Это был прелестный ребенок, похожий на своего отца. Казалось, что я должна возненавидеть его, но нет. С тех пор я работаю в кафе. Моя приятельница смотрит за ребенком, а я вижу его два раза в неделю».

«Вы слышали позже что-либо о нем?» — спросил Курт несколько холодно, так как хотя лучшая часть его «я» и была тронута рассказанной ему трагической историей, он не мог даже представить себе, что женщина, которую он любил, родила ребенка от другого мужчины.

«Нет,— ответила она безразлично. Затем, с внезапным приливом страстной ненависти, добавила: — надеюсь, он мертв! Мой рассказ напомнил мне кое о чем. Много недель спустя после того, как он покинул меня, я обнаружила кожаный портфель, принадлежавший ему, который его вестовой забыл взять. Портфель был набит бумагами. Среди них была фотография, на которой он был снят с женщиной и двумя детьми — его семья в Петербурге. Он имел наглость принести эту карточку ко мне в дом!»

Блуждающее внимание Курта было как бы мгновенно приковано. На минуту он забыл свои печальные размышления. Русский морской офицер... говорят, имеющий отношение к береговой обороне... мог иметь в портфеле весьма интересные документы. Их безусловно стоит посмотреть.

«А другие бумаги?» — с любопытством спросил он.

«Откуда я знаю? — вяло ответила Анна. — Полагаю, что-то связанное с работой.... хотя я едва взглянула на них.... Проклятой фотографии было достаточно для меня. Я разорвала ее в клочья».

«А бумаги тоже?» — допытывался Курт.

«Нет, они все еще в портфеле».

«Если Курт интересуется этим хламом, этим мусором больше, чем ею, чем ее заботами, он может их посмотреть».

После нескольких слов и необходимого нежного вступления портфель лежал перед Куртом. Он вынул пачку документов.

Документы, которые Курт держал в руках, были написаны по-русски и, без сомнения, являлись официальными, потому что большинство было украшено двуглавым орлом. Среди бумаг были географические и навигационные карты, значение которых не допускало двух толкований. Оборона Рижского залива была показана полностью: форты, минные поля, другие препятствия. Каждая навигационная карта имела на себе и на полях бесчисленные пометки цветными чернилами.

Ключ ко всей системе русской обороны в этой местности находился в руках у Курта. Профессиональное возбуждение полностью подавило личные чувства. Он попросил Анну разрешить ему забрать эти бумаги. Не разреши она ему, он все равно оставил бы их у себя, но она холодно согласилась, и Курт с прискорбием поспешил сократить свидание. Он все еще любил эту женщину, но она должна подождать. Тут было дело, не терпящее отлагательств.

Через полчаса он был в каюте командира, показывая документы и объясняя, как он получил их, а затем сопровождал своего начальника на флагманский корабль для собеседования с германским главнокомандующим. Штаб-офицеры флота были собраны, карты и бумаги были подвергнуты тщательному исследованию. То, что карты открыли, документы после перевода подтвердили. Здесь были не только минные поля, охраняющие залив, но и протраленные проходы, используемые русскими сторожевыми силами.

Адмирал был в чрезвычайно приподнятом настроении.

Получение таких сведений значительно облегчало его задачу. Теперь, когда проходы русских были известны, длительные и опасные операции по тралению мин, проводить которые он предполагал, более не были необходимы. На карте были показаны береговые батареи, о существовании которых он и не подозревал, но теперь, когда месторасположение их стало известно, их быстро можно было подавить. Он немедленно приказал внести изменения в первоначальный план. Вместо того, чтобы дожидаться, пока тральщики расчистят путь, эсминцы, которые предназначались для прикрытия высадки десанта, должны были отправиться для сопровождения судов с отрядами морской пехоты и войск. Тяжелые корабли, благодаря наличию русских карт, могут приблизиться к берегу значительно ближе, чем предполагалось, и открыть разрушительный огонь по батареям. Если, как казалось очевидным, первая атака приведет к овладению плацдармом, легко будет высадить на берег большое количество войск и внезапным нападением захватить Ригу.

Несомненно, адмирал уже представлял себе поздравительные телеграммы, полученные им от высшего командования, и быстрое продвижение по службе. Энтузиазм его разделялся офицерами.

Курта Бремермана хвалили наперебой за великую услугу, которую он оказал родине. Ничто не могло быть более удачным, чем находка этих бумаг, так как Балтийской эскадре в ее операциях до сих пор нехватало успеха. Последнее обстоятельство вызывало язвительные замечания со стороны германской главной квартиры, а адмирал трепетал перед ней.

Сейчас, однако, счастье изменилось. Дата атаки была на несколько дней приближена. Было решено в виде элементарной меры предосторожности провести исследование протраленных проходов до начала экспедиции, так как вполне вероятно, что со времени составления карт противник мог сделать новые проходы и заминировать старые. В соответствии с этим полуфлотилия старых эсминцев получила приказание провести 36-часовую разведку перед наступлением.

Это опасное задание было выполнено ночью. Корабли двигались с затемненными огнями. Опустив тралы, они прошли без всяких приключений два прохода, указанные на карте. Мины не были обнаружены и, несмотря на то, что корабли проходили вблизи одной из русских батарей, ни одного выстрела с нее не было сделано. Это удовлетворило немецкого адмирала, показав, что со времени составления карт никаких изменений не произошло. С легким сердцем он приказал начать наступление в указанное время.

В 0 часов авангард эсминцев вошел в залив. Низкий туман висел над морем, сокращая видимость до нескольких сот ярдов; это затрудняло движение кораблей, задачей которых было прикрытие десанта артиллерийским огнем, но в то же время способствовало скрытию от противника наступающей флотилии.

Корабли вошли уже достаточно глубоко в залив, прежде чем первая русская батарея открыла огонь. Обнаруженная ракетами и вспышками выстрелов батарея была обстреляна тяжелыми орудиями 4 старых линкоров и крейсеров, составлявших основу германской балтийской эскадры. Тем временем эсминцы скрытно продвигались по протраленным проходам, которые шли зигзагом среди минных полей. На мостике каждого корабля штурман, склонившись над копией секретной русской карты, отдавал необходимые приказания рулевому при каждом повороте, как показано было голубыми чернилами на карте.

Половина расстояния была пройдена, как вдруг внезапное несчастье обрушилось на флотилию. Когда лидер эсминцев в соответствии с пометками на карте повернул вправо, раздались два оглушительных взрыва. Гигантские столбы воды поднялись вверх. Когда они упали, пораженный корабль уже шел ко дну. Шедший в кильватере эсминец увеличил скорость, спеша на помощь, но носом задел за трос, соединяющий две мины. Мины взорвались с обоих бортов, и второй корабль камнем пошел ко дну.

Флотилия пришла в смятение. С тонущего флагманского корабля поступали приказания: немедленно уходить. Оставшиеся целыми корабли резко повернули, повинуясь приказу, и очути-

лись в минной «паутине». Мины, казалось, были всюду. Третий эсминец исчез в языках пламени, столбах дыма и пены; четвертый беспомощно лежал с оторванной кормой, а два других были серьезно повреждены, хотя еще и двигались. В довершение всех бед шестидюймовая береговая русская батарея, совершенно не указанная на «секретной» карте, открыла сильный огонь по деморализованной флотилии. Несколько эсминцев получили пробоины, два минных заградителя затонули.

Встревоженный целой серией взрывов, которые, отражаясь, донеслись до него, немецкий адмирал отозвал при помощи радиосигналов и прожекторов эсминцы и моторные лодки, везущие десантные отряды. Приказ пришел во-время, так как неожиданно новая русская батарея открыла огонь, и море вспенилось от огневой завесы шрапнели и фугасных снарядов, через которые ни один корабль не мог прорваться без повреждений. Русские снаряды преследовали отступающие эсминцы с беспощадным упорством. Несколько из них легло в весьма неприятной близости от легкого крейсера, который шел вдоль берега, прикрывая отступление.

Ответный огонь германских кораблей был не эффективен, так как орудия со всей тщательностью заранее были установлены для стрельбы по ближайшим береговым батареям, указанным на карте, но не существовавшим. Густой туман закрывал берег, местонахождение русских батарей невозможно было установить, в то время как, судя по точности стрельбы, немецкие корабли были хорошо видны русским, возможно с какого-либо высокого наблюдательного пункта.

При таких обстоятельствах нечего было и думать о продолжении наступления. Десантные корабли были разгружены. Последний уцелевший эсминец поспешно вырвался из ловушки, сопровождаемый в своем бегстве снарядами, разрывавшимися со всех сторон. Вся эскадра вышла в море, избегая минных полей, сослуживших русским такую хорошую службу. Поражение немцев было полным.

Трудно представить себе ярость немецкого адмирала. Экспедиция, начатая несколько часов тому назад с такими надеждами, окончилась полной неудачей, которую нельзя искупить никаким контр-ударом.

Потеряны были 4 эсминца и два меньших корабля. Список убитых был весьма велик. Еще большая катастрофа была едва предотвращена. Произойди первая тревога десятью минутами позже, шлюпки, наполненные войсками, попали бы в ловушку и были бы уничтожены. Они так близко подошли к опасной зоне, что осколками снарядов несколько человек были ранены.

К этому прибавилось горькое сознание, что адмирал обманут. Русские «секретные» карты были не просто подделкой. Они были составлены с определенным расчетом. Адмирал, ветеран, старый флагманский офицер германского императорского флота, стал жертвой ловушки — это было уже слишком. Когда эскадра

достигла более безопасной стоянки, флагманский корабль покрылся сигнальными флагами. На борту корабля были собраны все офицеры — командиры кораблей, включая и командиров эсминцев, которым удалось избежать засады. С ними был самый несчастный и сбитый с толку человек в эскадре — кондуктор Курт Бремерман. Атмосфера на этом совещании, должно быть, была довольно горячая, но что случилось там в действительности, можно только предполагать. Наши знания ограничиваются лишь тем, что Курт был арестован и направлен в Киль, где должен был предстать перед судом по обвинению в государственной измене. На одном корабле с ним находился немецкий адмирал, освобожденный от командования резкой телеграммой из германской главной квартиры.

Механизм ловушки, в которую попалась немецкая эскадра, не является секретом. Карты и документы были делом рук русского адмиралтейства. Как только в адмиралтействе узнали о том, что они дошли до немецкого командующего, никакого труда не представляло предпринять дальнейшие шаги. За протраленными проходами, указанными на карте, велось тщательное наблюдение для того, чтобы установить, будут ли немцы проводить разведывание до того, как пустят корабли. Предварительная разведка немецких эсминцев была замечена, и на следующую ночь сотни новых мин были поставлены как раз в «безопасных» местах.

Батареи, так тщательно отмеченные на карте, были лишь макетами, снабженными ракетами и небольшими зарядами пороха для того, чтобы инсценировать орудийные залпы. Такая пиротехника при соприкосновении с электричеством воспроизводила все эффекты действующих батарей. Этот военный трюк чрезвычайно древнего происхождения, но он одурачил немцев, потративших много снарядов на то, чтобы заставить умолкнуть несуществующие батареи. Настоящие позиции батарей не были затронуты. Недаром русские утверждали, что они отразили атаку, не потеряв ни одного человека.

Что касается Курта Бремермана, то дело не дошло до военного суда. На допросе он смог уверить своих начальников, что он был лишь невинно обманут искусно и тщательно продуманным планом русской разведывательной службы. Он повторил свою версию о том, как документы стали его собственностью, а так как прежние отзывы о нем были очень хорошие, то ему поверили.

В Либаву были немедленно посланы приказы об аресте таинственной красавицы. Но они прибыли слишком поздно. Анна бесследно исчезла за несколько дней до неудачи, постигшей немецкую эскадру. Имелись указания на то, что она проникла через немецкий фронт и добралась до неоккупированной русской территории. Это подтвердило уже сложившееся сильное подозрение относительно ее намерений. Были сделаны попытки установить ее личность. Курт был снова допрошен. У него был взят снимок Анны. Снимок был отослан в разведывательный отдел в Берлин. Через некоторое время отдел сообщил:

«Фотография изображает Катрин Изельман, родившуюся в Риге в 1887 г. Катрин получила образование в Москве и в течение нескольких лет работала в адмиралтействе в Петербурге. Есть предположения, что она поступила на разведывательную работу в 1913 году. Действовала в Германии, где некоторые из наших армейских и морских офицеров были с ней в близких отношениях. Приказ об ее аресте в марте 1914 года не был выполнен, так как ее трудно было проследить. Говорят, что она хорошая актриса и обладает личным обаянием».

Фотография Анны была конфискована, но влюбчивый германский моряк, на котором испробовала свое искусство русская разведчица, сохранил письмо, полученное от нее спустя несколько месяцев после рижских событий. Письмо было отправлено из Берлина, но это ничего не означало.

«Мой бедный Курт, — писала она, — не могу не чувствовать сожаления по поводу вашего разочарования, если вы любили меня так сильно, как говорили. Для меня не было удовольствием обманывать вас. Но я служила своей стране, так же как вы служили вашей. Я не испытываю угрызений совести за то, что вручила вам эти фальшивые планы. Я только сожалею о том, что они не доставили германскому флоту неприятностей в десять раз худших, и о том, что вы должны были страдать, обнаружив мой обман. Я все еще вижу ваше страдающее лицо, когда я изливала вам свою жалобную историю. Ничего, дорогой Курт, успокойтесь! Мой лживый русский любовник существовал только в моем воображении, так же как и мое бедное покинутое дитя. Я все еще не влюблена, а вы, по всей вероятности, нашли новый предмет обожания. В конце концов вы сами были виновны в том, что вас избрали орудием обмана. Вы так много хвастались товарищам про свои победы, что я решила встретить грозного покорителя дамских сердец. Он мог быть как раз нужным мне человеком. Таким вы и оказались в действительности. Вы были вполне красивы и подходящи, но, боже, так глупы: глина в руках умной женщины. Узнайте на опыте, что красивое лицо не всегда бывает тем, чем кажется.

Охотник за женщинами всегда кончает тем, что попадает в собственные сети. Даже несмотря на то, что вы не простите мне, желаю вам всего хорошего. Анна.»

Глава II

Тайны морских глубин

Во время войны на всяком корабле находятся документы, чрезвычайно ценные для противника. Нечего и говорить, что командиры имеют строгое предписание следить, чтобы эти документы выбрасывались за борт или уничтожались, если по каким-либо причинам появится необходимость покинуть судно. Для облегчения потопления книги кодов и секретные приказы

переплетены в свинцовые переплеты. Насколько известно, Магдебург был единственным надводным кораблем, чьи секретные бумаги попали в руки противника, хотя говорят, что весьма интересные документы были найдены на Офелии — германском госпитальном судне, которое, как было установлено, выполняло функции крейсера-разведчика.

Когда дело касалось подводных лодок, уничтожение секретных книг и документов встречалось с рядом очевидных затруднений. Если несчастье случалось с лодкой, находящейся под водой, книги и документы нельзя было выбросить. Даже когда подводная лодка находилась на поверхности, она могла быть потоплена тараном, артиллерийским огнем, авиационной бомбой или торпедой, прежде чем офицер успел бы избавиться от бумаг. Различные обстоятельства могли и в некоторых случаях, в действительности, мешали уничтожению документов на подводной лодке прежде, чем лодка попадала в руки к противнику.

В октябре 1915 г. французская подводная лодка Тюркуаз вошла в Дарданеллы с целью произвести нападение на германо-турецкие коммуникации в Мраморном море и, таким образом, конкурировать с английскими подводными лодками, оперировавшими в этих водах. Но французская лодка наскочила на мель и была захвачена противником. Немецкий офицер, обыскавший подводную лодку, натолкнулся на бумаги, где говорилось, что Тюркуаз через несколько дней должна была встретить английскую подводную лодку *E-20*, причем указывалось место, дата и час рандеву. Встреча состоялась должным образом, но только на нее явилась немецкая лодка *UB-14*, и, когда пришла *E-20*, ее приветствовали торпедой, пославшей лодку на дно со всеми находившимися на борту, за исключением командира и восьми матросов.

Спустя примерно два года англичане полностью отомстили за гибель *E-20*. Из бумаг, добытых с германской подводной лодки, потопленной глубинными бомбами и сразу же поднятой, узнали, что в известное время у испанского побережья должна состояться встреча двух больших подводных крейсеров. Случилось так, что для подготовки «теплой встречи» было достаточно времени. Ближайшая английская подводная лодка получила приказ по радио, и на заре назначенного дня она пунктуально прибыла на место свидания. Над водой возвышалось только несколько дюймов ее перископа.

Двумя часами позже на горизонте показался первый из немецких крейсеров. Ввиду того, что море было так зеркально спокойно, что даже «хвостик» перископа мог быть виден на большом расстоянии, капитан английской подводной лодки решил обеспечить себе одну жертву. Хорошо направленная торпеда уничтожила большой подводный крейсер. Едва осел столб воды, отметивший его могилу, были замечены еще две германские подводные лодки, приближающиеся одна с севера, а другая с юга. Взрыв встревожил их, так как обе они сразу погрузились и вновь не появлялись. Будь погода более благоприятной для

нападения, вполне возможно, что английской лодке удалось бы совершить тройное «убийство».

Однако наибольший «улов» подводных лодок за всю войну был вызван другим открытием секретных бумаг. Эта весьма любопытная история впервые подробно излагается в данной книге. В июне 1918 года германская подводная лодка вышла из Гельголанда, чтобы присоединиться к Фландрской флотилии. Еще свежая, только что вышедшая с судостроительной верфи, *UB-450* была одной из многочисленных лодок среднего размера, строившихся по программе 1917 года [1]. Законченная в конце весны 1918 года, она вошла в строй с командой, состоявшей из четырех офицеров и тридцати одного рядового. Водоизмещением всего в 510 тонн, подводная лодка была весьма удобоуправляемым маленьким судном, правда, несколько тихоходным, и могла произвести полное погружение за тридцать секунд.

Плавание началось как раз в тот период, когда английское контрнаступление ежедневно становилось все более интенсивным и эффективным. Для подводных лодок больше не было мира и спокойствия нигде, за исключением заброшенных районов Атлантического океана. День и ночь в английском и ирландском каналах за ними крались враги, видимые и невидимые, и *UB-450* довелось почувствовать все ужасы этого безжалостного преследования. Уже на пути во Фландрию ей едва удалось избежать уничтожения бомбами с двух английских гидропланов. Бомбы разорвались возле нее, когда она погрузилась в глубину.

5 июля подводная лодка оставила Зеебрюгге и направилась для производства набеговой операции в Северное море, где почти сразу начались ее испытания. Два дня спустя лодку обнаружил наш патруль и нанес ей серьезные повреждения глубинными бомбами. Начиная с этого момента, согласно записям в корабельном журнале, не проходило и одного дня, который не приносил бы столкновений с тем или иным неприятельским кораблем. 18 июля подводная лодка торпедировала нефтетанкер и едва избежала гибели, смертельные «водяные бомбы» разрывались поблизости, и таких взрывов насчитали не менее двадцати шести. Следующий день был последним днем подводной лодки.

UB-450, находясь у побережья Дурхем, заметила конвой близ Рокер и погрузилась для атаки. Первая же ее торпеда вызвала обычный ответ глубинными бомбами, на сей раз эффективный. Страшный взрыв у носа погнул рули погружения, и лодка, будучи не в состоянии погрузиться, поднялась на поверхность возле эсминца, который и протаранил ее на полном ходу. Когда водяная воронка сомкнулась над нею, подскочившая маленькая моторная лодка аккуратно бросила две глубинных бомбы, разорвавшиеся почти на корпусе подводной лодки. Это

---

[1] Уважая чувства бывшего командира этой немецкой подводной лодки, я назвал фиктивное направление; но подводную лодку сразу опознают те, кто занимается изучением подводной кампании *(Прим. автора)*.

был смертельный удар. Разорванная и истерзанная *UB-450* поднялась на несколько секунд на поверхность и затем исчезла.

Так как потерпевшая аварию подводная лодка лежала на незначительной глубине, неподалеку от берега, спасательный отдел адмиралтейства принялся за работу. В тайниках потопленных подводных лодок было сделано ранее несколько весьма ценных «находок».

Спасателям пришлось проделать длительную и утомительную работу, прежде чем сильно изломанный стальной гроб был поднят и отбуксирован в порт. Но труды их были с лихвой вознаграждены. Из каюты капитана были извлечены и переданы разведывательному отделу адмиралтейства корабельный журнал, сигнальные коды, документы и карты, подмоченные и обесцвеченные. Там их просушили, химически обработали, затем подвергли тщательному исследованию экспертов, которые вскоре и расшифровали все.

Это была драгоценная находка. Даже невозмутимый начальник разведывательного отдела адмирал Реджинальд Холл выказал некоторые признаки возбуждения. Перед ним лежали экспонаты:

1. Корабельный журнал *UB-450* с последними записями, произведенными за час до гибели. Записи содержали много полезных сведений относительно положительных и отрицательных сторон нашей противолодочной тактики, по оценке противника, который лучше всех мог знать этот вопрос; подробности заново запланированных немецких минных полей, сетей и т. п. Все это было немедленно нанесено на наши военные карты.

2. Листы чертежей силуэтов всех кораблей германского флота. Изменения, произведенные в оснастке и в верхних надстройках, были показаны с мельчайшими подробностями. Вооруженные такими чертежами, мы могли сразу определить любой неприятельский корабль, который можно было бы встретить в море, от крупнейшего до самого малого. Не теряя времени, копии этих силуэтов передали Гранд Флиту и распространили среди других корабельных соединений и среди частей воздушных сил; последним силуэты были розданы потому, что авиация стала мощным фактором не только в противолодочной кампании, но и во всей системе наших военно-морских сил.

Третье и значительно более ценное приобретение из всей коллекции экспонатов представляла собой карта внутренних вод, сделанная в большом масштабе. На карте были нанесены многочисленные красные линии и заметки на полях. Для установления полного значения заметок потребовалось некоторое время. Но, наконец, секрет был раскрыт. Командир *UB-450*, по всей вероятности, был в самых дружеских отношениях с несколькими подводными «асами»,[1] так как они делали все, что могли, чтобы провести его лодку невредимо через кишащие опасностями узкие проливы. Каждый из этих офицеров-ветеранов имел свой

---

[1] **„Асами" („тузами") называли наиболее успешно действовавших командиров подводных лодок** *(Ред.)*.

излюбленный путь, которым он обычно следовал, направляясь в Атлантический океан северным путем, вокруг Шотландии, и каждый из них начертил красными чернилами на карте свой избранный путь для руководства товарищу.

Один путь представлял собой большой крюк, чтобы избежать наши минные поля и те районы, в которых, по наблюдениям, наши патрули были наиболее бдительны. Другой путь шел зигзагообразно, отклоняясь от патрулируемых районов днем и приближаясь к ним ночью. Третий путь вел прямо через опасную зону, без отклонений. Опыт, по всей вероятности, убедил этого офицера, что прямой курс под водой или над водой был, в конце концов, наиболее безопасным. Четвертый был несколько более отклоняющимся от прямого пути и имел различные вариации, в зависимости от обстоятельств, подробно объясняемых.

Каждый путь, отчетливо нанесенный красными чернилами, имел внизу надпись — номер подводной лодки, которая регулярно следовала им. Почти все пути указывали безопасное место отдыха на дне моря; долгота и широта таких «гнезд» указывались в каждом случае.

Легко представить себе долгие дискуссии, откровенный обмен тяжело завоеванным опытом и знаниями, продуктом которых была эта раскрашенная морская карта.

Трое из командиров подводных лодок, чьи пути были нанесены на карту, причинили много беспокойства судоходству; остальные, если и не столь опасные, были все же страшными. Подавление этой группы подводных пиратов заметно подвинуло бы разрешение проблемы торгового тоннажа.

Немедленно был предпринят ряд мер. Наши северные минные корабли и авиация, патрульные тральщики с гидрофонными установками, авиационные базы и противолодочные эсминцы, каждый с тридцатью глубинными бомбами, аккуратно размещенными на шканцах, получили очень подробные приказы. О количестве мин, израсходованных в этой специфической операции, сведений нет, но оно, должно быть, достигло цифры в несколько сотен. Вдоль путей, намеченных красными чернилами, была поставлена минная завеса: мины марки «H_2», весьма эффективные, весом в 650 фунтов, только что принятые на вооружение, были расставлены с неправильными промежутками и на различной глубине. Каждое место «отдыха», отмеченное на карте как безопасное, было превращено в засаду из сильно взрывчатых веществ.

Как только ловушки эти были расставлены, обычные «западни» были изменены таким образом, что подводные лодки, идущие в обход для того, чтобы избежать районы, до сих пор наиболее тщательно охраняемые, почти наверняка должны были попасть в самую гущу наших патрулей. Когда все было готово и ловушка тщательно разработана во всех деталях, работникам разведывательного отдела не пришлось долго ждать. Спустя восемь дней после того как была установлена последняя мина, понесла наказание первая подводная лодка. В живых не осталось никого, но

по некоторым признакам было твердо установлено, что подводная лодка являлась одной из пяти, указанных на карте. Прошло еще две недели, и еще две подводные лодки попали в ловушку, одна вслед за другой, через несколько дней. С одной из подводных лодок, потерпевшей аварию, подобрали несколько человек.

Затем наступил длительный перерыв, столь длительный, что предполагали, что противник почуял недоброе и осмотрительно избегал старых путей. Но наши патрули продолжали охранять минированные проходы, и, в конце концов, терпение их было вознаграждено разрушением четвертой и пятой подводных лодок, указанных на карте. Таким образом, в сравнительно короткий период времени после поднятия подводной лодки *UB-450*, точнее — спустя одиннадцать недель, все пять лодок были уничтожены. Помечая карту для своего друга, пять командиров составили свои собственные смертные приговоры.

Чтобы избежать возможности подобного бедствия, обе стороны прибегали к отчаянным, безрассудным мерам для возвращения или уничтожения секретных бумаг, когда одна из их подводных лодок подвергалась опасности быть захваченной. Можно привести два примера подобного рода. В августе 1915 года английская подводная лодка *E-15*, проходя Дарданеллы, села на мель на расстоянии пушечного выстрела от турецкой батареи. Под сильным огнем командир лодки Бродие попытался спасти лодку, дав полный задний ход, но был убит наповал снарядом, попавшим в боевую рубку.

Тогда был отдан приказ покинуть корабль. Однако оставшиеся в живых лейтенанты Прайс и Фицджеральд не покинули лодки до тех пор, пока не уничтожили все карты и документы. Это делалось в то время, когда снаряд за снарядом с разрушительной силой громили обессилевшую подводную лодку. Впоследствии *E-15* была торпедирована и разрушена английским охранным судном в смелой ночной атаке для того, чтобы не дать ей попасть в руки противника.

В 1916 г. другая английская подводная лодка *H-6* наскочила в туманную погоду на Схирмонникоог — голландский остров, весьма близко расположенный от германских военно-морских баз. Она так сильно села на мель, что без основательных спасательных работ, которым противник несомненно помешал бы, снять ее с мели было невозможно. Поэтому находившийся в море на эсминце Ф а й р д р е й к капитан первого ранга Уэйстелл, руководивший деятельностью подводных лодок, бывших под его начальством, послал моторную лодку для того, чтобы взять на севшей на мель лодке документы и снять с нее наиболее квалифицированных матросов. Это было проделано с большим риском, а затем о подводной лодке *H-6* было сообщено голландским властям, чтобы они интернировали ее. Несколько позже они сняли ее с мели и купили для службы в голландском флоте.

Германские подводные лодки были снабжены специальными вместилищами, в которых книги или бумаги могли быть быстро уничтожены с помощью огня или кислоты.

В финальный период войны разведывательный отдел знал все, что касалось путей и операций подводных лодок. Эта масса сведений поступала к нам из бесчисленных источников, причем добыча секретных бумаг с потопленных кораблей была только одним из многих источников информации. Иногда мы получали существеннейшие данные от заключенных. Последние редко были расположены к общительности и в своем большинстве, находясь в плену, держали язык за зубами. Но время от времени мы сталкивались с людьми, которые по тем или иным мотивам были вполне расположены говорить. Неоднократно немецкий матрос добровольно сообщал сведения, оказавшиеся достоверными и полезными.

К концу войны разведывательному отделу стали известны некоторые секретные методы, которыми германские подводные лодки пользовались, прокладывая себе путь через мели, минные поля и сети, преграждавшие подходы к Зеебрюгге и Остенде. К этому времени, сверх уже существовавших природных затруднений, проливы были так укреплены искусственными препятствиями, что для подводной лодки, идущей подводным ходом, казалось невозможным пройти их, оставаясь невредимой. Однако, как мы твердо знали, подводные лодки проходили. В чем же был секрет?

Ученые, с которыми адмиралтейство консультировалось, смогли выдвинуть предположение, впоследствии подтвержденное точными сведениями. Подводные лодки проводились из своих баз с помощью «ведущего привода», природа которого лучше всего объяснена словами эксперта из адмиралтейства: «Применение электро-магнитного действия. Этот привод состоит из кабеля, проложенного на дне моря, вдоль извилистого и узкого прохода, ведущего в порт или через минное поле. Если через такой кабель будет пропущен переменный электрический ток, то с помощью чувствительного прибора, установленного на корабле, можно будет получить звуковые или визуальные указания о присутствии такого кабеля. Пользуясь этими указаниями, корабль в туман или темноту может быть проведен со скоростью, доходящей до 20 узлов, почти с такой же точностью, как трамвай, ведомый контактным роликом, бегущим по проволоке».

Применение «ведущего привода» Фландрской флотилией подводных лодок было одним из нескольких важных разоблачений, сделанных немецким офицером при обстоятельствах, о которых я намерен рассказать.

Он был подобран англичанами после сражения в Северном море, когда корабль его затонул. Когда личность его была установлена, то в разведывательных кругах это вызвало нечто подобное возбуждению. Офицер этот был именно тем человеком, в ком весьма «нуждалось» некое союзное правительство. Год или два тому назад он совершил акт ужасающего варварства над рядом людей их национальности, и имя его стояло первым в списке возмездий.

Пленный, хорошо осведомленный о своей известности, ни-

коим образом не стыдился ее, скорее напротив. Его высокомерие не знало границ, и в любой стране его провокационное поведение безошибочно повлекло бы за собой грубое обращение. Однако на этот раз его нарочитая неприветливость не вызвала ничего, кроме молчаливого презрения.

Как большинство задир, он был хвастлив, хотя подвиги, которыми он хвастался, лишь в незначительной степени отображали действительные факты, известные работникам разведывательного отдела. Однажды он был заметно смущен, когда после того, как он абсурдно преувеличил значение сделанного им в Средиземном море, присутствовавший английский офицер рассказал правдивую версию происшедшего.

— Откуда, чорт возьми, вы знаете это? — выпалил немец.

— Нам положено знать такие вещи, — гласил ответ, — между прочим, просто так, из любопытства, какой из ваших братьев женился на Гертруде Леман? Отто или Вольфганг?[1]

— Конечно, Отто. Вольфганг никогда не имел шансов, но, чорт побери, кто болтает о моих личных делах?

Он резко оборвал разговор, озадаченно глядя на своего собеседника. Его шея покраснела от удивления и негодования. Но больше с ним ни о чем не беседовали. Действительно, разведывательный отдел имел довольно подробные «дела» на каждого командира германской подводной лодки, находившейся в море. Такие сведения давали нам возможность предсказывать с благоразумной уверенностью поведение любого из них при определенных обстоятельствах. Часть нашей противолодочной тактики в значительной степени основывалась на этом психологическом факторе.

Однако, в то время как пленный этот был весьма словоохотлив, откликаясь на различные темы, на вопросы о германском военном флоте он ничего не отвечал.

Тем временем наши союзные друзья из другой страны, узнав о нашей добыче, прислали настоятельное требование о его выдаче. Они открыто признавались в своем намерении предать его суду за поругания над людьми их национальности. Ему бы безусловно пришлось плохо, будь он выдан им. Это требование поставило наше руководство в трудное положение. С одной стороны, они не хотели отказывать верному союзнику; с другой стороны, не желали передать пленного, захваченного на войне, тем более что дело против него было заранее предрешено.

Прежде чем было принято какое-нибудь решение, весть о том, что выдачи пленного требовали, была однажды, поздно ночью, сообщена ему двумя офицерами разведки. Он умолял офицеров спасти его: «Если вы — сказал он — предадите меня этим дьяволам, они убьют меня как собаку». Он обещал в благодарность за сохранение ему жизни рассказать все, что они пожелают узнать. Они, конечно, не могли дать ручательства, но предложе-

---

[1] Некоторая похвальба своими контрразведчиками здесь у автора ясно проглядывает.

ние было сообщено соответствующим лицам и, после некоторого обсуждения, пленному сообщили, что его не вышлют из страны, если он даст нужные сведения.

При допросе пленный сделал больше, чем обещал, отвечал на все вопросы без колебаний и добровольно сообщал сведения, имеющие первостепенное значение.

Сведения, полученные таким образом, в значительной степени помогли выяснить состояние германского флота в данный момент, в особенности подводных лодок. В некоторых случаях эти данные дали нам возможность принять контрмеры, которые должны были ошеломляюще поразить противника.

Среди фактов, открытых нам пленным офицером, было и применение «ведущего привода» для плавания подводных лодок у побережья Фландрии. Какие именно меры предприняло руководство разведывательного отдела в этом особом случае — осталось тайной. Есть, однако, основание предполагать, что примерно неделю спустя ведущие кабели Зеебрюгге — Остенде внезапно перестали функционировать. Это привело к тому, что часть подводных лодок, направляющихся в свою базу, потеряла направление и натолкнулась на минные поля или сети. Больше их не видели.

От других военнопленных моряков мы впервые услышали о немецком плане нанесения решительного удара Гранд Флиту. Правда, слух об этом плане был, возможно, обронен для того, чтобы избежать вмешательства в неожиданно появившуюся поразительно колоссальную программу строительства подводных лодок. Однако о нем следует сказать пару слов.

Короче говоря, идея немцев заключалась в том, чтобы построить эскадру нетонущих линкоров, которые могли бы действовать в качестве передового отряда для флота Германии.

Линкоры должны быть кораблями с низкой посадкой, широкими, со средней скоростью, снабженными броней, толще чем на любом существующем судне, непробиваемой самыми тяжелыми снарядами, за исключением попаданий по прямой. Главное вооружение каждого из этих сверх-мониторов, потому что таковыми в действительности они являлись бы, должны были составлять 10—12 пятнадцатидюймовых орудий. Корабли эти имели бы весьма ограниченный радиус плавания.

Жилые помещения были наиболее примитивны, а оборудование ограничивалось строго тем, что требовалось для навигационных или боевых целей.

Только сокращая машинное помещение и каюты для личного состава до минимума, можно защищать корпус от торпед и мин.

Четыре из этих кораблей должны были образовать «Железную дивизию», которая повела бы Флот Открытого моря в бой против Гранд Флита. В их задачу входило выйти прямо навстречу противнику и обстрелять его одновременно из всех орудий на ближайшем из возможных расстояний. Во время продвижения необычайно крепкая защита спасет их от возможности быть искалеченными, а на сравнительно близкой дистанции

мощное вооружение нанесет сильное поражение английским линкорам, имевшим броню средней толщины.

До тех пор, пока «Железная дивизия» не удержит основную часть противника, главные силы Флота Открытого моря не присоединятся к бою. Если потребуется, то четыре монитора должны будут пожертвовать собой, так как они были запроектированы только с одной специальной целью, и поскольку цель эта будет достигнута, без них можно будет легко обойтись.

Если только Гранд Флит не предпочтет избежать сражения и дать изгнать себя с поля боя, что считалось совершенно невозможным, ему придется выдержать бешеный натиск «Железной дивизии», каждая единица которой расценивалась как равная по боевой мощи двум английским линкорам.[1]

Вполне вероятно, что внезапное введение этой дивизии могло иметь почти такое же моральное и материальное воздействие, как первый английский танк при Камбрэ. Вот это-то и предвкушали немцы. Но из жалких деталей проекта, оставшихся в сохранности, весьма сомнительно, что они были бы столь же неуязвимыми в сражении, как казались на бумаге. Ни один корабль, как бы сильно он ни был бронирован, не может в течение длительного времени выдерживать концентрированный огонь тяжелых морских орудий, бьющих с близкого расстояния. Более того, скорость кораблей Гранд Флита давала ему возможность открыть огонь на выбранной им дистанции, не покидая поля боя. В этом случае не могла быть применена особая тактика, для которой была спроектирована «Железная дивизия».

Данные соображения, по всей вероятности, частично явились причиной того, что план этот был окончательно отброшен. Были сданы заказы на строительство четырех сверхмониторов, заключены договоры на машинное оборудование и вооружение, но мониторы не были заложены.

Таким образом, «Железной дивизии» не довелось бороздить воды Северного моря, а немецкие мечты об одетых в кольчугу мастодонтах, разрывающих в классическом стиле фронт английских кораблей, приводящих их в смятение и предающих расшатанные эскадры на расправу грохочущему огню бортовых орудий Флота Открытого моря, не осуществились. Возможно, что Германия выиграла оттого, что план этот лопнул, так как успех его в большей степени зависел от сохранения тайны до последнего момента, тогда как в действительности, подобно многим другим «секретным» военным планам Германии, слух о нем дошел до английских ушей еще на ранней стадии его разработки.

---

[1] Здесь автор фантазирует.

Глава III

Тайны взрывов военных кораблей

Во время мировой войны международные законы открыто и непрестанно попирались. Так были созданы условия для нелегальной работы на суше и на море, работы, которую будущие поколения будут иметь основания проклинать.

Помимо открытых столкновений армии и флота, каждая сторона пыталась нанести урон другой стороне, пользуясь и менее открытыми методами. Когда методы эти были эффективны, ущемленная сторона всегда была готова кричать: «Нечестная игра!», что лишь указывало на недостаток чувства соразмерности. Во время войны так же законно тайно подбросить бомбу в какой-либо погреб неприятельского линкора, стоящего в порту, как и атаковать этот линкор в море артиллерийским огнем или торпедой. Те, кто возмущаются при одном упоминании о таком «вероломном поступке», нелогичны, чтобы не сказать больше.

Будь у нас возможность, мы уничтожили бы немецкие корабли с помощью спрятанных бомб с таким же малым сожалением, как и немцы взорвали бы наши, пользуясь этими же средствами.

Некоторые указывают на многочисленные взрывы военных кораблей, явно вызванные плохим качеством боеприпасов. Так, например, взрыв на японском линкоре М и к а с а в 1905 году и на крейсере М и ц у с и м а в 1908 г., случай с бразильским броненосцем А к в и д а б а н в 1906 г., случай с французскими линкорами И е н а и Л и б е р т е в 1907 и 1911 гг. Помимо этих больших несчастий имел место и ряд менее серьезных инцидентов, вызванных порохом или снарядами, имеющими какие-либо дефекты.

После гибели Л и б е р т е из погребов других французских военных кораблей были взяты образцы пороха, который, как было установлено после испытания, оказался в весьма плохом состоянии. Это был знаменитый порох «Б», имевший тенденцию очень быстро портиться, становясь таким образом страшной угрозой для любого корабля, несущего его. После происшествия с Л и б е р т е порох этот был снят с вооружения, и многие сотни тонн его были сброшены в море.

При рассмотрении целой серии таинственных взрывов, происшедших во время войны на боевых кораблях союзников, следует иметь в виду вышеперечисленные факты. Установлено, что ряд взрывов был организован агентами противника. В целом ряде случаев имеется лишь сильное подозрение, что они являлись делом рук противника, однако определенных указаний и подтверждений не имеется.

Когда в апреле 1915 года Италия объявила войну Австро-Венгрии, последняя занялась организацией систематической кампании саботажа в тылу у Италии. Австрийское морское командование получило подробные планы от человека, по имени Луиджи Фидлер, который в своей несколько своеобразной области был поистине гением. Прослужив несколько лет в австро-венгерском

флоте, он поселился на жительство в Вене в качестве инженера. Помимо этого он был и высококвалифицированным химиком. Как и у многих других подданных старой дуалистской монархии, прибывших из Триеста или из Северной Далмации, в его жилах текла итальянская кровь, и говорил он по-итальянски как природный итальянец. Однако Италия не имела более озлобленного, более неумолимого и более неустрашимого врага.

План Фидлера был необычайно прост. Он предложил составить список людей, которые, подобно ему, могут легко сойти за итальянцев. Затем он предлагал насадить этих людей на итальянских верфях, угольных станциях и других военно-морских объектах. Люди будут снабжены бомбами, сделанными в виде различных безопасных предметов, которые при удобном случае должны быть подброшены в такие места, где причинят максимальный вред, предпочтительно на военные корабли или в склады боеприпасов на берегу.

Он сам сконструировал бомбы, которые делались под его личным наблюдением в арсенале Пола. Они были так хитроумно замаскированы, что только ближайший и самый тщательный осмотр открыл бы их настоящий характер. Некоторые из бомб по форме, цвету и весу напоминали глыбы угля, но внутри стального корпуса находился заряд аммонала или какого-либо иного сильно взрывчатого вещества, способного взорваться с помощью простого, но эффективного запала с часовым механизмом. Прочие бомбы были сделаны в виде нефтяных металлических бочек, бочонков с краской или пищевых консервов. Наибольшие экземпляры имели почти центнер аммонала, а самые маленькие — всего фунт или два того же вещества.

От австрийской разведывательной службы Фидлер получил детальные схемы всех наиболее важных итальянских военных кораблей. Поэтому он был в состоянии установить, в каких именно пунктах корабля внутренний взрыв окажется наиболее опасным, и мог в соответствии с этим инструктировать своих подчиненных. В его распоряжении были также и планы основных итальянских доков и военно-морских баз. Люди его, прежде чем быть посланными для выполнения своих гнусных заданий, тщательно обучались работе, которую им предстояло выполнять, и снабжались фальшивыми удостоверениями. Работа Фидлера всюду вызывала удивление. Он не упускал ни одной детали, как бы ничтожна она ни была. Поразительный успех, сопровождавший действия этого австрийского «бомбового отряда», в большей степени был результатом организаторских способностей Фидлера.

Казалось, для насаждения секретных агентов в итальянские военно-морские учреждения не было затруднений. Адриатическое побережье Италии, большой протяженности и малонаселенное даже в лучшие времена, не могло хорошо охраняться. Маленькие партии противника могли высаживаться на берег незамеченными в одном из удобных пунктов побережья. Известно, что за время войны Фидлер сам несколько раз посещал Италию. Предполагают,

что его туда доставляла подводная лодка или самолет. Есть достоверные сведения о том, что к июлю 1915 года десять или двенадцать его эмиссаров уже занимали соответственные посты и были готовы к действиям.

Их первая попытка диверсии, проделанная в следующем месяце, потерпела поражение. Когда итальянский эсминец оставлял Бриндизи, отправляясь для исполнения сторожевых обязанностей, в одном из угольных бункеров была обнаружена бомба. Открытие, говорят, было сделано помощником кочегара, заметившим, что большой кусок угля издал металлический звук, когда до него дотронулась лопата. Уголь этот был устранен, и после его исследования обнаружили, что он содержит большой заряд аммонала. Попади эта адская машина в котельную топку, взрыв ее несомненно потопил бы корабль. Результатом этого события был арест одного рабочего, который был подвергнут военному суду и присужден к расстрелу.[1] Хотя связь его с Фидлером не была установлена, однако он, по всей вероятности, являлся членом «бомбового отряда».

Несколько недель спустя диверсанты достигли ошеломляющего успеха, уничтожив линкор. Это был Бенедетто Брин, водоизмещением в 13 400 тонн, с командой в 800 человек. Корабль этот, правда, не современной конструкции, все же был еще довольно мощным, и потеря его была жестоким ударом для итальянского флота. 27 сентября 1915 года линкор стоял на якоре, когда в одном из нижних помещений произошел взрыв, начался сильный пожар, и, прежде чем удалось потушить его, пламя распространилось до погреба боеприпасов, который взорвался. Взрыв потопил корабль и команду в 400 человек. По официальным донесениям, расследование установило факт предательства и диверсии. Сведения эти были подтверждены после войны официальным австрийским заявлением о том, что на корабль была подброшена бомба.

К этому времени итальянцы должны были полностью осознать опасность, которая крылась среди них, и возможно, что предпринятые ими меры предосторожности на некоторое время заставили свернуть работу «бомбового отряда». До начала 1916 года не было сведений ни о каких новых попытках диверсии, а попытка, совершенная в начале 1916 года, провалилась. Взрыв произошел на легком крейсере, находившемся в Венеции, однако повреждения были несерьезными. Когда пожар был потушен, в другой части корабля обнаружили тяжелую бомбу. Бомба была выброшена за борт и, по рассказам, несколькими минутами позже взорвалась со страшной силой.

Наиболее тяжелый удар, вызванный фидлеровскими аппаратами, начиненными взрывчатым веществом, еще только должен

---

1 Капиталисты охотно все „беды" пытаются свалить на рабочих. Так, 21 октября 19.6 г. после гибели линейного корабля Императрица Мария правительство царской России ее гибель пыталось свалить на революционных рабочих, в то время как враждебный акт совершен немецкими диверсантами.

был обрушиться на итальянцев. 2 августа 1916 года новый дредноут Леонардо да Винчи стоял во внутреннем бассейне в Таранто. Это был один из самых красивых линкоров итальянского флота, водоизмещением в 22 000 тонн, со скоростью хода в 23 узла, имевший на вооружении внушительную артиллерию из тринадцати 12-дюймовых орудий. Корабль этот находился в строю едва ли два года и вместе с другими линкорами держался в Таранто наготове, чтобы отразить выход австрийского боевого флота. В момент бедствия на корабле грузили припасы, готовясь к отплытию. По сходням вверх и вниз беспрерывно проходили толпы доковых рабочих и носильщиков. Нет сомнения, что среди них был один или даже несколько австрийских агентов, которым удалось пронести на борт корабля бомбы. Возможно, что это был именно тот удобный случай, которого искали.

Внезапно под палубой раздался приглушенный взрыв, вслед за которым из кормы вырвались языки пламени. Немедленно прозвучала тревога. Команда храбро сражалась с огнем, но корабль был обречен. Раздался еще один взрыв, на сей раз более сильный, затронувший и склад боеприпасов. Вскоре вслед за этим огромный линкор перевернулся, как черепаха, и затонул. Погибло 200 человек офицеров и матросов, помимо неустановленного количества докеров. Разлетевшиеся обломки вызвали потери и на других кораблях. Подозревали, и не без основания, что катастрофа была подстроена агентами противника. Все выходы из дока охранялись. Были произведены поголовные обыски, но все безрезультатно. Тщательный допрос личного состава не привел ни к чему и не раскрыл присутствия диверсанта. Факт, который сам по себе говорит о той тщательности, с которой Фидлер подбирал своих людей. По военным соображениям событие это скрывалось в течение нескольких месяцев, хотя едва ли следует сомневаться в том, что австрийские шпионы быстро передали эту новость в Вену.

После этого трагического случая итальянские власти удвоили меры предосторожности. Для охраны кораблей и верфей были предприняты мероприятия, продуманные самым тщательным образом. На каждом корабле, во время его пребывания в порту, были расставлены сыщики, замаскированные самым различным образом. Специальные агенты вели тщательную слежку среди персонала, работающего на верфи.

Бдительность, казалось, на некоторое время пресекла деятельность вредителей, так как никаких преступлений более не было. Но у Фидлера имелись другие планы, к исполнению которых он и приступил. Агенты австрийской разведки донесли, что итальянская база подводных лодок в Таранто, расположенная на некотором расстоянии от главного порта, охранялась не весьма тщательно и что доступ в нее был довольно легкий. По временам в бухте одновременно стояли до дюжины подводных лодок. Во время отпусков лодки были почти совершенно пусты, на борту оставалось два-три человека. По получении этих сведений, австрийский «бомбовый отряд» задумал провести свое наиболее

смелое предприятие — молниеносный набег на базу с целью уничтожения или выведения из строя всех подводных лодок, которые могли в это время оказаться в бухте. В набеговую партию были отобраны два офицера и двадцать матросов, большинство которых свободно разговаривало по-итальянски. Вооруженные до зубов, снабженные мощными бомбами, они должны были после наступления темноты высадиться в одном из пунктов итальянского побережья, в нескольких милях от базы подводных лодок. Быстрый переход доставил бы их к месту назначения до зари. Часовые или оказавшие сопротивление должны были быть убиты. Бомбы с быстродействующими запалами предполагалось подбросить в подводные лодки через входные люки.

Таким образом преднолагалось потопить подводные лодки, потому что внутренность их будет разодрана взрывчатым веществом.

До определенного момента все шло, как намечалось по плану. В безлунную ночь партия диверсантов была без приключений высажена на берег. Для переброски использовали подводную лодку и быстроходный катер. Без отлагательств был начат форсированный марш. Несколько человек, встретившихся по дороге, по обмундированию приняли их за итальянский отряд.

И вот здесь-то и выявилась слабая сторона так хорошо продуманного плана. Люди были так нагружены оружием и бомбами, что скорость их марша быстро снизилась. Пришлось задерживаться, чтобы передохнуть. Рассвет застал их в двух милях от цели. Вскоре они были окликнуты итальянским патрулем. Сопротивление было бесполезно, люди истощили свои силы, и оба австрийских офицера сдались на милость противника.

Подвиги австрийского «бомбового отряда», рассказанные выше, полностью подтверждены и признаны австрийскими историками. Но, по заявлению самого Фидлера, операции его были более широкого масштаба и более разрушительные, чем об этом сообщают официальные доклады. Он заявляет, что принимал участие в разрушении около 50 000 тонн неприятельского тоннажа, и вполне возможно, что ряд потерь, приписываемых другим причинам, в действительности были вызваны его изобретательными методами ведения «тайной войны».

До сегодняшнего дня не совсем ясно, являлись ли таинственные взрывы во время войны, стоившие английскому флоту пяти боевых кораблей, чисто случайными происшествиями.

Слухи, неизбежно циркулирующие в таких случаях, следует подвергать большому сомнению. Сведения, опубликованные в то время, были самые скудные. С тех пор они не были дополнены. Только при разборе судьбы корабля Нэйтл закрадывается сомнение относительно правильности теории несчастного случая. Есть предположение, что теория эта была преждевременна.

Не прошло и четырех месяцев войны, как печальное событие на мгновение ошеломило страну. Утром 26 ноября 1914 года Булуорк — линкор додредноутного типа, водоизмещением в 15 000 тонн, находился в Ширнессе. Рабочие, работающие на

погрузке боеприпасов в погреба, убирали взятые вчера на борт снаряды. Было около 8 часов утра. Часть личного состава проходила обучение. Корабельный оркестр был собран на шканцах и приготовился к поднятию флагов. Но их так никогда и не подняли. Внезапно линкор заволокло густой пеленой дыма, и над водой разнесся громовой взрыв. Когда завеса рассеялась, никаких признаков корабля не было видно.

Свидетели, говорившие, что взрыв сначала произошел в кормовом складе, описывают его как серию фейерверков, вспыхивавших то на одном, то на другом конце корабля.

Лейтенант Каролл, помощник офицера по погрузке угля в Ширнессе, проходил в это время по Мидуэй. Он только что прочел обычный сигнал, поданный на Булуорке, когда увидел, как из-за кормовой 12-дюймовой башни взвилось пламя. «Затем пламя как будто перебежало к кормовой трубе. Казалось, вся внутренность корабля взлетела на воздух. Все горело». Ни он, ни другие наблюдатели не заметили никакого волнения на воде. Море было безмятежно. На корабле, по заявлению лейтенанта, было одиннадцать погребов. Все они несомненно взорвались.

Взрыв был слышен в двадцати милях от места происшествия. Жители побережья в Саузенд и Уэстклиф-он-Си видели яркую вспышку, за которой последовали густые клубы зеленоватого дыма, висевшего в воздухе примерно десять минут. Сотни арестованных немецких граждан, находившихся на судах в Саузенд Род, были встревожены сотрясением. На поверхности воды, в самом месте происшествия, плавали куски дерева, висячих коек, обрывки одежды и тому подобное. Так как на Булуорке имелось много секретных бумаг, то в близлежащей местности были произведены тщательные обыски. Из всей команды корабля, насчитывавшей 800 человек, в живых осталось лишь четырнадцать, двое из которых умерли от ранений. Тяжелые потери личного состава объяснялись тем фактом, что в 7 часов утра прекратились отпуска на берег и на борту корабля был весь экипаж.

Сначала, вполне естественно, предполагали, что линкор был атакован немецкой подводной лодкой. Находившиеся в порту корабли немедленно опустили противоторпедные сети. Однако предположение это было скоро отброшено. В тот же день два флагманских офицера в Норе информировали адмиралтейство о том, что «причиной гибели корабля явился взрыв внутри погреба». Эта точка зрения была принята и комиссией по исследованию причин происшествия, которая докладывала следующее:

«Из полученных сведений явствует, что взрыв, вызвавший потерю корабля, произошел из-за случайного воспламенения боеприпасов, находящихся на корабле. Нет никаких показаний, которые подтверждали бы предположение о том, что взрыв произошел вследствие предательства на корабле или вследствие действий противника». Следующая катастрофа подобного же рода произошла 27 мая 1915 года, когда погиб вспомогательный минный заградитель Принцес Иренс.

Это был один из двух прекрасных пароходов, законченных постройкой в 1914 году для компании Канадиан-Пассифик. Водоизмещение его 5934 гросстонн. Оба парохода впоследствии были куплены адмиралтейством и переделаны в минные заградители. В момент бедствия пароход Принцес Иренс стоял в порту Виктория. На берегу работала большая партия рабочих-кораблестроителей. В 11 часов 15 минут утра произошел страшный взрыв. Столб дыма скрыл все на несколько минут. Когда дым рассеялся, большой трехтрубный пароход исчез, почти не оставив обломков.

Взрыв был, по описанию, значительно более громкий, чем тот, который привел шесть месяцев тому назад к гибели Булуорка. Обломки корабля были разбросаны по широкой площади, нанеся повреждения как на других кораблях, так и на берегу. Взрыв был так силен, что повреждены были дома, расположенные на много миль поодаль.

В воздух с корабля поднялась большая туча бумаг, и, несмотря на отсутствие даже легкого ветерка, некоторые из них были занесены на 10—12 миль в глубь страны. Многие документы были подобраны в деревнях, расположенных близ Мэйдстон. В Аллингтоне, Барминге и Тестоне формы военно-морских сигналов и другие документы, полуобгоревшие и залитые свинцом, падали прямо дождем. В Ньюингтоне, в восьми милях по прямой от места событий, были найдены два полотенца с написанным на них названием корабля.

Погибло более 300 человек офицеров и рядовых и 78 рабочих из дока. Единственный оставшийся в живых кочегар Давид Уиллс страшно обгорел. Причину потери Принцес Иренс было легко объяснить ввиду опасного характера носимого им груза. Так как не было никаких доказательств противного, то предположили, что, по всей вероятности, упала или сотряслась мина. Ввиду того, что на корабле находились сотни этих страшных аппаратов, неудивительно, что его разорвало на мельчайшие куски. Однотипный с ним минный заградитель Принцес Маргарет прошел всю войну и оставался в строю в качестве минного заградителя до 1927 года.

Третьим английским кораблем, погибшим от того, что называли внутренним взрывом, был броненосный крейсер Нэйтл. Водоизмещение его 13 550 тонн, скорость 22½ узла, на вооружении — шесть 9,2 дм. и четыре 7,5 дм. орудий. 30 декабря 1915 г. Нэйтл стоял на якоре в заливе Кромарти Фирс, у деревни того же наименования. На корабле встречали новый год. Среди гостей было много детей.

Вдруг в Кромарти услышали глухой взрыв и увидели дым, вырывающийся из кормовой части корабля. Взрыв произошел где-то глубоко в корпусе и был настолько глухим, что его не услышали на кораблях, стоявших поблизости. Затем последовали более сильные взрывы. Крейсер быстро перевернулся и пошел ко дну. Вместе с кораблем исчезло 428 человек. Большинство оставшихся в живых находилось в передней части корабля,

менее остальных поврежденной. Все приписывали несчастье взрыву в погребе. Эта же причина признана и комиссией по исследованию причин аварий. Первопричиной взрыва, по подозрениям, являлись японские боеприпасы для ручного огнестрельного оружия. Флот был снабжен ими взамен правительственных боеприпасов, в которых остро нуждался Западный фронт. После происшествия с Нэйтл все запасы этих боеприпасов были выгружены на берег или сброшены в море.

Несмотря на официальное сообщение, теория несчастного случая признается не всеми. До сегодняшнего дня имеются авторитетные люди, убежденные, что Нэйтл был уничтожен при косвенном участии противника. До 1930 года эта точка зрения не подтверждалась никакими определенными фактами. Возможно, что имелись сведения, которые желательно было скрыть.

В 1930 г., во время операций по подъему потонувшего корабля, выяснилось, что большинство (если не все) погребов, которые по предположениям взорвались, оказались нетронутыми. Возможно, конечно, что взорвался один погреб, а остальные немедленно заполнились водой.

Однако во многих осведомленных кругах все еще придерживаются той точки зрения, что применена была адская машина. Говорят о том, что агентам противника не представлялось никаких затруднений подбросить бомбы на корабль. Нэйтл вернулся из Ливерпуля, где за несколько дней до этого находился в доке. В этом порту ворота дока не охранялись и, очевидно, не велось никакого наблюдения за людьми, входящими и выходящими из дока. Для агента противника, под видом рабочего, было чрезвычайно легко проникнуть на военный корабль. Несколько месяцев спустя после трагедии с Нэйтл в Гранд Флите циркулировали слухи о том, что на борту крейсера Энтрим был обнаружен какой-то человек в одежде рабочего, что-то мастеривший с аппаратурой в погребах. Как бы то ни было, причина гибели Нэйтл окончательно не установлена, а открытие, сделанное при спасательных работах в Кромарти, только усугубляет тайну.

С точки зрения адмиралтейства, судя по официальному заявлению, сделанному через 5 дней после гибели линейного корабля Вэнгард в мае 1917 года, в этих событиях не было ничего таинственного. Заявление гласило: «Вэнгард взорвался, находясь на якоре, в ночь на 9-е текущего месяца в результате внутреннего взрыва. Корабль сразу пошел ко дну. В живых осталось лишь три человека: один офицер и двое рядовых. Офицер умер». Фраза «внутренний взрыв», очевидно, должна была означать самопроизвольное воспламенение боеприпасов и, без сомнения, была применена, чтобы успокоить общественное мнение, возбужденное следовавшими одно за другим несчастьями.

Из всех потерь гибель линкора Вэнгард со всех точек зрения была самой серьезной. Погибло 800 человек. Сам по себе корабль был ценной единицей боевого флота. Дредноут водо-

измещением в 19 250 тонн, вооруженный 10 двенадцатидюймовыми орудиями, он находился в строю всего семь лет. Взрыв произошел, когда корабль стоял на главной якорной стоянке в Скапа-Флоу вместе с другими кораблями, входящими в одно с ним соединение. Дредноут взлетел на воздух в языках пламени. Когда рассеялся дым и прекратился дождь из обломков, от большого линкора не осталось ничего.

В водовороте мировой войны даже это потрясающее событие было отражено всего лишь несколькими строчками сообщения адмиралтейства. Тот факт, что наши корабли постоянно подвергались какой-то невидимой угрозе, даже находясь на укрепленных якорных стоянках, вызвал широко распространившуюся тревогу, нашедшую свое отражение и в парламенте. Было возбуждено ходатайство о том, чтобы все рабочие, посылаемые на корабли с любыми целями, находились под наблюдением командира корабля и чтобы последний имел право обыскивать их и осведомляться об их прошлом. Виконт Темплетон, поддержавший это требование, намекнул, что арестован человек, подозревающийся в уничтожении В э н г а р д а. Факт этот отрицается адмиралтейством, но общественное мнение не может оставаться глухим к волнующим слухам, продолжающим циркулировать.

Один из выдающихся военно-морских корреспондентов писал в то время: «К несчастью, это не первое бедствие такого рода, происшедшее в английском флоте. Уже в случаях, имевших место ранее, предполагали наличие предательства, однако официальные заверения успокоили эти страхи. Как раз в этот период появилось сообщение о сильно действующих взрывчатых веществах, которым была придана форма кусков угля и которые предназначались для корабельных бункеров. С этого времени на английских, французских и итальянских кораблях возникали бедствия».

Теория несчастного случая предполагает плохое качество боеприпасов, беспечное обращение или хранение их при отсутствии достаточных мер предосторожности в погребах. Странно, однако, что такие промахи оказались присущими главным образом флотам союзников. Япония потеряла два корабля и Россия один корабль — все по той же причине внутреннего взрыва. Подозрительное отсутствие этих фактов перечисленных выше недостатков на флотах противников настолько странно, что бросает тень сомнения на всю теорию в целом.

Единственным исключением является германский крейсер К а р л с р у э, взорвавшийся 4 ноября 1914 г. Официальной причиной взрыва было признано воспламенение боеприпасов.

Последней жертвой этой таинственной причины был английский монитор Г л э т т о н. Снова мы сталкиваемся с весьма существенным совпадением, а именно: взрыв произошел не в море, а в укрепленном порту.

16 сентября 1918 г. корабль находился в Дуврском порту, переполненном различными судами. Спускались сумерки, и вдруг

колоссальный взрыв потряс город. Толпы народа бросились к берегу моря. Глэттон пылал. Произошел еще ряд взрывов. Катера и буксиры сновали вокруг корабля, подбирая раненых людей. Огонь усилился.

Опасались, что огонь достигнет главных погребов Глэттона: тогда произойдет страшная катастрофа, так как совсем рядом с ним стояли и другие корабли, нагруженные взрывчатыми веществами, включая и глубинные бомбы. Неподалеку стоял корабль, собиравшийся отплыть во Францию, до самого верха нагруженный боеприпасами.

При этих обстоятельствах вице-адмирал Кийз приказал утопить Глэттон, что и было сделано при помощи торпед, выстреленных с эсминца.

По истечении такого количества лет едва ли следует надеяться, что будет пролит свет на эти пять таинственных происшествий, описанных выше. Кажется невероятным, чтобы морские власти не имели никаких других сведений, за исключением тех, которые были опубликованы. Вполне возможно, что они придерживаются политики «умалчивания».

Глава IV

Приключения английского агента в германской военно-морской базе

Как друзья, так и враги свидетельствуют о необычайной действенности английской военно-морской разведывательной службы во время войны. Это была в своем роде наиболее совершенная организация. Роль, которую она сыграла в деле нанесения поражения противнику, теперь уже является вопросом истории.

Рассматриваемые в свете недавних открытий, методы ее работы потеряли некоторую долю таинственных чар, окружавших ее. Известно, например, что германские шифрованные телеграммы, перехватываемые нашими радиостанциями, давали возможность разведывательному отделу предсказывать передвижения германского флота с точностью, которая для непосвященных казалась положительно сверхъестественной. Германские подводные лодки из-за неосмотрительного использования радио во время пребывания в море сами довольно хорошо информировали нас о своих действиях. Задача агентов разведывательного отдела облегчалась еще и тем обстоятельством, что германское адмиралтейство имело привычку продолжать пользоваться сигнальным кодом долго после того, как он был расшифрован нашими криптографами.

С другой стороны, совершенно неправильно предполагать, что успех работы военно-морской разведки целиком был достигнут с помощью механических средств. На всем протяжении

войны мы крайне нуждались в сведениях по многим военно-морским вопросам, о которых германское радио умалчивало. Неймюнстер — военно-морской радиоцентр Германии — был чрезвычайно болтлив, когда дело касалось предполагаемого выхода Флота Открытого моря, отплытия замаскированного «пирата» или начала секретной операции по постановке мин. Однако он ничего не смог сказать о прогрессе в германском военном кораблестроении, о проводящихся на германских верфях ремонтных работах или о моральном состоянии личного состава Флота Открытого моря.

Подобного рода сведения могли быть получены только на месте, тем не менее во весь период войны мы не испытывали недостатка в них.

Сейчас, пожалуй, жив только один человек, который точно знает, как и кто добывал эти сведения, но он не склонен открывать тайны. Тем не менее мы можем пролить некоторый свет на работу разведывательной службы в тылу противника. Работа была исключительно опасной, и не мало людей, занимавшихся ею, поплатились жизнью. Для достижения результатов было недостаточно одной только храбрости. Бесстрашный агент мог пробраться на германскую верфь или даже проникнуть на военный корабль, но если он не знал, что искать, не мог дать оценку тому, что видел, он бесцельно рисковал своей жизнью. Один из наиболее неустрашимых людей, которых мы имели в Германии, был всюду, видел, практически, все и, несмотря на это, давал весьма мало ценных сведений. Причиной этого являлся недостаток необходимых технических знаний и отсутствие терпения, чтобы овладеть ими.

Старый, как мир, Кентский сад абсолютно неподходящее место для изложения опыта секретной работы в Германии в период войны, однако именно там я услышал нижеприводимую историю. Я полагаю, что это первый достоверный рассказ подобного рода, который появился в печати.

«Вы знаете, — сказал мой собеседник, — что с 1910 года я из любопытства занимался разведывательной работой для нашей страны, и знаете, какова была моя квалификация. В конце июля 1914 года я был в Мюнхене. Уже чувствовалось вполне ясно, что надвигалась гроза, и я приготовился к тому, чтобы 28-го выехать в Италию. Вечером 26 июля, когда я запаковывал вещи, мне сообщили о посетителе, и, к моему величайшему удивлению, вошел С. Его я ожидал меньше всего. Только два месяца тому назад мы встретились с ним в его конторе, вблизи Уайтхолла, где, как я предполагал, он и должен был находиться в то время.

Он сказал, что не пройдет и недели, как мы будем воевать с Германией, и спросил — готов ли я остаться в стране, чтобы заняться разведывательной работой. Сначала я категорически отказался. Не только потому, что риск пугал, но и потому, что не видел возможности передать добытые сведения в Англию. Но С. уговорил меня. Оставаясь здесь, — заявил он, — вы сослужите своей стране величайшую службу. Совершенно необхо-

димо, чтобы наши люди были осведомлены о германских военно-морских планах и передвижениях. Более того, если вы сможете поставлять необходимые сведения, вам нечего беспокоиться о том, как они будут переданы дальше, это мы устроим. Что касается вознаграждения, то у вас не будет причин жаловаться.

В качестве особого поощрения мне передали наметку моих поручений. Мое личное мнение было, что через месяц или два я перестану интересоваться подобного рода вещами и вообще всякими мирскими делами. С. предложил различные методы, чтобы скрыть мою личность. В конце концов мы решили, что я буду электротехником, прибывшим из Мюнхена. У меня были довольно основательные познания в электротехнике, я вполне хорошо обращался с инструментами, а мое знание немецкого языка было действительно отличным. Поскольку я находился в Пруссии, незначительные погрешности в области разговора могли быть приписаны моему баварскому происхождению.

С. обещал снабдить меня в течение ближайших четырех дней полным комплектом удостоверений и служебных рекомендаций. Я позже узнал, что все эти бумаги были получены в Цюрихе, где пара предприимчивых шведов специализировалась на фабрикации паспортов и т. п. В 1917 году один из них отстранился от дел, нажив капитал в 150 000 фунтов стерлингов. Его партнер продолжал заниматься тем же делом и, насколько мне известно, возможно продолжает заниматься им и по сегодняшний день. У них была своя собственная этика. Они хвастались, что никогда не поставляли фальшивых бумаг для беглых уголовных преступников. Вполне вероятно, однако, что понятие «преступники» было несколько растяжимым. Что касается их мастерства, то могу только сказать, что бумаги, которые я получил от них, не раз обманывали самые острые глаза чиновников, проверяющих паспорта.

Первой задачей, стоявшей передо мной, было то, как выждать четыре дня. Германия находилась накануне войны. Налицо имелись первые признаки сильной «шпионской» лихорадки, и для англичанина было не совсем удобным свободно расхаживать. Однако без необходимых бумаг выдавать себя за немца было опасно. После длительных размышлений я решил временно исчезнуть. Условились, что в полдень 3 июля я встречу посланца С. с фальшивыми бумагами в кафе в Пасинг, на окраине Мюнхена. Мы должны были опознать друг друга. Человек этот, как уверил меня С., заслуживал абсолютного доверия.

Мне дали адрес в Гамбурге, по которому я мог посылать донесения, пока не получу другие инструкции. Все сообщения должны были быть написаны шифром, который я время от времени получал. Шифр был прост, но необычайно остроумен. Основывался он на торговых каталогах крупной инженерной фирмы, и я бы сказал, что без ключа его нельзя было прочесть. С. передал мне также 300 фунтов стерлингов в германских де-

нежных знаках. Дополнительные суммы должны были передаваться мне агентом, который несколько позже установит со мною связь. Следует сказать, что все время, которое я пробыл в Германии, пересылка донесений в Англию, также как снабжение агентов разведки инструкциями и деньгами, проводилась безотказно. Не буду останавливаться на том, как это делалось, но работа была поставлена прекрасно. Человек, организовавший все это, сейчас является старшим компаньоном одной из крупнейших банковских фирм в Сити.

Мы с С. расстались, и я не встречался с ним до окончания войны. Возвратившись к себе, я распаковал свои вещи. Оставил только маленький потертый чемоданчик; все остальное, в двух чемоданах, я отправил своему другу в Милан. Затем я купил полное снаряжение, пригодное для германского мастерового из высших слоев. Чтобы обеспечить себе безопасность, я направился в полицию, где заявил, что отправляюсь в Италию. Ввиду напряженной политической обстановки я подозревал, что полиция уже более строго следит за иностранными резидентами.

В тот же день, надев свою новую одежду, я покинул Мюнхен и отправился в Регенсбург. Я остановился в скромной гостинице, а утром купил велосипед. Следующие три дня я провел, добираясь на велосипеде окружным путем до Мюнхена. Дорога шла через Ингольштадт и Аугсбург. Рабочий на велосипеде навлекал на себя меньше всего подозрений, и, хотя каждую минуту ожидали приказа о мобилизации, меня никто ни разу не окликнул и не спросил моих бумаг.

Я добрался до Мюнхена утром 30-го и, далеко объехав то место, где жил, поехал в Пасинг. Войдя в кафе, я сразу же увидел посланца от С. Сделав условный сигнал, на который он ответил, я выпил немного пива и направился к выходу. Он последовал за мной и, когда я свернул в тихую улицу, догнал меня и вручил мне бумаги. Затем, пожелав мне удачи, он ушел. До сегодняшнего дня я не имею представления, кто это был.

С. посоветовал мне добраться до одного из портов Северного моря — Гамбурга или Бремена. Впоследствии я должен был приложить все старания, чтобы получить работу в Вильгельмсгафене — главной базе Флота Открытого моря и, поэтому, лучшем месте для собирания информаций по флоту. Но мы оба сознавали, что направиться непосредственно туда будет неосмотрительно. Требовалось время, чтобы прорепетировать свою новую роль. Среди полученных мною фальшивых бумаг было довольно пространное дело, описывающее «историю моей личности» почти с детства до прошлой недели. Это был шедевр воображения весьма хорошо проинформированного человека или, как я предполагал, биография действительно существовавшего немца, который, по всей вероятности, недавно умер. Как бы то ни было, это была прекрасная «ширма», и, проштудировав документы, я стал более уверен в возможности избежать задержания.

Не буду скрывать от вас, что в то время и еще много недель спустя я жил в постоянном страхе. Я плохо спал, страдал хроническими кошмарами и ожидал разоблачения каждый раз, когда какой-нибудь незнакомец взглядывал в мою сторону. Хуже всего, что по временам у меня ослабевала память. В это время я не мог вспомнить ни одного немецкого слова. К счастью, такие припадки никогда не случались в критические моменты. Постепенно нервное напряжение ослабевало. Я принялся за работу и успокоил свой страх перед расстрелом тем, что носил спрятанными в различных местах своей одежды несколько доз яда. Когда действительно пришлось столкнуться с чрезвычайным положением, я был готов его встретить. Длительный иммунитет закалил меня, но я должен откровенно признаться, что до самого конца я предпринимал все меры предосторожности и никогда не сделал оплошности из-за беспечности. После размышлений я решил пропутешествовать часть пути на север на моем верном велосипеде. Это был способ передвижения, не вызывавший подозрения. Он обеспечивал полное одиночество, необходимое для того, чтобы я освоился со своей новой ролью.

В тот же вечер (30 июля) я отправился в путь. Небольшими перегонами я проехал через Ингольштадт, Нюрнберг и Вюрцбург до Франкфурта-на-Майне. Это заняло у меня добрую половину недели, и задолго до того, как я добрался до Франкфурта, война была в полном разгаре. Положение становилось опасным. В любой момент полицейский мог остановить меня и спросить, почему я, крепкий и здоровый человек, не призван под знамена. Мне необходимо было получить отметку на документе о том, что я освобожден от военной службы. Такие отметки, как я слышал, давались квалифицированным рабочим, но я не знал, как приступить к делу. Вполне ясно, я должен был поэтому без отлагательств добраться до Гамбурга и найти там агента С.

Таким образом во Франкфурте я простился с велосипедом и сел в поезд, идущий на север. Это было утомительное путешествие, так как нас беспрерывно задерживали военные поезда, везущие войска, орудия и т. п.

Я прибыл в Гамбург 7 августа и направился прямо по адресу, полученному мною от С. Когда я поднялся по лестнице и постучал в дверь, сердце мое готово было выскочить. Я ничего не знал о человеке, к которому шел, чтобы раскрыть свою тайну. Он мог предать меня или, что было также правдоподобно, мог находиться в руках полиции, которая, возможно, ожидала меня за дверью. Но страхи мои оказались беспочвенными. Спустя полчаса я покинул дом с официальным удостоверением, освобождающим меня на три месяца от военной службы. В голове у меня были спрятаны простые инструкции о том, как передавать мои донесения. Этот гамбургский агент был чудом. Я никогда не мог установить его личность, но предполагаю, что то был сын англичанина, у которого мать была немкой. Ничто не могло нарушить его спокойствие. Однажды я сидел с ним в кафе в Киле. Это было на втором году войны. У меня

были основания предполагать, что я находился под подозрением. Г. сам сказал мне, что в его отсутствие его гамбургская контора подвергалась обыску. В любой момент мы могли быть арестованы, а это означало бы смерть.

Сидя в кафе, я должен был собрать всю свою силу воли, чтобы быть внешне спокойным. За столом рядом с нами сидел человек, в котором, как мне казалось, я узнал сыщика. Вокруг нас сидели армейские и морские офицеры со своими дамами. Я сказал Г. о присутствии сыщика. Он не подал никаких признаков беспокойства, продолжая обсуждать последние военные сообщения с таким оживлением, что некоторые из наших соседей посмотрели в нашу сторону. Затем, к моему ужасу, он затеял перебранку с официантом по поводу заказанной нами бутылки вина. На нас обратили внимание. В глубине души я проклинал безумство Г.

Как раз в этот момент в кафе зашел контр-адмирал в сопровождении двух офицеров. Они проходили мимо нашего столика; тогда Г. встал и, оттолкнув официанта, направился к флаг-офицеру с распростертыми объятиями, восклицая: «А, герр-адмирал, какое удовольствие видеть вас снова!» Офицер добродушно улыбнулся и поздоровался с Г. Последний проводил компанию до стола и задержался с ними на несколько минут, продолжая оживленно разговаривать. Когда он вернулся ко мне, его лицо выражало обывательское удовлетворение, которое было бы проявлено любым немцем, удостоенным чести водить дружбу с офицером высокого ранга. Я был слишком поражен, но не мог не заметить, что сыщик исчез. Нет сомнения, что он решил, что человек, находящийся в дружеских отношениях с адмиралами, вне всяких подозрений.

Слишком долго подробно рассказывать о моей работе. Спустя два дня после встречи с Г. я был принят в качестве электротехника на верфи Вулкан в Гамбурге. Здесь я проработал 12 месяцев на различных строящихся кораблях, от линкора до эсминца. Меня часто посылали в Вильгельмсгафен на различные срочные ремонтные работы. Раз я был послан даже в Данциг, чтобы провести проводку на крейсере (последняя была испорчена русским снарядом). До меня доходили различные сведения, и я пересылал их все—Г. в Гамбург. Наконец в ноябре 1915 г. я был принят в качестве служащего на верфь в Вильгельмсгафене, где и оставался в течение двух с половиной лет.

Именно там я видел корабли, пришедшие после Ютландского боя. Спустя неделю я послал Г. полный и точный отчет о повреждениях, полученных всеми кораблями, находившимися в доке. После войны я часто смеялся над фантастическими легендами, распространяемыми немецкими историками. Доминирующим чувством в германском флоте после Ютландского боя было удивление и облегчение по поводу того, что он избежал уничтожения. Флот испытывал большие затруднения, так как хотя большинство кораблей благодаря их крепкой конструкции оставались

на плаву, команды не были защищены от действий кордитных снарядов и осколков гранат.

После боя из башен и нижних помещений выносили тела и изуродованные человеческие останки. На одном только корабле Зейдлиц мертвых убирали две недели. Многие из них попали в ловушку в передней части корабля, когда поддались трюмные перегородки.[1] До них нельзя было добраться до тех пор, пока отверстия в носу не были заделаны и из помещения не выкачали воду. В первую неделю после боя имели место свыше тысячи похорон. Цветистые официальные коммюнике, кричащие о великой победе, были в странном контрасте с атмосферой похоронного уныния, царившего в Киле и Рюстринген.

В конце 1917 года у меня было несколько дней отдыха, и я направился в Гамбург для встречи с Г. Он первый раз нарушил свое правило и познакомил меня еще с двумя агентами, один из которых был явно немцем. На совещании обнаружилось, что немец, которого мы звали Карлом, разработал план взрыва арсенала в Дитрихсдорфе вблизи Киля, где хранилось большинство боеприпасов флота. Карл набросал план арсенала, расположенного в довольно открытой местности и занимавшего площадь примерно в 150 акров. Он показал нам три постройки, в которых, как он заявил, находится пять тысяч тонн пороха. Строения эти были разделены высокими насыпями, но колоссальное сотрясение от взрыва одного из них должно было вызвать взрывы и других.

Карл установил отношения с человеком, открывшим легкий способ, как ночью пробраться в арсенал. Последний весьма хорошо охранялся. Таким образом, прежде чем что-либо сделать, пришлось бы «утихомирить» одного или двух человек. Короче говоря, план состоял в том, чтобы Карл и один из нас пробрались в арсенал сразу же после полуночи, когда происходит смена караула. Они должны были подбросить бомбы с дистанционной трубкой в два главных пороховых склада. Если появится часовой, его следовало оглушить ударом по голове. Так как налетчики будут одеты в парусиновые спецовки и туфли, которые носил весь персонал, то весьма возможно их признают за служащих в арсенале. Поэтому предполагалось, что они без затруднений приблизятся к часовому настолько, что смогут нанести смертельный удар кистенем, который был у Карла.

Мы часами обсуждали план. Он казался вполне осуществимым, и Карл был чрезвычайно уверен в успехе. В конце Г. решил, что мною рисковать не следует, так как я слишком ценен. Помощником Карла был назначен второй агент, по имени Ричард, который, казалось, был англичанином. Спустя много месяцев я услышал, что произошло. Карл и Ричард отправились

---

[1] Во время боя передняя часть Зейдлица была сильно повреждена артиллерийским огнем и торпедой. Когда корабль возвратился в порт, высокий бак его находился под водой.

в Киль, где провели две или три недели, обследуя окрестности Дитрихсдорфа и обсуждая детали диверсии. Ночь, выбранная ими для предприятия, была безлунной. Они потихоньку ускользнули из Киля и окружным путем направились в Дитрихсдорф. В двадцать три часа 45 минут они добрались до проволочного заграждения. Без больших трудов им удалось проникнуть через него. Затем они пошли по направлению к первому из больших пороховых складов. Карл действительно пробрался внутрь. Он только что намеревался положить бомбу, когда заметил сотни больших снарядов, стоящих в рядах. Это был не пороховой склад, а склад снарядов. Вероятно в темноте они сбились с пути.

Карл решил, что поскольку действие разрыва бомбы на снаряды весьма проблематично, то оставлять ее здесь неразумно. Он упустил представлявшуюся ему прекрасную возможность. Помести он свою бомбу на верхушку ближайшего ряда снарядов, нет ни малейшего сомнения, что взорвалось бы все, что находилось в помещении.

Карл же выбрался наружу к тому месту, где его ждал Ричард. Они рискнули зажечь на секунду свет, чтобы определить по карте свое местонахождение. Огонь выдал их. Их окликнул часовой. Не удовлетворенный ответом Карла, он подошел ближе, чтобы узнать, кто это. Карл хотел ударить его, но промахнулся. Часовой сделал выпад и штыком проткнул пальто Карла. Оба агента бросились прочь. Часовой сделал три быстрых выстрела. Ричард споткнулся и упал, но скоро снова поднялся и продолжал бежать с неослабеваемой скоростью, но недолго. Внезапно он резко остановился, медленно упал на колени и сказал Карлу: «Я готов: мне угодили в спину; стоять не следует, беги». Последовало сильное кровоизлияние, он перевернулся набок и замолк.

Карл увидел, что ничего нельзя сделать, и продолжал бегство. Подняли тревогу. Установленный на башне прожектор методически ощупывал землю. Карл спрятался, присев под насыпью. Затем, когда луч прожектора миновал его, он вскочил и скоро добрался до проволоки. Несколько минут он искал выхода, наконец обнаружил его и незаметно выскользнул. Всю эту ночь и большую часть следующего дня он провел в бегах, так как окрестность обыскивали патрули. Когда, наконец, он добрался до Киля, город жужжал, возбужденный новостью о налете.

Тело Ричарда было найдено, но так как на нем не было ничего, что бы могло помочь установить его личность, его зарыли, как труп неизвестного шпиона. После этого происшествия стража в арсенале была удвоена, и весь район обнесен электрическим проводом, по которому был пущен ток. Бомбы, оставленные на земле, оказались разрушительными военными снарядами. Карл был в чрезвычайно упадочном настроении в связи с неудачным налетом. Когда он рассказал историю Г., последний здорово обругал его за то, что он не оставил бомбу в складе для снарядов. Однако Карл все еще аргументировал, что бомба не вызвала бы большого взрыва.

Хотя это был человек необычайной храбрости, по временам он был способен делать глупости. Впоследствии, как я предполагаю, он был замешан во взрыве, происшедшем в Альхорнской базе цеппелинов, за что его хорошо наградили.

В мае 1918 года здоровье мое расшаталось. Напряжение оказалось слишком большим. Мне дали отпуск по болезни и поместили в госпиталь для выздоравливающих, находившийся близ Ольденбурга. Большинство пациентов были рабочие военных предприятий. Я испытывал постоянный страх, боясь заговорить во сне по-английски. Одного или двух слов было достаточно, чтобы выдать меня. Наконец я не мог выдержать больше и сделал весьма большую глупость. В один прекрасный день, не говоря никому ни слова, я вышел из ворот госпиталя, направился в Ольденбург и сел в поезд, отходящий в Гамбург. Там я пошел прямо к Г., заклиная его помочь мне выбраться из этой страны. Видимо он понял, что я дошел до предела, так как вместо того, чтобы укорять меня в дезертирстве, он был воплощением доброты.

Однако он предупредил, что я подверг обоих нас чрезвычайной опасности. Возможно, конечно, что мое бегство из госпиталя припишут контузии. В этом случае преследования не будет. Но Г. решил, что лучше не рисковать: он нашел мне комнату в отдаленной части города и запретил выходить из нее до получения от него вестей. Однажды вечером, спустя неделю, он зашел за мной, и мы направились к таверне на берегу реки. Здесь мы встретили шкипера шведского парохода, привезшего из Готенбурга железную руду. Меня представили как немецкого дезертира, жаждущего покинуть страну, пока не кончится война.

Поторговавшись вдоволь, шкипер согласился взять меня за тысячу марок на борт в качестве безбилетного пассажира. Никакому особому риску он не подвергался. Если бы я был обнаружен, он мог заявить, что ничего обо мне не знает. Я, в свою очередь, торжественно поклялся, что не открою его причастности ко мне. Меня запрятали в уголь, и на следующий день пароход пошел по реке к Брунсбюттель. Затем, пройдя через канал, он вышел в Балтийское море. Когда мы уже были далеко в море, я разрешил «открыть» себя. Капитан заявил так, чтобы команда слышала, что, как только мы войдем в порт, он передаст меня полиции. К этому времени я не на шутку расхворался и действительно выглядел больным. Добродушные шведские матросы посоветовали мне не беспокоиться, так как, по их словам, «капитан не так страшно кусается, как лает». Я, конечно, знал, что бояться мне нечего.

В Готенбурге было совсем не трудно выбраться на берег. Я отдохнул там несколько дней, а затем направился в Стокгольм. Там я сообщил о себе английским властям и установил связь со штабом в Англии. Были разговоры о том, чтобы после длительного отпуска я снова направился в Германию, но с меня уже было довольно. Я прибыл в Англию и не имел оснований жаловаться на оказанный мне там прием. Работой моей были чрез-

вычайно довольны, и она действительно была неплохой. Я мог снабжать отдел последними сведениями о Флоте Открытого моря и о положении дел в Вильгельмсгафене, в частности. Когда я еще находился в Германии, среди команд германских кораблей, а еще более среди персонала доков и верфей наблюдались явные признаки разложения. Среди рабочих был ряд открыто объявивших себя коммунистами.

Насколько я могу судить, меня никогда серьезно не подозревали. В течение моего тридцатимесячного пребывания в Вильгельмсгафене было несколько щекотливых моментов. Но счастье или присутствие духа, или то и другое, вместе взятые, вывозили меня. Я видел всех, кто имел какое-либо значение в германском флоте. Однажды я даже чинил электропроводку в каюте адмирала Шеера на борту флагманского корабля флота Фридрих дер Гроссе.

Глава V

Таинственная подводная лодка

На материале, поставленном странными инцидентами, перемежающими мрачную историю мировой войны, можно написать целую библиотеку сенсационных романов. Морская война в особенности была богата эпизодами, граничащими с фантастикой. Наиболее сенсационные из них даже в настоящее время не могут быть открыты, не нарушая тайны, но ряд эпизодов, едва ли менее странных, можно рассказать, не разглашая ничьих секретов.

В обычное время кража подводной лодки вызвала бы сенсацию во всем мире, но осенью 1914 года среди грандиозных событий, потрясавших тогда Европу, она прошла почти не замеченной. Да будет спасено от забвения имя синьора Анджело Беллони, героя этой необычайной истории. Офицер итальянского морского резерва, он был охвачен неистовой военной лихорадкой.

Высказывая возмущение по поводу нейтральности своего правительства, он, в конце концов, возымел желание лично начать войну.

Обдумывая средства осуществления своей идеи, он вспомнил о подводной лодке, только что спущенной на воду для румынского правительства, на верфях Сан-Джорджио в Специи.

Используя свои права офицера резерва, Беллони посетил верфь и убедился в том, что выкрасть подводную лодку, которая достраивалась во внешнем бассейне, будет весьма легко. За исключением нескольких рабочих, работающих на ней, лодка не охранялась, а так как для проведения предварительных испытаний было погружено солидное количество топлива, то вывести ее в море не представит никакого затруднения. Вечером 4 октября Беллони, одетый в форму, поднялся по сходням и принял на себя командование лодкой. Рабочим он заявил, что получил

приказ вывести лодку для использования радио и что они будут действовать в качестве его команды, за что получат особую плату. Рабочие были вполне удовлетворены и не задавали никаких вопросов.

Выждав, пока верфи почти совершенно опустели, Беллони приказал сняться со швартовых и дать ход. С наступлением сумерек подводная лодка вышла в залив Специя с самозванным капитаном на мостике и «командой» из пятнадцати «моряков пресной воды» на своих местах. Затем, когда без всяких происшествий лодка вышла в открытое море, Беллони опустился вниз, чтобы произвести осмотр. К величайшему его огорчению, на лодке не было ни одной торпеды, что означало, что он ничего не может сделать противнику. Более того, топлива было достаточно не более чем на двухдневное плавание, а провизии и воды — ничтожное количество. Впоследствии он утверждал, что надеялся раздобыть торпеды и снабжение у военных кораблей союзников и с этой целью взял курс на Корсику, предполагая у этого острова найти военные корабли Франции.

Чтобы успокоить подозрение команды, он открыл конверт, в котором, как он сделал вид, находились запечатанные приказы, предписывающие ему встретить французский крейсер у Аджаццио.

Тем временем об исчезновении подводной лодки было сообщено итальянскому правительству. Для преследования был направлен миноносец.

Подводная лодка без происшествий прибыла к острову Росса, не встретив ни одного французского корабля. Затем она направилась к Аджаццио. Французские артиллеристы береговых батарей приняли ее за лодку противника и уже собирались стрелять по ней, когда она, как раз во-время, подняла итальянский флаг. Странный корабль был немедленно наводнен вооруженной охраной, тупо выслушавшей пылкие приветствия Беллони своим французским «товарищам по оружию» и не обратившей внимания на его просьбы снабдить подводную лодку торпедами и продовольствием, а бесцеремонно взявшей под стражу лодку и команду. Последняя отреклась от своего командира на весьма убедительном генуэзском жаргоне, перемешанном с образными угрозами отомстить ему за то, что он втянул их в это безумное предприятие. Затем прибыл итальянский эсминец. Беллони был арестован и заключен в каюту, а подводная лодка отбуксирована обратно в Специю.

Его дальнейшая карьера неизвестна, но следует надеяться, что, когда шестью месяцами позже Италия вступила в войну, его боевые инстинкты смогли проявиться в более законной сфере действий. Во всяком случае ему обеспечено место в истории, пусть скромное, но место единственного человека, когда-либо укравшего подводную лодку. Переходя от комедии к трагедии, я намерен рассказать любопытную историю *UB-65* — подводной лодки, преследуемой призраками. Какими бы невероятными ни казались эти факты, за них, однако, ручается целый ряд за-

служивающих доверия свидетелей. Некоторые из свидетелей цитируются профессором Гехтом, выдающимся психологом, в брошюре, которую он опубликовал после войны. Как ученый, он отвергает предположение о наличии какого-либо сверхъестественного фактора, однако он в то же время не в состоянии дать исчерпывающего ответа. Таким образом, случай с *UB-65* вошел в историю как один из наиболее документально обоснованных морских рассказов о призраках.

События начались летом 1916 года, вскоре после того, как подводная лодка была заложена. Она была одной из 24 подводных лодок среднего размера, запроектированных для операций с побережья Фландрии. Водоизмещение лодки — 510 тонн, надводная скорость — 13 узлов. Команда состояла из трех офицеров и 31 рядового. Спустя неделю после начала работ на корабле произошел несчастный случай. При постановке тяжелой фермы последняя сорвалась и с грохотом обрушилась на стапель. Один рабочий был убит на месте, второй был прижат к земле и пробыл в таком состоянии примерно час. Впоследствии он также умер. Когда лодка была почти закончена, три человека были удушены дымом в машинном отделении. Все трое умерли.

Во время испытательного плавания *UB-65* попала в сильный шторм. Один из матросов был смыт набежавшей волной и утонул. При пробном погружении одна из цистерн дала течь — прошло двенадцать часов, прежде чем лодку подняли на поверхность. По всей вероятности, вода проникла в аккумуляторы, так как атмосфера внутри была насыщена ядовитыми испарениями. Когда, наконец, люки были открыты, команда еле вышла наверх. По возвращении из первого плавания *UB-65* получила на вооружение торпеды; одна из них взорвалась. И до сих пор неизвестно, что послужило причиной взрыва. Пять человек, включая помощника командира, были убиты на месте, несколько человек ранено. Лодка должна была направиться в док для весьма основательного ремонта.

Несколькими неделями позже, когда лодка все еще находилась в порту, в кают-компанию в паническом страхе вбежал матрос с криком: «Господин обер-лейтенант, на борту мертвый офицер!» Командир сделал ему строгий выговор и заявил, что он пьян. Однако матрос отрицал последнее и клялся, что не он один видел покойного офицера, подымающегося по сходням, но что и другой матрос, некий Питерсен, также видел привидение. Командир и офицеры поднялись на палубу, где увидели Питерсена, присевшего под защитой боевой рубки. Он был бледен от страха и в ответ на прямой вопрос пробормотал, что мертвый офицер поднялся на борт корабля, прошел по направлению носа подводной лодки и стоял там со скрещенными руками. Испуганный матрос спрятался за боевую рубку, и, когда выглянул вторично, сверхъестественный посетитель исчез.

Ввиду таких единодушных показаний со стороны двух явно трезвых людей, невозможно было сомневаться, что произошло

нечто непонятное. Одно время предполагали, что кто-то выкинул шутку весьма плохого свойства, но проведенный допрос показал, что об этом не может быть и речи. Происшествие имело чрезвычайно плохое влияние на моральное состояние команды, которая была убеждена, что лодка и все находившиеся на борту ее были обречены на гибель. За два дня до выхода в следующее плавание Питерсен исчез. Никаких следов его пребывания установить не удалось.

Покинув Гельголанд в первый день нового 1918 года, *UB-65* без всяких происшествий добралась до Зеебрюгге и после десятидневной стоянки в нем отправилась на театр военных действий. Вечером 21 января она была в 15 милях к югу от Портланд Билл. Надвигалась скверная ночь: море уже бушевало, водяная пыль летела над боевой рубкой.

Вахтенный сигнальщик, стоя на мостике, внимательно всматривался в темноту и был поражен, увидев фигуру, по всем признакам офицера, стоявшую внизу на палубе, время от времени заливаемой штормовыми волнами. Как он попал туда, было непонятно, так как все люки, за исключением люка боевой рубки, были задраены.

Сигнальщик уже собрался было окликнуть офицера и предупредить его об опасности, когда последний повернулся и посмотрел на мостик, обнаруживая в полумраке, почти переходящем в темноту, черты офицера, чьи изувеченные останки лежат на военно-морском кладбище в Вильгельмсгафене.

«Господи, да это призрак!» вскричал матрос, отшатываясь назад, вытянув руки вперед, как бы защищаясь от ужасного посетителя. Он столкнулся с командиром, резко обругавшим его. Несколькими секундами позже сам командир, вглядевшись в темноту, был потрясен тем, что увидел. Придя в себя, он громовым голосом закричал: «вниз!»

По трапу бегом поднялся еще один матрос, обнаруживший на мостике возбужденно разговаривающих людей, указывающих на пустую палубу.

После этих событий матросы принялись за работу с мрачными и удрученными лицами, и даже офицеры не могли скрыть своих предчувствий. Нет сомнения, что судно, имеющее в качестве пассажира призрак бывшего офицера, отправится в порт безвестно пропавших кораблей.

Каждую вахту на палубе люди украдкой оглядывались, опасаясь увидеть того, кого твердо считали посланником рока. Но это плавание прошло без каких-либо неудачных событий. Два торговых парохода были обстреляны торпедами и потонули, два других атакованы артиллерийским огнем. Один из последних удрал, а второй, по всей видимости, получил серьезные повреждения, так как остановился и начал спускать шлюпки.

При обычных обстоятельствах командир лодки велел бы приблизиться и окончательно уничтожить его, но в этом случае он сохранил известную дистанцию, а затем погрузился, не возобновив атаки.

Все офицеры были под впечатлением этих событий, не говоря уже о рядовых, живших в постоянном ожидании несчастья.

Однажды ночью в феврале, когда подводная лодка находилась в одном из убежищ от бомбардировки, прозвучал сигнал воздушной тревоги. Командир лодки только что вышел на берег, чтобы посетить казино. Услышав сирену, он повернул обратно. У самого входа в убежище снарядом или осколком ему оторвало голову.

Несколько человек из команды были свидетелями его смерти. Они вышли на берег и принесли его тело на борт корабля. В ту же ночь один из матросов клялся, что снова видел призрак, но рассказ его не может быть удостоверен.

К этому времени молва о странных происшествиях на подводной лодке *UB-65* дошла до ушей командования.

Старший офицер флотилии подводных лодок посетил корабль и лично опросил всю команду. В начале настроенный несколько скептически, он в конце концов явно поддался впечатлениям от показаний, которые он слышал, и еще более был поражен единодушной просьбой всех членов экипажа перевести их на другую лодку.

Хотя официально просьба эта была отвергнута, однако в действительности, под тем или иным предлогом, большинство людей были переведены в разные места, и когда для *UB-65* настало время отправиться в следующее плавание, она вместо этого получила приказ отправиться в док и была заменена лодкой, только что прибывшей из залива.

В течение месяца лодка оставалась в Брюгге. В этот период, как рассказывает профессор Гехт, лодку посетил лютеранский пастор, который провел специальную службу для изгнания злых духов. Но это только привело к тому, что нарушило спокойствие новой команды, уже взволнованной рассказами, услышанными от двух или трех старых матросов, оставшихся на корабле. Новый командир отказался выносить то, что он называл «нелепым вздором». Он угрожал строгими дисциплинарными взысканиями всякому, кто помянет слово «призрак» или будет распространять небылицы, могущие породить тревогу.

Как бы в оправдание такого смелого поведения командира, следующие два плавания прошли успешно. Не было никаких необычных инцидентов. Лодке удалось уничтожить значительное количество торговых судов. В мае командир корабля был сменен. Его преемником был назначен капитан-лейтенант Шелле. События последующих недель описаны ниже унтер-офицером, служившим на корабле со времени вступления его в строй.

«*UB-65* никогда не была «счастливой» лодкой, хотя нам всегда везло с командирами. Что-то тревожное было в атмосфере, царившей на лодке. Возможно, зная ее дурную славу, мы многое воображали, но я лично убежден, что лодка была населена «нечистой силой». Однажды ночью в море я видел офицера, стоявшего на палубе. Он не был ни одним из наших. Я видел его только мельком, но товарищ по плаванию, стоявший ближе, клялся, что он узнал нашего второго офицера, убитого задолго

до этого взрывом торпеды. В последующие ночи, лежа на койке, я видел странного офицера, бродившего по кораблю. Он всегда входил в переднее торпедное помещение, но никогда снова не выходил. Некоторые из матросов видели призрак весьма часто, другие же не видели его даже тогда, когда им показывали его, будто бы стоявшего в нескольких футах от них.

Наш последний командир был из тех, кто никогда не хотел признать наличие чего-либо сверхъестественного, но раз или два выходя на палубу, я замечал, что он был очень взволнован. Люди говорили, что призрак бродит по носовой части палубы. Когда обратили на это внимание командира, он сделал вид, что ничего не видит, и высмеял вахтенных, обозвав их кучей нервных дураков. Но после этого я слышал от лакея из офицерского казино, что командир открыто заявил, что его корабль преследуется дьяволом.

В мае мы крейсировали в Ламанше и у побережья Испании. Это было самое плохое из всех плаваний. Мы были в море всего несколько дней, когда Эберхардт — торпедист — сошел с ума. Его пришлось связать. Он беспрерывно кричал, что призрак бродит за ним, и так шумел, что командир был вынужден дать ему дозу морфия. Когда он проснулся, то чувствовал себя лучше, и ему было разрешено выйти на палубу в сопровождении рядового, которому было поручено следить за ним. Но припадок повторился: он отшвырнул своего стража и прыгнул через борт. Мы остановили лодку и спустили тузик, но Эберхардт так и не появился больше на поверхности. Когда близ Ушанта мы попали в шторм, старший инженер поскользнулся на трапе и сломал правую ногу. Вскоре после этого мы заметили торговый пароход и преследовали его, открыв огонь из орудия. Волны перекатывались через палубу, и, как раз после пятого выстрела, колоссальная волна обрушилась на лодку. Двоим из орудийной прислуги удалось задержаться и тем спасти себя, а третий, заряжающий, Риард Меер, был смыт волной и утонул.

Оставшимся в живых было приказано спуститься вниз. Преследование прекратили. Мы все знали, что эти одно за другим следующие несчастья не были простыми случайностями. Мы смотрели друг на друга вопрошающими взглядами: «Кто следующий?» Заметив неприятельский патруль, мы должны были поспешно погрузиться. Лодка слишком резко пошла носом вниз. Я слышал, как тяжело вздохнули люди. Значит ли это, что нам всем пришел так быстро конец? Даже командир нервничал, так как, едва лодка выравнялась, он снова приказал подняться на поверхность, не дожидаясь определения положения противника. Сторожевик находился менее чем в полукилометровом расстоянии от нас, но так как погода была туманная, он нас не заметил, и мы опять погрузились, на этот раз весьма осторожно.

В это плавание я видел призрак три раза, также как и некоторые из моих сотоварищей. Экипаж был в таком подавленном состоянии, что люди ходили как лунатики, автоматически исполняя свои обязанности и вздрагивая от каждого необычного

звука. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нас надеялся вернуться обратно невредимым.

В это время Дуврский пролив стал могилой для подводных лодок. Правда, мы проскользнули через него беспрепятственно, но будем ли мы столь же счастливы на обратном пути? Совсем недавно «сотрудничавшая» с нами подводная лодка *UB-55* взорвалась на дуврском заграждении. В этом же месяце в той же ловушке погибли *UB-33* и *UB-79*. Я был готов биться об заклад, что разбитый вдребезги корпус нашего корабля скоро будет лежать рядом с ними.

По всей вероятности, наше присутствие обнаружили, как только мы попали в заградительную зону, так как вокруг нас начал взрываться целый ливень глубинных бомб. Две, как показалось, разорвались прямо над нами: электрический свет был выключен, лодка накренилась на 25 градусов, и Коксвэйн Ломан, потеряв равновесие, с силой ударился о распределительный щит. Он упал без сознания. Три ребра его были сломаны. Помимо этого он получил серьезные внутренние повреждения, в результате которых через неделю скончался в госпитале. Более часа над нами взрывались глубинные бомбы. Затем преследователи, вероятно, потеряли наши следы, так как взрывы бомб и шум винтов стихли вдали. После этого мы спокойно добрались до Зеебрюгге и в назначенное время очутились в обычном месте в Брюгге.

Мы были очень далеки от мысли, что наконец избавились от преследования. Большинство из нас чувствовало, что это было лишь только продлением агонии.

Мне улыбалось счастье. У меня начался приступ острого ревматизма, и я был направлен в госпиталь. За день до отплытия *UB-65* меня навестил мой сотоварищ Вернике. Он заявил, что пришел сказать мне последнее прощай, так как знает, что никогда больше не вернется. Я также знал это.

Вернике оставил мне почти все свое личное имущество, попросив переслать все это его жене, когда до меня «дойдут слухи». 31 июля *UB-65* была объявлена пропавшей без вести. До самого конца войны я ничего не знал о ее судьбе. Конец ее окутан тайной и по сегодняшний день. По случайным, отрывочным сведениям, она потонула, имея на борту экипаж в 34 человека. Но я всегда буду убежден, что на ней был еще один офицер, чья призрачная рука направила корабль к погибели».

Правда, что конец *UB-65* окутан таинственностью. 10 июля 1918 года американская подводная лодка *Z-2*, патрулируя на перископной глубине у побережья мыса Клир, увидела на поверхности подводную лодку. Это была *UB-65*. Американская подводная лодка приняла положение для атаки и уже собиралась дать залп носовыми торпедами. Однако цель внезапно была как бы стерта грандиозным взрывом. Когда каскад воды и обломков упал, лодка исчезла.

По поводу этой внезапной гибели выдвигались многочисленные теории. Предполагали, что она случайно могла быть взорвана торпедой другой германской подводной лодки или что

она сама выстрелила плохо отрегулированную торпеду, которая вернулась, подобно бумерангу, взорвав лодку.

Профессор Гехт предлагает более правдоподобное объяснение, а именно: выходное отверстие торпедной трубы было согнуто или изломано. Это привело к тому, что при выстреле следующая торпеда столкнулась в конце трубы с преградой для прохода и не только сама взорвалась, но взорвала торпеды в других трубах. Последнее до некоторой степени обосновывает необычайную силу взрыва, отмеченную американской лодкой.

* * *

Эпизод с взрывающимися винными бутылками, хотя и менее таинственный, никогда не был окончательно распутан. До сих пор является спорным вопросом, был ли этот инцидент одним из мрачных деяний агентов разведки или частным актом мести.

Ранним летом 1917 года офицеры Фландрской флотилии подводных лодок праздновали юбилей.

Подводные лодки Фландрской флотилии, проходя взад и вперед через дуврские заграждения, сравнительно безнаказанно потопили сотни больших и малых торговых судов. Командующий в Брюгге получил из главной квартиры несколько поздравительных телеграмм в сопровождении целого потока «Железных крестов». Следовало провести специальное празднование. Оно вылилось в форму банкета в офицерском казино. На банкет получили приглашение все офицеры-подводники, находившиеся в базе, а также офицеры-подводники, предполагавшие прибыть в базу в назначенный день. Гостем на вечере был адмирал Шредер, командующий германским подводным флотом во Фландрии.

Нечего и говорить, что собрание такого рода представляло собою большой соблазн для нападения противника, открытого или завуалированного. Попади той ночью в казино авиационная бомба, Германия потеряла бы не только двух или трех выдающихся адмиралов, но целую группу лучших своих офицеров-подводников.

Есть основание предполагать, что о приготовлениях к банкету было сообщено союзной разведке задолго до даты его устройства. С другой стороны, о том, что разведка предпринимает что-либо в связи с банкетом, не было никаких слухов. В этом случае отсутствие сведений о подготовке весьма существенно.

Я сказал, что на банкет были приглашены все офицеры-подводники, находившиеся в Брюгге, однако это требует пояснения. В действительности были некоторые исключения. Примерно с полдюжины младших офицеров подводной специальности были занесены в то время в черный список старшего офицера флотилии за различные проступки. Фамилии их не фигурировали в списке приглашенных. Они переносили свое изгнание из общества с примерным присутствием духа, решив между собой устроить свой собственный праздник. Небольшая пирушка,

подготовляемая ими, обещала быть менее формальной и более веселой, чем торжественный фестиваль «высоких чинов».

Тогда как банкет в казино был исключительно «мужским» праздником, на неофициальный ужин, даваемый младшими офицерами, был в качестве украшения приглашен ряд прелестных дам.

Вечеринка проводилась в винном погребке, который, как показал опыт, был достаточно защищен от авиационных бомб.

Все лучшие вина были отправлены на официальный банкет, а то, что оставалось, было весьма скудным. Такое положение вещей заставило младших офицеров прибегнуть к «стратегии». В то время как несколько человек отвлекло внимание лакеев казино, остальные преспокойно совершили набег на винные запасы и вернулись с триумфом, неся награбленное добро: дюжину бутылок шампанского и две бутылки шампанского самой лучшей марки, которые, нет сомнения, должны были украшать адмиральский стол, так как были декорированы черными, белыми и красными лентами.

Представьте себе этот неофициальный банкет в полном разгаре. В погребке необычайно жарко. Электрический вентилятор безуспешно борется с клубящимися облаками дыма двадцати сигар и сигарет.

Развалившись вокруг стола, некоторые в весьма свободных позах, восседают девять обер-лейтенантов и лейтенантов флота, каждый со своей прекрасной партнершей.

На полу в беспорядке разбросаны пустые бутылки, остались только две величавые бутыли. «Ну-ка, Карлхен, открой их, мы выпьем последний бокал», выкрикнул председатель, загрубелый лейтенант. Высокий младший лейтенант подымается на нетвердых ногах и хватает ближайшую бутыль. Проволока крепка и закручена. Когда ее, наконец, удается снять, пробка отказывается выходить. Мускулистые пальцы сжимают и тянут: пробка поддается, и. . . потолок сотрясается от страшного взрыва.

Несколькими минутами позже толпа солдат и матросов стояла, пристально разглядывая дымящиеся руины — дом был весь разрушен. Спустя несколько часов спасательная партия проложила путь к погребку. Стены почернели, закраплены осколками и залиты кровью. Посреди обломков лежат искалеченные тела. Как будто попали на бойню. Но из далекого угла доносится слабый стон. Молодой офицер с зияющей прорехой на опаленном френче еще жив, правда, страшно поранен. Он единственный оставшийся в живых из всей группы, пировавшей в полночь. На следующий день в госпитале он пришел в себя и смог пробормотать несколько фраз, давших ключ к разрешению причин катастрофы.

«Бутыль! Это, по всей вероятности, была бомба. Посмотрите в казино ради бога! Там еще остались». Этого было достаточно. Не теряя ни одной минуты, осмотрели винные запасы казино. Все обычные бутылки оказались безвредными, но бутылки с шампанским попали под подозрение. Две или три из них были вы-

несены на расстояние ружейного выстрела. В них выстрелили. Они разорвались с потрясающим шумом. Двенадцать этих бутылок оказались бомбами, каждая из которых имела большой заряд сильно взрывчатого вещества и остроумную форму детонатора. Взрыв одной, вероятно, задел бы и другие бутылки, стоящие поблизости.

Случись это даже в такой большой столовой, как в казино, вряд ли кто-либо из присутствующих избежал бы смерти или увечья.

Ввиду трагедии, имевшей место в винном погребке, официальный банкет был отложен и, когда он состоялся, ни одной бутылки на столе не было. Самые тщательные допросы и расследования не смогли установить, как «шампанские бомбы» попали в казино, и тайна эта никогда не была открыта.

Глава VI

Как шпион подписал свой собственный смертный приговор

Менее чем за двенадцать месяцев до начала войны мир был крайне удивлен проявлением прусского духа в его худшей форме. События, происходившие в ноябре и декабре 1913 года в Эльзасе, имели значение, которое, казалось, в то время не было полностью осознано. Они были проявлением духа высокомерия и запугивания, которые пропитали всю прусскую военную систему. Они ясно предвещали безжалостные методы, которые эта система использует против тех, кто осмелится ей противиться.

В 1913 году Пруссией руководила военная каста, и поскольку она, несмотря на номинальную независимость Саксонии, Баварии и Вюртемберга, держала в своих руках бразды правления в федерации, не будет преувеличением сказать, что Германия в целом управлялась в соответствии с прусскими военными методами.

Факт этот почти объясняет грубый и повелительный характер внешней политики Германии, которая в течение нескольких лет до войны была постоянной угрозой миру во всем мире.

В своих внутренних и внешних делах Германия грубо попирала права слабых. Она железной рукой правила находящимися в ее подданстве иностранцами: поляками, датчанами и, особенно, французами в Эльзас-Лотарингии. Германские власти никогда не могли научиться править своим собственным народом методами иными, чем казармы и концлагеря. Истинными символами власти для них всегда оставались шлем с острием, сабля и ботфорты.

Говоря современным языком, лейтенант фон Форстнер из 99-го пехотного полка считал себя «стопроцентным пруссаком». Много раз, правда, в несколько иных выражениях, он хвастался этим. По его мнению, быть прусским офицером значило быть высшим существом, человеком, стоящим значительно выше

обычной человеческой толпы. На всех гражданских людей он смотрел с презрением, даже на тех, кто был из его рода. То, как он относился к людям, не имевшим счастья пользоваться неоценимой привилегией германского происхождения, лучше всего выражено его собственными словами и делами.

10 ноября 1913 г. в эльзасском городке Заберн, расположенном между Страсбургом и Метцом, вспыхнули беспорядки. За день или за два до этого лейтенант Форстнер, полк которого составлял часть местного гарнизона, заявил одному рекруту, что если он употребит штык против какого-либо уроженца Эльзаса, он не должен бояться наказания; наоборот, лейтенант выдаст ему награду в полсоверена. Немецкий сержант, стремившийся снискать благосклонность вышестоящего офицера, обещал увеличить награду на три шиллинга.

Рекрут, понятно, не скрывал такие хорошие новости, и разговор стал скоро известен всему городку. Местные газеты подняли шумиху, заявив, что это величайшее оскорбление всему населению Эльзаса, как это в действительности и было. Когда военные власти отказались опубликовать опровержение, общественное возбуждение в Заберне сильно возросло. Спустя несколько дней перед домом, куда зашел Форстнер, собралась толпа. Последняя так угрожающе вела себя, что лейтенант вынужден был по телефону просить помощи. Сопровождать героя обратно в казармы были посланы два солдата с заряженными винтовками.

К вечеру толпа насчитывала свыше тысячи человек. Она насмехалась, улюлюкала и угрожала линчевать Форстнера. Чтобы рассеять толпу, вызвали пожарников, но они направили свои шланги в воздух. В конце концов вызвали роту солдат, чьи винтовки заставили народ разбежаться. На этот раз кровопролитие было предотвращено, однако разъяренные граждане подстерегли германского унтер-офицера и сильно искалечили его.

В Эльзасе продолжало царить сильное возбуждение. Общественное возмущение не было успокоено вводящей в заблуждение версией, которую прусский военный министр сообщил 28 ноября рейхстагу. В действительности он поддержал действия лейтенанта Форстнера и свалил всю вину на жителей Заберна.

Следующим инцидентом была уличная ссора между несколькими эльзасскими студентами и группой германских офицеров. Лейтенант Шадт, бывший дежурным в казармах, выслал охрану и арестовал нескольких штатских. Так как беспорядки все еще продолжались, то полковник Рейтер, командовавший 99 полком, выстроил в общественном сквере шестьдесят солдат и приказал им стрелять во всякого, кто откажется уходить и будет задерживаться на улице. Были проведены поголовные аресты. Среди арестованных оказалось несколько адвокатов и судья, взятые под стражу, когда они выходили из здания суда. Когда на следующий день заключенные предстали перед судьями, их немедленно освободили. Повсюду слышались угрозы общей забастовкой против «военного диктаторства в Эльзас-Лотарингии».

К этому времени, по словам берлинской газеты, положение

в Эльзасе «настолько монополизировало внимание германской империи, что рейхстаг приостановил нормальную работу». Становилось слишком понятным, что подданные кайзера преследовались и травились без всяких на то причин.

Но высокомерие солдат не было обуздано. 1 декабря в Метце были арестованы муж с женой за то, что женщина рассмеялась, глядя на проходящий мимо патруль. После этого народ боялся даже смотреть на солдат. В этот же день в Деттвайлере, деревне, расположенной в 5 милях от Заберна, произошел еще более печальный инцидент. Через деревню во главе своей роты проходил небезызвестный лейтенант Форстнер. Его опознали рабочие, которые, по его собственным словам, встретили его насмешками. Приказав своим людям остановиться, он попытался схватить рабочих, но последние разбежались во все стороны.

Пышащий гневом Форстнер осмотрелся, ища жертву. Глаза его остановились на сапожнике-калеке по фамилии Бланк. Его немедленно схватил младший лейтенант Виес. Однако, несмотря на свою хромую ногу, сапожник, если цитировать официальный отчет, сопротивлялся аресту «изо всех сил». Форстнер, вне себя от ярости, выхватил саблю и ударил сапожника по непокрытой голове, нанеся ему страшную рану. Изувеченного человека, истекающего кровью, в полубессознательном состоянии поволокли в канцелярию к бургомистру. Там в течение двух часов его подвергали допросу, в то время как у двери стояли вооруженные часовые.

Бургомистр Деттвайлера, бывший свидетелем всего дела, категорически отрицает правдивость рассказа Форстнера, заявляя, что насмехались над офицером только дети. Бланк, хромой сапожник, ничего не сделал, что бы могло рассердить Форстнера. С другой стороны, добавил бургомистр, население было чрезвычайно возмущено поведением солдат, которые каждое утро проходили через деревню, выкрикивая оскорбительные замечания.

Это трусливое нападение прусского офицера на несчастного калеку обратило на себя внимание правящих кругов. По всей Германии либеральная пресса требовала беспристрастного расследования причин беспорядков в Эльзасе. Дебаты в рейхстаге 4 декабря привели к шумным сценам. Но правительство отказалось пойти на какие-либо уступки.

К этому времени офицеры почувствовали, что зашли слишком далеко. 8 декабря 99 полк был выведен из Заберна. В виде прощального привета три эльзасских рекрута были приговорены судом к тюремному заключению за то, что опубликовали в местных газетах заявление за своими подписями о вызывающих разговорах Форстнера.

Тем временем общественное мнение, которое даже в предвоенной Германии кое-что значило, требовало наложения дисциплинарного взыскания на офицера. В соответствии с этим, 19 декабря Форстнер предстал перед военным судом в Страсбурге по обвинению в нападении и ранении, а также незаконном применении оружия.

К большому негодованию твердолобых военных, Форстнер был найден виновным и приговорен к 43 дням тюремного заключения.

Когда происходили вышеописанные события, молодой эльзасец из Страсбурга находился вместе со своими родителями в деревне. Людвиг Франц (назовем его этим условным именем) был тихим, прилежным юношей, который вскоре должен был быть призван на военную службу. Отец его был уроженцем Эльзаса, а мать француженкой, страстно преданной своей родине. Она ненавидела пруссаков и едва ли пыталась скрывать это. Вряд ли приходится сомневаться в том, что ее влияние на сына было доминирующим.

Случилось так, что во время ареста сапожника юный Франц находился в Деттвайлере. Он даже, кажется, едва избежал той же судьбы, так как находился в группе людей, издевавшихся, когда Форстнер приказал своим солдатам «схватить этих проклятых негодяев». Он видел, как разъяренный офицер нанес рану калеке и как последнего, истекавшего кровью, поволокли в канцелярию бургомистра. Он видел, как у входа в канцелярию стояли солдаты. Вместе с другими беглецами он нашел убежище в одной из деревенских таверн и, возможно, присоединился к проклятиям, наполнившим комнату. В Деттвайлере и окружающих деревнях общественное возбуждение в этот день было так велико, что для пруссака, одетого в форму, было рискованно показаться одному на улице.

Если Людвиг Франц и раньше, под влиянием матери, восставал против прусского ига, то теперь он превратился в неумолимого врага государства, которому по закону должен был быть верен. Есть некоторые доказательства того, что по возвращении в Страсбург он искал знакомства с людьми, которых полиция подозревала в том, что они были французскими секретными агентами. Как бы то ни было, как только он был призван на военную службу и предпочел флот армии, его послали для прохождения подготовки в Вильгельмсгафен.

Там, нет сомнения, он получил дальнейший неприятный опыт в отношении прусских методов. Кондукторы и унтер-офицеры флота считали, что зеленых рекрутов нечего баловать. Пинки и удары являлись частью обычного обучения. За последние несколько лет до войны в немецкой прессе обращали внимание на многочисленные случаи необычайной грубости по отношению к молодым морякам.

В сентябре 1914 года Франц был послан в военно-морской корпус во Фландрии. Он провел несколько месяцев в Брюгге и, по всей вероятности, именно там впервые вошел в соприкосновение с разведывательной службой союзников. Обстоятельства этого неизвестны, но в марте 1915 года он регулярно снабжал сведениями агентов французской разведки, находящихся в Бельгии. Не в пример большинству прочих агентов, бывших на службе у союзников, он выполнял свою работу, побуждаемый исключительно ненавистью. Несколько раз он отказывался от

сравнительно больших сумм, предлагаемых ему за полученные от него весьма ценные сведения. Он брал деньги только на расходы, требуемые для усиленного угощения ликером тех из его «товарищей», которые, будучи навеселе, были склонны проронить полезные сведения.

Франц выказал исключительный талант в выбранном им деле. Так как он никогда не пытался скрыть от сотоварищей свои антипрусские взгляды, его считали откровенным и честным ворчуном, который никогда не будет заниматься тайными интригами. Нередко за свое слишком громко выражаемое недовольство он получал незначительные наказания, но этот факт, помимо того что завоевал ему симпатию среди рядовых солдат, утвердил его репутацию горячего болтуна. Подозрение обычно вызывает молчаливый и скрытный человек.

Что касается Франца, то вышестоящее начальство смеялось бы при одной мысли, что он каким-либо образом может быть опасен.

Но у руководителей французской разведки были свои соображения на этот счет. Они получали от Франца необычайно точные донесения о диспозиции немцев во Фландрии, о передвижении войск, о местонахождении складов и о многих других важных фактах. Он первый сообщил о строительстве в Брюгге бетонных противобомбовых убежищ для подводных лодок и дал подробное описание их.

Благодаря его своевременному предостережению, авиация союзников была в состоянии помешать работе, хотя впоследствии убежища были закончены. Говорят, что он выдал месторасположение 15-дюймового орудия, которое большую часть войны с монотонной регулярностью выбрасывало свои колоссальные снаряды в Дюнкерк.

В начале лета 1915 года Франц был послан на Ипрский фронт, и его более чем на год потеряли из виду. Предполагали, что он убит, к большому сожалению разведывательной службы Антанты, считавшей его одним из своих «асов». Поэтому в июле 1916 года, когда его снова обнаружили, разведка весьма обрадовалась. Новости были получены от одного из агентов в Киле. Оказалось, что Франц был серьезно ранен в бою под Ипром и провел три месяца в госпитале. После этого, по собственному желанию, его освободили от службы в военно-морском корпусе во Фландрии и направили во флот.

Восстановление связи Франца с разведкой само по себе является интересной историей. В то время союзники имели несколько агентов среди команд датских кораблей, привозящих картофель в Киль и другие порты Балтийского моря.

Один из них, находившийся на службе у Англии, был представлен Францу немецким посредником. Факт этот заставляет предполагать, что юный эльзасец выказывал симптомы неудовольствия, достаточно явные для того, чтобы привлечь внимание тех, кто в германском флоте искал рекрутов для разведывательной службы союзников.

Когда с Францем заговорили, он не выказал энтузиазма при мысли, что будет работать на Англию. Его симпатии были целиком на стороне Франции. Пришлось привести довольно много аргументов, чтобы убедить его, что, давая Англии информации о передвижении германского флота, он будет в равной степени служить и Франции.

Здесь могут заметить, что французские власти по временам, правда, охотились за секретными сведениями о флоте противника, но в основном были заинтересованы чисто армейскими делами и поэтому были вполне удовлетворены, предоставляя собирать сведения о флоте нашим людям. Но Франц никогда не был вполне счастлив, служа своим новым хозяевам. Последние иногда должны были прибегать к французскому посреднику, чтобы вытянуть от него информацию.

Довольно долгое время он служил в первой бригаде Флота Открытого моря, на линкоре Позен. В это время он снабжал нас ценными данными о флоте вообще, о состоянии кораблей и их оборудования и о методах обучения. Однажды он точно предсказал за неделю день и час, когда его бригада снимется с якоря и отправится в Байт.

В декабре 1916 года Франц был переведен на службу в подводный флот. В это время Германия готовилась к грандиозному наступлению подводных лодок в начале будущего года. Так как добровольцев для пополнения многочисленных новых подводных лодок, заканчивающихся строительством, было далеко не достаточно, то из боевых соединений «заимствовали» большое количество рядовых, которые должны были пройти обучение в школе подводного плавания в Киле.

Острые глаза и уши, в соединении с высоким уровнем развития, сделали Франца неоценимым агентом.

В обширной системе разведки, которая постоянно держала английское адмиралтейство в курсе всех передвижений германских подводных лодок, Франц был весьма существенной единицей. Он не только давал нам информацию относительно новых подводных лодок и новых методов атаки и обороны, но донесения его непосредственно были связаны с таинственными исчезновениями некоторых подводных лодок, отправившихся топить и уничтожать.

Беспристрастие требует признать, что к этому времени он стал менее бескорыстен, чем во время оно, и, конечно, менее благоразумен. Он уже не отказывался от оплаты за службу. Наоборот, он запрашивал более крупные суммы, и за его прекрасную работу ему выплачивали их без возражений. Длительная безнаказанность сделала его беспечным. Когда его перевели в Вильгельмсгафен, он обзавелся любовницей и в момент интимной близости признался ей в вещах, о которых следовало бы лучше умолчать. Донесла ли на него девушка или нет — осталось неизвестным. Агент союзников, работавший связистом между Францем и высшим командованием, был арестован вскоре после свидания с эльзасцем.

Франц стал все более пристрастен к вину и женщинам, и у него слишком развязался язык. К этому времени его отметили в делах разведки как не внушающего доверия.

Франца предостерегали, что болтливость погубит его. Ему сократили оплату, а наши связисты, работающие в Германии, принимали тщательно продуманные меры предосторожности, когда имели дело с ним, причем последнее теперь случалось весьма редко.

И хотя ему более не доверяли, его донесения попрежнему содержали наиболее ценные сведения. Однако конец его был близок. Он произошел при столь драматических обстоятельствах, что не будь они чистейшей правдой, их не следовало бы рассказывать.

Франц к этому времени был одним из передовых моряков, специально натренированных в торпедном деле. Он уже совершил несколько учебных плаваний на подводной лодке, но еще не служил на лодке, находящейся на «передовых позициях». В июле 1917 года его перевели на одну из лодок, оперирующих вместе с Фландрской флотилией. Находясь в Брюгге, Франц опять вошел в соприкосновение с секретными агентами союзников. Он хорошо информировал последних о всех передвижениях подводных лодок, которые были в его поле зрения. Два или три месяца спустя он донес, задолго до предполагавшихся событий, что два подводных минных заградителя оставят в указанный день Зеебрюгге и отправятся для постановки мин в Английский канал. После получения сведений оставалось еще достаточно времени для подготовки контрнаступления. В соответствии с сообщением обе лодки отплыли.

Несколькими днями позже, на заре, английская подводная лодка «обходила дозором» свой район в канале. Так как предполагалось, что лодки противника должны быть где-либо поблизости, вахта неслась особо бдительно. Ночь прошла без происшествий. Командир, закутанный от сильного холода до самых глаз, в последний раз огляделся, перед тем как спуститься вниз, чтобы выпить чашку горячего кофе. Ничего не было видно, кроме серых туч и свинцового моря... Но что это?

Вдали — справа по носу — мгновенная белая вспышка, за ней другая, а позади их почти невидимые очертания какого-то предмета, более черного, нежели серое небо и море. Нет сомнения, что это была подводная лодка. Ее выдал или бурун над боевой рубкой, когда после ночи, проведенной на дне, она поднялась на поверхность, или носовая волна, образуемая при медленном продвижении вперед.

Внутри английской подводной лодки зазвучали сигналы. Капитан опустил трап. Люк боевой рубки захлопнулся, и лодка с шумом погрузилась в воду. Видел ли что-нибудь противник? Если видел, то он тоже будет искать спасения на глубине.

Английская лодка выпрямилась после погружения, а затем перископ был очень осторожно поднят. Командир внимательно смотрел в окуляр. Через одно мгновенье перископ убрали.

Все было в порядке. Германская подводная лодка, по всей вероятности, ничего не заметила. Она все еще была на поверхности и не изменила свой курс.

Спустя несколько минут серый нос лодки попал в прицел перископа. Из носовых торпедных труб английской лодки были пущены на большой скорости две торпеды.

К небу прорвались языки пламени. Раздался громоподобный треск, затем наступила тишина. Подняли перископ. Море было спокойно и свободно. Два мертвых тела, изломанные в щепы деревянные решетки, парусиновый тузик с зияющей дырой в борту — вот все, что осталось от подводного заградителя и от его команды. Никто не предполагал, что одним из трупов, погребенных в разодранном корпусе, лежащем на глубине ста двадцати футов, был труп Людвига Франца, молодого эльзасца, служившего секретным агентом у союзников почти три года.

Этот необычайный факт был установлен много месяцев спустя, когда эксперты из разведки анализировали германские списки убитых и раненых. Тогда, сопоставив различные обрывки сведений, дошедшие до нас от агента в Брюгге и из других источников, восстановили эту печальную историю.

День или два после того, как Франц послал свое последнее донесение, его внезапно перевели с его лодки на один из подводных заградителей, намеченных для проведения операции в канале. Он не имел возможности поставить нас в известность, но даже если бы и сделал это, было уже слишком поздно. Английская охотничья свора была уже спущена.

Сообщив нам мельчайшие подробности предстоящего плавания лодки, Франц буквально подписал свой собственный смертный приговор. Именно благодаря его донесению подводная лодка была торпедирована и потоплена со всей командой.

Глава VII

Немецкие шпионы в Англии

В предвоенное время методы работы разведывательной службы в Германии были грубыми и любительскими. Результаты, которые они приносили, ни в коей мере не соответствовали колоссальным расходам, вызываемым ими.

Один из известнейших авторитетов по этому вопросу уверил меня, что 99 процентов донесений, составляемых 22 секретными агентами, которых Германия до войны держала в Англии, не только не содержали сведений, имевших хотя бы малейшую ценность, но обнаруживали такое невежество в военно-морских и военных вопросах, которое было бы позором для развитого школьника. Поскольку большинство, если не все, из этих донесений, до того, как попасть в Берлин, тщательно проверялось

английской службой по обеспечению безопасности, наши власти лучше всех могут определить их подлинную ценность.[1]

Иногда спрашивают, почему эти господа немедленно не запирались на ключ и под замок, если английские власти знали фамилии, адреса и занятия всех немецких профессиональных шпионов в стране за три года до войны.

Поскольку берлинский разведывательный департамент удовлетворялся поставляемым ему сортом пищи, у нас не было никаких причин препятствовать снабжению. Правда, изредка в донесениях попадались действительно секретные сведения. Когда это случалось, перехваченное послание искусно подредактировывалось, прежде чем быть отнесенным на почту, и следует опасаться, что адресат не осведомлялся в той степени, в которой этого желал писавший.

Временами германские агенты использовались для передачи сообщений, которые мы особенно хотели довести до сведения берлинского адмиралтейства. Если мы планировали новый тип линкора или крейсера, то знали из опыта, что скрывать этот факт от иностранных разведывательных отделов было бы бесполезно. Ни один английский военный корабль не проектировался с большей секретностью, чем Дредноут, однако еще даже до того, как корабль был заложен, в английских газетах были опубликованы прозорливые предсказания об его основных чертах.

Общеизвестно, что прежде, чем окончательно утвердить тактические данные первого корабля, имеющего на вооружении исключительно орудия большого калибра, было просмотрено множество различных планов. Один из планов предусматривал вооружение из двенадцати 12-дюймовых орудий в шести башнях, размещенных в виде шестиугольника; по одной башне на корме и в носу и по две с каждого борта. Это устройство, имевшее многих сторонников, было впоследствии отброшено в пользу пяти башен, из которых три находились в диаметральной плоскости и по одной с каждого борта. Однако были заготовлены подробные чертежи шестиугольного расположения башен, и эти чертежи всучили германскому агенту. Несомненно странным совпадением является то, что все первые 8 кораблей (вооруженные исключительно орудиями большого калибра), построенные в Германии, имели шесть башен, расположенных в соответствии с отклоненным проектом, составленным для Дредноута. Немецкие военно-морские авторитеты с момента войны категорически отрицают предположение, что они были обмануты подложными планами английских кораблей. Несмотря на отречение, факты наводят на размышление.

Даже когда работники немецкой разведки находили хорошо осведомленного агента, они не могли извлечь пользу из его зна-

---

[1] Благодаря раскрытию в 1911 г. „Службой по обеспечению безопасности" „пересылочной конторы" в Лондоне, через которую немецкие шпионы, работающие в Англии, пересылали свои донесения, английская разведка имела возможность вскрывать и просматривать корреспонденцию.

ний. К примеру, артиллерист Пэрротт мог бы стать прекрасным исполнителем, будь он соответствующим образом обучен. Но когда им удалось заставить работать на себя человека, находящегося на службе в британском флоте, они практически не использовали его знаний. Пэрротт никогда по-настоящему не заработал получаемые им от германских хозяев деньги, хотя несомненно хотел это сделать.

В момент своего падения Джордж Чарльз Пэрротт был кондуктором королевского флота. Начальство считало его квалифицированным и достойным доверия офицером. Его жалование и доплаты различного рода составляли в общей сложности 260 фунтов стерлингов в год. Таким образом, никаких видимых причин для падения, как будто бы не было. В июле 1912 года в его ведении находилось винтовочное стрельбище в Ширнессе. До этого он служил на линкоре А г а м е м н о н. Когда корабль находился в постройке в Клайде, он помогал наблюдать за установкой вооружения и поэтому довольно подробно знал его. Так как орудия и установки этого корабля были одинаковы с орудиями и установками на первой группе дредноутов, то Пэрротт, несомненно, был в состоянии поставлять важные технические сведения.

11 июля 1912 года он обратился с просьбой о разрешении ему отпуска, так как намеревался отправиться в Девенпорт. Когда просьба его была удовлетворена, он послал телеграмму в Берлин, но не из Ширнесса, где жил, а из Ситтингборна. Телеграмма гласила: «Приеду воскресенье восемь часов,— и была подписана, — Сеймур». 13-го он отправился в Дувр. Часть пути его сопровождала дама. Он уже собирался сесть на пароход, отправляющийся в Остэнде, когда с ним заговорил сыщик. Пэрротт назвал свое собственное имя, но заявил, что он гражданский человек. Его обыскали и в кармане нашли военно-морские документы. Тогда он сознался, что служит во флоте. В качестве предлога своего посещения Остэнде он выставил свидание с дамой. Его не задержали, но тот факт, что он был опрошен полицией, должен был послужить предостережением о том, что он находится на тонком льду. Более умный человек оставил бы это подлое дело.

Однако Пэрротт, несмотря на хорошие отзывы, которые он имел во флоте, был глуп от рождения. Последующие его действия подтверждают это. Вместо того, чтобы вернуться во-свояси, он сел на пароход, отходящий в Остэнде, очевидно, не предполагая, что на него нашла тень подозрения. Человек из Скотланд-Ярда последовал за ним на пароход и весь дальнейший путь следования наблюдал за ним.

Пароход прибыл в Остэнде. Когда Пэрротт сошел на берег, к нему сразу же подошел человек, с которым он и ушел. Пара не расставалась в течение нескольких часов. Затем незнакомец сразу покинул своего компаньона, и Пэрротт отправился на пароход, который в 11 часов утра отбыл в Дувр.

На следующий день он явился в форме в Ширнесс. Когда его

попросили в письменной форме изложить причину самовольного отъезда из Англии, он заявил, что причиной было посещение девушки. Но агент, проследивший за ним до Остэнде, уже сообщил, что во время своей поездки Пэрротт не говорил ни с какой женщиной. В начале августа, при проведении официального дознания, Пэрротт снова сделал ложное заявление относительно своего путешествия. 14 августа его уволили из флота. Если учесть обстоятельства, то он был необычайным счастливцем, так как избежал суда с весьма неприятным обвинением.

Никакие предостережения не помогли отвратить ослепленного человека от его преступной глупости. Двумя месяцами позже он получал таинственные письма из Берлина, под вымышленной фамилией «Г. Кауч», на условленный адрес Кингс Род, Чельси. 16 ноября его арестовали с одним из таких писем. В письме были два пятифунтовых билета, которые, как проследили, имели хождение в Германии. На конверте была почтовая отметка: «Лондон».

Большинство, если не все сведения, о которых спрашивали в письме, могли быть получены из периодических изданий флота, таких, к примеру, как «Нэйвл энд Милитари Рекорд», который еженедельно опубликовывает передвижения и местонахождение всех соединений флота в английских водах. Ни в этом письме, ни в других документах, фигурировавших на процессе Пэрротта, не было ни одного вопроса, ответ на который дал бы немцам действительно полезные сведения. Вопросник, предложенный Пэрротту, казалось, был составлен людьми, имеющими лишь элементарные познания в военно-морских вопросах. Он, действительно, был достоин отменного Штейнхауэра, «главного шпиона кайзера», которого самый маленький ученик школы св. Винсента мог обучить технической стороне военно-морского дела.

Не следует вдаваться в подробности грязной истории Пэрротта. В январе 1913 года он был признан виновным и осужден на 4 года каторжных работ. На процессе выяснилось, что он посетил континент еще несколько раз, хотя и утверждал, что поездки его были вызваны желанием встретить прелестную очаровательницу и не имели ничего общего со шпионажем.

За 6 месяцев до дела Пэрротта попался еще один германский агент. Это был Армгаард Карл Грэйвс, судившийся 22 июля 1912 года в Глазго. По некоторым причинам, германские власти приложили особые усилия, чтобы отказаться от какой-либо связи с этим человеком, но доказательства того, что он находился у них на службе, были слишком явными. Возможно, немцы были в замешательстве из-за раскрытия его театральных и бесплодных методов — методов, которые были обычными и общими для большинства секретных агентов Германии, находившихся в Англии.

Как указано в обвинительном акте, «обвиняемый между 21 января и 13 апреля 1912 года составил или получил записку, написанную по-немецки. Записка является телеграфным кодом

для передачи сведений, касающихся флота и сухопутных фортификаций. Помимо этого, обвиняемый составил короткое осведомительное письмо относительно орудий, находящихся в постройке на Паркхэдском сталелитейном заводе в Глазго. Письма эти и документы были предназначены и составлены с расчетом принести пользу противнику».

На процессе Грэйвс вел себя развязно, корчил веселую мину и сначала настаивал на том, что сам будет вести дело, но, в конце концов, запросил и немедленно получил адвоката.

Грэйвсу было лет тридцать пять, он носил очки и имел вид типичного немецкого профессора. Во время ареста, происшедшего 14 апреля, в руках у него была книга, где была показана военно-морская база Розит и прилегающие к ней районы. При обыске его имущества полиция обнаружила ряд пузырьков, наполненных смертоносными ядами, иглы и шприцы для подкожного впрыскивания, карты Шотландии, винтовочные патроны и почтовую бумагу с надписью «Барроус Уэлклам и К^0, химики, Лондон». Оказалось, что бумага эта подделана. Грейвс не мог дать удовлетворительного объяснения по поводу всех обнаруженных вещей. Его вымышленное имя было Джэймс Стэффорд.

Существенное показание было дано контр-адмиралом, руководившим работами на артиллерийском заводе Биэрдмор и К^0. Этот офицер расшифровал найденные у Грэйвса коды. Один из них состоял из цифр, обозначающих следующие фразы: «ходят слухи», «освобожден для действий», «отпустил оборонительные сети», «сухопутные фортификации и люди», «ведется подготовка», «наплыв резервистов», «поставлены минные поля», «все спокойно, ничего не делается» и названия линкоров, крейсеров, эсминцев, также как и Скапа-Флоу, Кромарти и Морэй Фирс. Второй документ, составленный на немецком языке, содержал детали орудий, производимых на заводе Биэрдмор и К°.

Грэйвс утверждал, что имеет медицинский диплом. Незадолго до ареста он обращался к доктору Джэймс Макэй из Лейса с просьбой предоставить ему место врача. Однако место ему не было предоставлено, так как доктор Макэй разумно решил, что проситель, имеющий такое сильное немецкое произношение, «не подойдет в Лейсе». Шифр, использованный для телеграмм между заключенным и его корреспондентом на континенте, был весьма сложным. Передаваемые цифры должны были прочитываться не в том порядке, в каком они поступали. Следовало из всей группы цифр вычесть 271, а затем читать в соответствии с ключом. Практически вся сущность телеграммы, передаваемой Грэйвсу, излагалась шифром, только одно или два слова были не зашифрованы.

Согласно предъявленному обвинению, шифр «был смертоносным документом, найденным у арестованного», в особенности в связи с попыткой устроиться в Лейсе. «Если,— заявил представитель государственных интересов в суде,— человек, пользующийся шифром, был бы в определенное время и в определенном месте и обнаружил бы к примеру, что поставлены мины — он

телеграфировал бы цифры 11719, 11729. Сведения такого порядка, сообщенные без промедления, имели бы для противника несомненно большую ценность».

Шифрованные телеграммы посылались обвиняемым Льюису Ноенс в Брюссель. Ответы получались из Роттердама. В каждом из этих двух центров существовали известные шпионские бюро. Бюро в Роттердаме работало исключительно в интересах Германии.

Правда, когда телеграммы эти перехватывались, в них при расшифровке не обнаруживали военных сведений, однако содержание их не оставляло сомнений в том, что Грэйвс и его иностранный корреспондент были заняты подпольной деятельностью, природа которой была ясна.

Грэйвс употреблял шифр, весьма ходкий среди других германских агентов, находившихся в то время в Англии, и поддерживал непосредственную связь с человеком, известным как один из руководителей германского шпионажа.

С первого момента своего ареста Грэйвс разыгрывал простачка, и это оказалось ему полезным в нужде. Возможно, это не целиком была его маска, так как его действия, даже в то время, когда он не знал, что за ним следят, были до некоторой степени эксцентричны, а найденная у него коллекция различной «бутафории» вряд ли могла быть приобретена разумно мыслящим человеком. С другой стороны, он был хитрецом. Это был единственный немецкий агент, который указал на Скапа-Флоу как на возможную военную базу английского флота.

Правда, Оркнейская якорная стоянка весьма часто упоминалась в разговорах, но немцы никогда не верили, что она предназначалась для использования в качестве главной базы. Только за несколько недель до начала войны немецкий морской штаб предполагал, что главной базой английского боевого флота во время войны будет Фирс-оф-Форс, а в качестве передового поста будет использован Кромарти.

До июля 1913 года не было сделано никаких попыток исправить грубые промахи в системе германского морского шпионажа. По всей вероятности, только к этому времени руководителям флота пришло в голову, что сведения, которые они получили из Англии, не имели никакой ценности. Поражает лишь то, что открытие последовало так поздно. Большинство сообщений, получаемых от агентов, находящихся в Англии, были составлены или на основании непроверенных слухов, старых информаций, переработанных из сведений, ранее опубликованных в прессе, или на основании абсолютно искаженных фактов. Сообщения весьма часто снабжались диаграммами сомнительного происхождения, техническими деталями кораблей, орудий и т. п. Последние сами по себе были довольно обстоятельны, но обычно расходились с уже имеющимися сведениями.

Говорят, что адмирал фон Тирпиц довольно резко высказывался по поводу германской разведывательной работы в области флота. Он провел параллель между этой работой и прекрасными

результатами, по общему признанию, полученными немецкими агентами, занимавшимися военным шпионажем во Франции и в России. В результате этой критики в Берлине была учреждена специальная школа для подготовки шпионов для флота. Выпускники школы должны были постепенно заменить неквалифицированных агентов, оперировавших до сих пор в Англии. Однако, поскольку школа была организована всего лишь за год до начала войны, срок для производства замены оказался незначительным, во всяком случае он был слишком мал, чтобы можно было получить какие-либо ощутимые результаты.

Студентов для обучения в школе выбирали из среды немцев, имеющих законные деловые сношения с Англией, что давало им возможность поселиться там, не возбуждая толков. Основным требованием являлось абсолютное знание английского языка, но так как испытания проводились немецкими профессорами, то неудивительно, что не один студент, чье английское произношение было далеко от безупречного, мог сдать экзамен даже с наградой. Ничего не было легче, чем под благовидным предлогом организовать экзамен, который проводился бы англичанами, но это было не в немецком стиле.

В курс обучения были включены следующие предметы: опознавание английских и прочих военных кораблей, элементарные знания в области конструкции корабля, артиллерии, торпед и мин; чтение карт, составление географических карт и технических схем; фотография, секретные чернила и испытание памяти. Каждого студента снабжали книгой морских терминов и английских синонимов для них. Книга включала в себя жаргонные фразы. Последние дали бы студенту возможность поддерживать любой разговор, который он мог подслушать между английскими моряками. Однако следует сомневаться, смог ли бы студент, наиболее усердно изучивший этот толкователь, хоть немного разобраться в любом разговоре, ведущемся «в кулуарах» нижней палубы.

Начало войны привело к значительному увеличению количества обучающихся в этой своеобразной школе. Среди закончивших интенсивный курс обучения были Антон Кюпферле и Фернандо Бушман. Впоследствии оба были арестованы, когда занимались шпионажем в Англии. Бушман был казнен. Кюпферле избежал расстрела, повесившись в своей камере. Благодаря хорошей работе английской службы по обеспечению безопасности, оба шпиона попали под наблюдение через несколько дней после того, как высадились в Англии. Таким образом, ни один из них не имел шансов выявить свою доблесть в качестве агента разведки. Из осмотра их бумаг явствует, что оба они извлекли немного пользы из своего пребывания в школе разведчиков. Некоторые заметки об английских военных кораблях, обнаруженные у Кюпферле, были неточны в существеннейших деталях.

В 1922 году в одной из варшавских газет бывшим воспитанником этой школы было опубликовано описание школы и

методов ее работы. Школа помещалась на верхнем этаже дома на Вильгельмштрассе в Берлине и занимала пять комнат. Во главе школы стоял отставной капитан 2 ранга. В штат входили два других морских офицера, кондуктор и несколько гражданских экспертов из германского адмиралтейства. На стенах одной из комнат висели фотографии хорошо известных сыщиков Скотланд-Ярда. Другие комнаты были украшены схемами типичных английских, французских и русских военных кораблей, планами и схемами внутренних помещений корабля, орудий, орудийных башен, торпед и т. п. Работа начиналась в 9 часов утра и продолжалась до 7 часов вечера, с перерывами на еду.

В начале 1915 года школу посещали в среднем 15 человек. Учащиеся, за исключением одного поляка, все были немцами. Несколько человек провели много лет в Соединенных Штатах Америки и говорили по-английски, но с сильным американским акцентом. Среди них были два или три офицера торгового флота, но большинство составляли коммерсанты. Все они были известны под номерами. Спрашивать фамилии или адрес строго воспрещалось. «Тем не менее, — писал автор, — большинство из нас знали фамилии друг друга, и вне школы мы свободно общались».

Каждый студент должен был запомнить названия, типы и основные данные всех значительных кораблей английского флота. Когда детали эти усваивались, перед учащимся на несколько секунд клали силуэты кораблей. Студент должен был опознать их. Правильные ответы были исключением. Даже в конце обучения лишь некоторые студенты могли отличить один корабль от другого. Этой отрасли знаний придавалось особо серьезное значение, так как было известно, что англичане имели большое количество «макетов» военных кораблей. Если последние будут признаны за подлинные боевые корабли и о них будет сообщено германскому морскому командованию, то могли возникнуть серьезные осложнения.

В школе имелся электротехнический отдел, где студентам показывали основные системы электропроводок на линкоре или на крейсере и как эту систему можно нарушить, повредив определенные жизненно-необходимые провода.

Преподавалось также и искусство перевоплощения, грима, хотя тщательно проделанная маскировка не поощрялась. Проводились постоянные испытания в «умении держать себя», т. е. правильно вести себя при внезапном стечении обстоятельств, требующих решительных действий. К примеру, в случае, когда шпион будет окликнут и остановлен английским агентом. Хладнокровие при всех обстоятельствах — вот основная добродетель агента разведки.

По словам автора статьи, только один из трех студентов выдерживал выпускные испытания, на которых решался вопрос о возможности использования на разведывательной службе. Выдержавшие испытания переводились в Киль или Вильгельмсгафен, где проходили дальнейшее обучение, характер которого

неизвестен. Студентам-неудачникам сообщали, что услуги их не нужны. Затем их рассчитывали, предварительно предупредив о необходимости сохранения абсолютного молчания в отношении пройденного ими обучения. Выдача тайны — предупреждали их — означает смерть.

Большинство сведений, имевшихся в статье, которую я вкратце изложил, можно считать достоверными, так как они почти полностью совпадают с тем, что было известно о берлинской школе для шпионов из других источников. Во время войны подобное же учреждение имелось и в Париже. Однако оно было основано на более практических принципах и с бо́льшим охватом, чем немецкая школа, и дало французской разведывательной службе немало «асов».

Глава VIII

Когда сгорели цеппелины [1]

Самым потрясающим ударом, когда-либо нанесенным секретной службой союзных держав, было, пожалуй, частичное разрушение крупнейшей и наилучше оборудованной базы воздушных кораблей Германии, вместе с находившимися в ней пятью дирижаблями последней конструкции. Хотя эта секретная служба и не имела такой организованной группы диверсантов, какой был австрийский «бомбовый отряд», чьи подвиги уже рассказаны выше, однако она, несомненно, была ответственна за ряд военных невзгод, перенесенных Германией. О большинстве из них германские власти, по соображениям политическим, умолчали или приписали их другим причинам.

Даже катастрофа на аэродроме цеппелинов в Альхорне была скрыта от немецкого народа до окончания войны. Только в последние годы вероятная причина катастрофы была официально признана. На основании, главным образом, немецких сообщений, сделанных в 1931 году, был составлен следующий отчет об этом необычайно драматическом эпизоде войны.

Преувеличенная оценка значения цеппелинов, как вспомогательной силы флота, привела к тому, что с начала войны немцы начали в большом масштабе развивать дирижаблестроение. Они не только составили большую кораблестроительную программу, но и предприняли ряд шагов к организации цепи аэродромов вдоль всего германского побережья от Остэнде в Бельгии до Кенигсберга в Восточной Пруссии. Германия, по всей вероятности, имела не менее 16 станций с ангарами, включая и запасную базу в Джамболи (Болгария).

---

[1] Автор описывает событие, опубликованное в одной из английских газет, но опровергаемое, возможно из-за соответствующих соображений. немецкой печатью.

Первые большие ангары в Нордхольце (близ Куксгафена) были поспешно закончены в августе 1914 года. В следующем году были построены еще три станции. В 1916 году, для того, чтобы удовлетворить растущую потребность в ангарах близ побережья Северного моря, была заложена новая база в Альхорне (Южный Ольденбург). База эта, крупнейшая по размерам, должна была стать главным центром военно-морской дирижабельной службы. Однако план этот должен был быть оставлен по причинам, которые будут изложены ниже.

Стоимость постройки Альхорнского аэродрома составляла свыше 1 500 000 фунтов стерлингов. Строительство было закончено в начале 1917 года. Аэродром имел три группы парных ангаров. Каждый ангар вмещал два цеппелина. Таким образом, одновременно на аэродроме в ангарах могли находиться двенадцать воздушных кораблей. Четыре ангара имели длину в 788 футов каждый, ширину в 197 футов и высоту в 115 футов. В других ангарах длина была увеличена до 853 футов, а ширина до 246 футов. Оборудование включало мощную газогенераторную установку с газовыми счетчиками высокого и низкого давления, подземные цистерны для бензина, мастерские, бараки, сигнальную и метеорологическую станции. Бомбы и боеприпасы для пулеметов хранились в подземных складах.

Для предотвращения пожаров и прочих несчастных случаев были введены строгие правила. Как только дирижабль после полета возвращался в ангар, все боеприпасы удалялись с него. Пользоваться внутри ангара незакрытым огнем строго воспрещалось. Для чистки применялась специальная невоспламеняющаяся смесь. Это были необходимые меры предосторожности, так как из внутренних шаров оболочки дирижабля всегда была некоторая утечка водорода, и, таким образом, все время существовала опасность взрыва.

В полдень 5 января 1918 года на аэродроме царило необычное возбуждение. Пять дирижаблей, находившихся в это время в ангарах, подготовлялись для выполнения какого-то весьма важного задания. Адмирал Шеер имел намерение отправиться с Флотом Открытого моря, в полном его составе, для осуществления чрезвычайно важной операции.

Характер предполагаемого предприятия скрывался, но весьма возможно, что это был налет на восточное побережье Англии. Совместные действия с воздушными силами являлись существенной чертой плана. В операции должны были принять участие не только все имеющиеся в распоряжении цеппелины, но в ведение адмирала Шеера было передано несколько эскадрилий тяжелых бомбардировщиков. Пять дирижаблей новейшей конструкции предназначались для выполнения руководящих функций.

В ангаре № 1 находились дирижабли *L-47* и *L-51*, а три других находились каждый в отдельном ангаре. Все пять воздушных кораблей были только что полностью наполнены газом. Личный состав и персонал, обслуживающий аэродром, насчитывали около тысячи человек. В момент катастрофы внутри и поблизости от

ангаров находилось незначительное количество людей. Последний немецкий отчет признает, что за несколько месяцев до события были замечены случаи подстрекательства к вредительству. В отчете делается вывод, что, возможно, один или несколько человек согласились на предложение тайных агентов союзников.

В 5 часов 25 минут утра в передней гондоле дирижабля *L-51* произошел небольшой взрыв, за которым последовала вспышка огня. Горящий бензин разлился и растекся по полу ангара, поджигая все, что попадалось ему на пути. Через несколько секунд колоссальное здание и оба находящиеся в нем дирижабля со страшным грохотом взлетели на воздух.

Почти немедленно вслед за этим взорвались и другие ангары, хотя одна группа была расположена на расстоянии четырехсот, а другая восьмисот футов от места первого взрыва. Взрыв был так силен, что большинство домов, окружающих аэродром, совершенно разрушилось. Отголоски взрыва ясно слышались на улицах Ольденбурга, в 22 милях от аэродрома.

«Таким образом, меньше чем в минуту, — говорится в немецком отчете, — были полностью уничтожены четыре ангара и пять дирижаблей последней конструкции. Потеря ангаров, вмещающих 8 цеппелинов, была очень серьезным ударом, так как дирижабль можно построить в два или три месяца, тогда как на строительство ангара требуется целый год. Благодаря тому, что во время катастрофы в ангаре было занято мало народа, человеческие жертвы оказались сравнительно малыми. 15 человек было убито, 30 получили серьезные ранения и 104 человека отделались легкими ушибами. Во время пожара и взрывов погибло 300 000 кубометров газа и большое количество бензина. Помимо уничтоженных четырех ангаров, два оставшиеся были повреждены».

Расследование причин катастрофы началось без отлагательств. Все оставшиеся в живых и находившиеся на территории, где произошла катастрофа, были самым тщательным образом допрошены. Однако все заявили, что правила безопасности строго соблюдались. С самого начала подозревали наличие предательства. Еще долго после того, как официальное расследование было закончено, продолжали выяснять характер и предшествующую деятельность каждого человека, имевшего отношение к аэродрому. Объектом сильных подозрений был один унтер-офицер. Однако никаких доказательств для предъявления ему определенного обвинения нельзя было добыть.

Хотя в качестве возможной причины катастрофы комиссия по дознанию выставила неизвестный случай, офицеры, работающие на аэродроме, не разделяли этой точки зрения. Они указывали на один существенный факт — огонь возник сначала в одном ангаре, содержащем два дирижабля. По всей вероятности, это и был ангар, отмеченный для уничтожения тайным агентом. То, что взрыв перекинулся на другие ангары, это был неожиданный счастливый случай, и агент, конечно, не мог предвидеть его. Говорят, что человек этот, чью личность, как немцы

заявляют, они установили, получил от английского правительства сумму в 100 000 фунтов стерлингов.

Поскольку эти 5 дирижаблей должны были играть ведущую роль в проектируемом морском наступлении, уничтожение их нарушило планы адмирала Шеера, и через 2 дня вся операция была отменена. Само дирижаблестроение никогда не оправилось от материальных и моральных результатов удара.

Предательство в Альхорне часто упоминается в германской прессе, наряду с темными намеками относительно судьбы, которая все еще висит, как Дамоклов меч, над головой изменника. Поэтому дело до некоторой степени должно еще рассматриваться как подсудное, а при этих обстоятельствах было бы непростительной ошибкой добавлять какие-либо комментарии, могущие послужить ключом к разрешению загадки, все еще, очевидно, расстраивающей немецких исследователей.

Поскольку они признали что катастрофа произошла вследствие действий противника, они отдали должное эффективности работы секретной службы союзников, и это несомненно получит надлежащую оценку в соответствующих кругах.

При воспоминании о тщательно разработанных интригах, задуманных в Германии и Австрии для разрушения военных кораблей и центров военных запасов союзников, часть из которых соответствующим образом была осуществлена, несколько нелогичным покажется неистовое негодование, высказываемое по поводу ответных мероприятий, предпринятых союзными державами. «Тайная война» — игра, в которой могут принимать участие две стороны. И даже сейчас результаты этой «подземной» кампании недостаточно ясны для того, чтобы мы имели возможность сказать, кто же имел перевес. В октябре 1918 года была сделана попытка разрушить базу цеппелинов в Виттмюндгафене. В одном из ангаров были обнаружены скрытые там бомбы и зажигательные капсюли. Согласно официальному рапорту, здесь снова были явные доказательства причастности союзников.

Сами немцы заявляют, что успешный воздушный налет на ангары цеппелинов в Тондерне в 1918 году явился результатом прекрасной работы английской разведывательной службы. За три дня до налета противовоздушная оборона Тондерна была реорганизована. Снят был ряд зенитных орудий, предназначавшихся для установки в других местах. Таким образом, короткий период времени аэродром практически не охранялся. Соответственно версии немцев, факт этот был немедленно сообщен английской «Интеллидженс Сервис»,[1] быстро воспользовавшейся представлявшимся удобным случаем.

9 июля 1918 года авианосец, в сопровождении сильного конвоя из линкоров, направился к месту, расположенному вблизи острова Зильт. С авианосца поднялось 7 самолетов. Несколько из них достигли аэродрома в Тондерне и сбросили бомбы, кото-

---

[1] Разведывательное управление.

рые нанесли довольно внушительные повреждения: два двойных ангара и цеппелины *L-54* и *L-60* были совершенно уничтожены. За шесть недель до этого события на Гаагской дирижабельной станции произошел взрыв, который был также приписан агентам союзников. Неизвестно, были ли союзные державы ответственны за все бедствия с цеппелинами, которые немецкие историки приписывают им. Однако следует признать, что английская «Интеллидженс Сервис» во время войны была достаточно хорошо осведомлена о деятельности этого вида немецкой морской авиации. Знания эти привели к тому, что о цеппелинах, как о вспомогательном вооружении флота, у наших экспертов сложилось довольно низкое мнение. Только они одни могли читать между строчками сообщений о бомбардировках, поступавших из Берлина, часто превозносящих воображаемые достижения германских дирижаблей. Они были единственными людьми, знавшими, какие колоссальные усилия требовались для достижения сравнительно посредственных результатов.

Уместно будет поэтому дать резюме о немецкой военно-морской политике в отношении дирижаблей во время войны и о результатах этой политики. Для того чтобы избежать подозрений в предубежденном и предвзятом мнении, я скажу, что все факты и цифры, о которых буду говорить, взяты мною только из немецких источников.

Первым цеппелином, построенным специально для флота, был *L-1*, законченный в 1913 году. Цеппелин совершил несколько удачных полетов, но затем в сентябре этого же года погиб во время шторма в Северном море.

Второй дирижабль *L-2* был совершенно уничтожен взрывом газа при одном из его первых вылетов. Таким образом, в августе 1914 года в распоряжении немцев был только один военно-морской дирижабль, находившийся в Нордхольце вблизи Куксгафена. Для разведывательных целей на Балтике использовался старый дирижабль.

Вскоре после начала войны между армейским и морским командованием было достигнуто соглашение, по которому один из каждых двух дирижаблей, построенных компанией по строительству цеппелинов, передавался в распоряжение флота. Помимо этого, флот получил в свое время ряд дирижаблей, отличавшихся от цеппелинов тем, что вместо алюминиевого они имели деревянный каркас, скрепленный проволокой. Как уже указывалось выше, вдоль побережья Северного и Балтийского морей была организована цепь аэродромов, передававшая каждые три часа по радио или кабелю сводки о погоде в главный морской штаб в Вильгельмсгафене. Для снабжения газом различных баз были организованы специальные установки, так как в большинстве случаев местные ресурсы не соответствовали предъявляемым требованиям. Эта широко разветвленная организация поглощала большое количество личного состава. Найти такое количество специально обученных офицеров и рядовых было нелегким делом.

Вскоре обнаружили, что дирижабль, применявшийся в самом

начале войны и имевший емкость всего в 22 500 кубометров, не являлся достаточно мощным для того, чтобы справляться с налетами на далеко расположенные пункты. Поэтому емкость последующего типа дирижабля уже была увеличена до 32 000 кубометров. Первый Шютте-Ланц, приобретенный флотом, имел эту емкость. Однако даже этот размер оказался несоответствующим требованиям. Построенный в начале 1916 года *L-30* имел уже емкость в 55 000 кубометров.

Трудности обращения с таким большим дирижаблем на земле были чрезвычайно велики, в особенности в плохую погоду. По этой причине казалось, что достигли предельных размеров для дирижаблей, и в течение следующих двух лет воздушный корабль емкостью в 55 000 кубометров представлял собой стандартный тип германского дирижабля. Помимо цеппелина, единственным дирижаблем жесткой конструкции, оказавшимся способным выдержать напряжение военной службы, являлся Шютте-Ланц, да и тот, из-за своей деревянной конструкции, был непригоден для операций в Северном море. Для несения береговой сторожевой службы было построено несколько дирижаблей мягкой конструкции, аналогичных небольшим английским аэростатам для выслеживания подводных лодок.

Осенью 1916 года, во время налетов на Англию, дирижабли понесли тяжелые потери. Зенитные батареи и истребительные самолеты увеличились количественно и значительно повысили эффективность своего действия. Несмотря на тяжелые потери, капитан Страссер, стоявший во главе флота цеппелинов, вводил различного рода новшества, позволявшие дирижаблям во время пребывания над неприятельской территорией подниматься на значительно бо́льшую высоту. К лету 1917 года налеты производились с таких высот, что личный состав снабжался кислородными приборами. Дирижабли, производившие разведку на море, были также вынуждены летать очень высоко — иногда на высоте 16 400 футов, чтобы избежать атак со стороны гидропланов противника, а позже — атак самолетов с английских крейсеров или даже лихтеров, буксируемых эсминцами.

К концу 1917 года был выработан план, предусматривавший доставку цеппелинами боеприпасов и медикаментов в Восточную Африку, где войска генерала Леттов-Форбека остро нуждались в них. Для перелета был выбран дирижабль в 55 000 кубометров, типа *L-57*. Чтобы увеличить полезную нагрузку, длина цеппелина была увеличена на 98½ футов. Однако во время пробного полета корабль этот потерпел неудачу, и прошло 8 недель, прежде чем был снаряжен новый цеппелин — *L-59*.

Вылетев со вспомогательной базы в Джамболи (Болгария), корабль, по заявлению командира, достиг оазиса Дачель в верховьях Нила, где получил радиограмму из Берлина, приказывающую ему возвратиться в связи с тем, что пришло сообщение об эвакуации из Восточной Африки германских войск. *L-59* вернулся в Джамболи без всяких повреждений. Полет в обе стороны продолжался 96 часов. Цеппелин покрыл расстояние

в 4375 миль. Это был самый смелый и самый замечательный перелет дирижабля за всю войну.

По возвращении в базу, после налета на Неаполь, *L-59* был частично реконструирован. Следующим подвигом дирижабля должна была быть бомбардировка английской военно-морской базы на Мальте. Дирижабль имел на вооружении бомбы весом в шесть центнеров (самые тяжелые из имевшихся на вооружении у немецких цеппелинов).

Предполагалось, что он нанесет серьезные повреждения верфи и общественным постройкам на острове. Однако, несмотря на то, что подготовка к бомбардировке проводилась втайне, сведения о предполагаемом налете были получены английскими властями за несколько дней до намеченного срока. Для цеппелина была подготовлена «теплая» встреча, но он не появился. Впоследствии стало известно, что цеппелин погиб со всей командой во время взрыва, происшедшего, когда он находился над проливом Отранто. Причина взрыва не установлена.

Помимо катастроф, вызванных действиями противника, дирижабли несли тяжелые потери из-за плохой погоды, несчастных случаев и саботажа. Еще до катастрофы в Альхорне было несколько случаев гибели отдельных воздушных кораблей. Дирижабли гибли в ангарах во время пожара. Подозревалось предательство. К 1918 году было признано, что роль цеппелинов значительно снизилась.

Самолеты, в соединении с хорошо организованной зенитной артиллерией, сделали налеты на Англию рискованным предприятием, к которому прибегали только в редких случаях, когда погода особо благоприятствовала этому. К этому же времени разведка над Северным морем с помощью дирижабля также стала необычайно опасным занятием, в виду наличия на английских военных кораблях быстроходных и быстро набирающих высоту самолетов.

В тщетной надежде обойти английских артиллеристов и летчиков капитан Страссер сконструировал новый тип дирижабля, первым экземпляром которого был *L-70*. Дирижабль этот был снабжен семью моторами, дающими мощность в 1800 лошадиных сил. Скорость его составляла 70 миль в час. Потолок — почти 23 000 футов.

5—6 августа 1918 года этот гигантский корабль отправился для налета на Англию. На борту его был сам капитан Страссер, настаивавший на экспедиции, несмотря на возражения его офицеров.

К несчастью для *L-70*, атмосферные условия над Северным морем не позволили ему взять максимальную высоту. У Кромера дирижабль был замечен самолетом Д. Н. Ч., который стал преследовать его и сбил дирижабль. Все находившиеся на его борту бесследно исчезли. Вместе с потерей лучшего дирижабля немцы лишились и капитана Страссера, смерть которого явилась парализующим ударом для развития деятельности морских цеппелинов.

Судьба Страссера произвела большое впечатление в Германии,

еще более усилившееся, когда пять дней спустя погиб в катастрофе над Северным морем дирижабль *L-53*, а вместе с ним и второй из способнейших офицеров — капитан Прелос.

Это случилось 11 августа 1918 года. *L-53* наблюдал за жестокой схваткой, происходившей между английскими береговыми катерами и звеном немецких гидропланов, печально окончившийся для первых. Но дирижабль слишком долго находился на виду. Его заметили с кораблей, входящих в Гарвичское соединение и находившихся поблизости.

Самолет, поднявшийся с лихтера, застал дирижабль врасплох. Дирижабль, правда, попытался на полной скорости уйти в восточном направлении, но было уже слишком поздно. Наблюдатели из английской бригады видели языки пламени, вырвавшиеся из цеппелина после того, как зажигательные пули его крошечного противника попали в цель. Через некоторое время огонь охватил весь цеппелин, он разломался надвое и горящей массой обломков упал в море.

Эти последовательные неудачи вызвали реакцию против цеппелинов. В ожидании создания нового типа цеппелина, который бы оказался менее уязвимым, все дальнейшие налеты и разведка были воспрещены. Новый корабль должен был иметь емкость в 62 000 кубометров, но, прежде чем строительство его было закончено, война прекратилась.

Основные задачи, исполнявшиеся немецкими дирижаблями, приданными флоту, сводились, по заявлению бывшего офицера этой службы лейтенанта фон Шиллера в статье, помещенной в «Марине Рундшау», к следующему:

1. Дневная разведка общего характера в Балтийском и Северном морях, в Скагерраке и Каттегате, а часто и в районе, простирающемся до побережья Англии; в летние месяцы ночная разведка.
2. Предупредительная разведка, проводимая заранее в случаях, когда предполагаются выход или учения флота.
3. Организация завесы для боевого флота, находящегося в море, и конвоирование вспомогательных крейсеров.
4. Оборона флотилий, производящих траление мин, а иногда и поиски мин.
5. Осуществление бомбардировок Англии и России.

Делая обзор налетов цеппелинов на Англию, лейтенант фон Шиллер утверждает, что цель последних оправдывалась не только материальным и моральным ущербом, наносимым цеппелинами, но также и тем фактом, что угроза таких налетов заставляла англичан содержать в тылу большое количество орудий, самолетов и людей, которые бы, в противном случае, направлялись на Западный фронт.

19 июня 1919 года, в день, когда на якорной стоянке в Скапа-Флоу был потоплен Флот Открытого моря, 7 оставшихся дирижаблей были умышленно уничтожены в своих ангарах.

Как признают сами немцы, строительство и содержание флота дирижаблей с колоссальными ангарами, газовыми станциями,

метеорологическими бюро и т. д. ложилось тяжелым бременем на национальные ресурсы, не говоря уже о том, что отвлекало большое количество энергии от других отраслей военной деятельности.

Ни один беспристрастный человек не будет утверждать, что достижения дирижаблей в какой-либо разумной степени соответствовали и оправдывали затраченные на них средства и усилия. Цеппелины не принимали никакого существенного участия ни в одной военно-морской операции. Они неизбежно отсутствовали в критические моменты.

В операции у Доггер-Банки своевременно полученные сведения от воздушных разведчиков избавили бы немцев от потери крейсера Б л ю х е р. В Ютландском бою цеппелины могли оказать неоценимые услуги Флоту Открытого моря. Однако, несмотря на то, что цеппелины всякий раз поднимались, они видели весьма мало из того, что происходило внизу, и не посылали никаких сообщений, имевших какую-либо цену, а в Ютландском бою немецкий дирижабль пролетел над сражающимися флотами, но не видел и не слышал битвы. Очень характерный факт: дирижабль пролетел на высоте 200 футов, но по свидетельству Вильсона («Линейные корабли в бою» и «Nord See») не слышал звуков боя.

Во время вылазки в августе 1916 года адмирал Шеер имел почти дюжину дирижаблей, которые несли сторожевую службу в воздухе. Единственным ясным сообщением, полученным от них, было сообщение, гласившее о «приближении английских линкоров с юга». В действительности обнаруженные дирижаблями корабли были легкими крейсерами и эсминцами. Тем не менее получение такого сообщения заставило немецкого адмирала временно отказаться от операций и возвратиться домой. В этот момент Гранд Флит приближался к нему с севера, но об этом он не получил никакого предостережения от своих цеппелинов-разведчиков, находившихся в северном направлении. Если бы не ошибочное сообщение, услышанное им с другого дирижабля, которое побудило его начать поспешное отступление, то, по всей вероятности, его бы захватили врасплох.

Несмотря на то, что цеппелины весьма часто использовались для несения сторожевой службы в Гельголандской бухте, они никогда не могли воспрепятствовать нашим силам, а именно минным заградителям и подводным лодкам, проникнуть в эти воды, даже если замечали их приближение. По причинам, которые никогда не были объяснены, сообщения их почти всегда были неточными, а раз так, то они в действительности скорее были помехой, чем помощью командирам немецких соединений. Они сбросили сотни бомб на английские военные корабли, но не сделали ни одного попадания. Вся их «добыча» в Северном море сводилась к паре невооруженных торговых судов.

Немецкие морские офицеры, не связанные с дирижабельным флотом, пришли к заключению, что цеппелины являются роскошью, без которой можно легко обойтись. Говорят, что после фиаско, понесенного в августе 1916 года, адмирал Шеер и коман-

диры соединений, находившиеся в его подчинении, весьма пренебрежительно отзывались о них.

Остается несколько непонятным, почему, невзирая на недостатки этого типа, сократившие ценность цеппелинов для выполнения какого-либо серьезного задания до минимально ничтожных размеров, производство их все же развивалось во весь период войны, причем развивалось с такой энергией.

Кажется правдоподобным, что политика немцев в отношении дирижаблей руководилась скорее патриотическими чувствами, нежели практическими соображениями. С ранних дней цеппелин был провозглашен особым символом немецкого могущества, тевтонского превосходства в международном соревновании за господство в воздухе. Не сам ли экс-кайзер публично назвал графа Цеппелина «величайшим немцем двадцатого столетия».

Более того, цеппелин являл собою значительную ценность как инструмент пропаганды. Это было единственное оружие, могущее преодолеть непоколебимый иным образом оплот английской морской мощи и наказать хитрого противника. В течение первых двух лет войны налеты цеппелинов на Англию, по крайней мере, имели укрепляющее воздействие на моральное состояние немцев, противодействуя угнетающему влиянию блокады. Эффект этого был тем больший, что сведения о тяжелых потерях, понесенных дирижаблями, или вовсе скрывались, или доводились до минимума.

Потрясающее известие о катастрофе в Альхорне, например, скрывалось от немецкой общественности до конца войны. Поэтому немецкий народ оставался в неведении относительно того, что довольно удачно было названо «погребальным пиршеством немецкой дирижабельной службы».

Глава IX

Радиоразведка

«Неразбериха и хаос войны, оправдывающие убийства и разрушения, заставили нас без угрызения совести заняться таким делом, как подслушивание, обычно считающееся низким. Мы восприняли его как почетное призвание, которому следует с энтузиазмом повиноваться и которое следует выполнять со священным рвением. Теперь, когда работа закончена, мы можем смотреть на нее с гордостью».

Так писал Альфред Ивинг, бывший начальник департамента военно-морского образования, в своем сообщении о работе во время войны департамента адмиралтейства, собиравшего и расшифровывавшего германские коды. Когда в декабре 1927 года он произнес эту речь, в некоторых кругах его жестоко критиковали за откровенность о делах, которые до сих пор считались сугубо секретной областью военной организации адмиралтейства. В действительности он открыл весьма мало из того, что не было известно

Он мог бы добавить, что как наши союзники, так и противники содержали целый штат экспертов для расшифровки секретных кодов. За год до войны французский генеральный штаб создал специальное бюро для этой работы. Подобная же организация существовала и у итальянцев до их вступления в войну. Немцы основали такой отдел в августе 1914 года. Что касается Соединенных Штатов Америки, то, благодаря книге майора Ярдли, весь мир оказался посвященным в секреты «Черного кабинета» в Вашингтоне, где перехватывались и расшифровывались наиболее секретные сообщения и документы иностранных правительств, причем в мирное время это делали не менее ревностно, чем во время войны.

Все эти департаменты работали по общим принципам, обрисованным Альфредом Ивингом. Сообщения, перехватываемые радиоподслушивающими станциями или каким-либо иным путем, передавались адмиралтейству. Последнему редко не удавалось проникнуть в значение этих сообщений. Что касается английского адмиралтейства, то, как утверждают, любой вид шифра, попадавший к экспертам, раньше или позже открывался, хотя временами раскрытие ключа требовало длительного процесса. Альфред Ивинг заявляет, что «почти до самого конца войны немцы не знали, что их секретные каналы связи были полностью скомпрометированы».

Немцы также претендовали на большие успехи в собирании и расшифровывании английских военно-морских кодов и дипломатических донесений. Даже кабели в Атлантическом океане не избежали этой участи. Правда, непосредственно перехватить сообщения, передаваемые по этим кабелям, нельзя было. Тогда немецкие подводные лодки проложили вдоль главного кабеля по дну океана свой кабель и читали передаваемые сообщения с помощью индукции.

Большинство работ по дешифрованию проводилось на секретной станции вблизи Неймюнстера — главного штаба военно-морской радиосистемы. Станция была расположена в уединенном месте и окружена колючей проволокой. Все сообщения, собранные подслушивающими постами вдоль побережья, сразу же передавались на эту станцию. Большинство английских сообщений основывалось на двухбуквенном шифровальном ключе. Несмотря на то, что ключ менялся каждый месяц, немецкие эксперты обычно расшифровывали новый в течение нескольких часов. Но долгое время руководителям немецкого флота не приходило в голову, что английские шифровальщики могут быть не менее способными, чем шифровальщики из Неймюнстера, и что их собственные шифрованные сообщения читались в Лондоне с той же легкостью и быстротой.

Бывший офицер радиостанции в Неймюнстере капитан 2 ранга Кращуцкий опубликовал отчет о работе по дешифрованию. В противовес английскому военно-морскому шифру, довольно сложному и имеющему ряд различных ключей, германская система была необычайно проста. В германской системе шифро-

вания имелись все виды правильно повторяющихся групп. Если расшифрована одна, все остальные разбирались весьма просто.

Более того, учитывая большое количество немецких подводных лодок, потерпевших аварию и лежащих неглубоко вблизи берегов Англии, следовало бы предполагать, что книга военно-морских шифров могла попасть в руки к англичанам. Тем не менее, германские ключи не изменялись месяцами. Изредка, когда ключ менялся, германские радиоэксперты, даже в том случае, если они забывали взять с собой на станцию новый шифр, легко расшифровывали полученные сообщения. Из этого должно было быть ясно, что английские эксперты могли сделать это столь же легко.

Однако до 1916 года Крашуцкому не удавалось привлечь внимание к меморандуму, в котором он указывал на то, что любая станция, подобная Неймюнстеру, может расшифровать любое германское донесение в течение 24 часов и что любой офицер-радист может сделать весьма проницательное предположение по поводу значения этого донесения. Тогда, наконец, была издана новая книга кодов, в которой были устранены погрешности старой, и с ключом, который менялся ежедневно.

Приводя пример боя у Доггер-Банки, когда, перехватив и прочтя германские шифрованные сообщения, англичане были заранее осведомлены о размерах и планах немецких сил, Крашуцкий показывает, как горький опыт привел к мудрости. До 1916 года не было сделано даже попыток изменить радиопозывные кораблей. Последние оставались теми же, что и в мирное время. Поэтому английские власти знали позывные. К этому времени они уже имели в действии ряд пеленгаторных станций.

Накануне Ютландского боя германскому морскому командованию впервые пришло в голову изменить позывные. Прежде чем флот вышел в море, 30—31 мая 1916 года позывные флагманского корабля Фридрих дер Гроссе — «ДК» были заменены позывными руководящего штаба в Вильгельмсгафене — «UW». Благодаря этой военной хитрости английские пеленгаторные станции сообщили, что «ДК», т. е. флагманский корабль германского флота, все еще находится в Вильгельмсгафене. Таким образом, в первый период боя англичане предполагали, что в море вышли только бригады немецких крейсеров. Ни адмирал Джеллико, ни адмирал Битти не знали, какую с ними сыграли штуку, до тех пор, пока главные силы германского флота не были замечены. Немецкие позывные оставались неизменными так долго, что перемена была совершенно неожиданной.

Несмотря на необычайные достижения наших экспертов-дешифровальщиков и вообще нашей разведывательной службы, противнику удалось преподнести нам несколько сюрпризов, о которых у нас не было предостережения. Если бы в самом начале войны мы смогли расшифровать германские военно-морские коды, мы прочли бы радиоприказы, переданные Гебену и Бреслау, находившимся в Средиземном море, о том, чтобы они направились в Дарданеллы. Знай мы эти приказы, оба

корабля почти наверное были бы пойманы и уничтожены. Насколько известно, наша разведка не имела никаких сведений о набеге германских эсминцев на дуврские заграждения в феврале 1918 года. Хорошо задуманная и прекрасно выполненная, эта атака вызвала серьезные потери и временную дезорганизацию вновь поставленных заграждений вдоль проливов.

Силы нападающие состояли из флотилии под командой капитана 1 ранга Хайнеке, куда входили новейшие и наиболее мощные эсминцы, большинство из которых превосходило по силе дуврский патруль. Все предыдущие набеги на заграждения производились силами, выходившими из Зеебрюгге. Эта флотилия вышла непосредственно из Вильгельмсгафена и, несмотря на туман в Северном море, прибыла в проливы лишь немного позже намеченного времени.

Несмотря на безошибочные указания на присутствие противника, в виде гула артиллерийского огня, громких взрывов и горящих кораблей, вице-адмиралу в Дувре не дали ни одного понятного донесения. Нападавшему не было оказано сопротивления. Итогом этой несчастной ночи явилось потопление восьми тральщиков, серьезные повреждения, полученные семью другими, и смерть или исчезновение восьмидесяти девяти офицеров и рядовых.

Во время последнего года войны германская военно-морская разведка усиленно работала над собиранием сведений и составлением выводов из них. Последние, правда, были временами далеки от истины. Адмиралу Шееру сообщили, что донесения секретных агентов, подтвержденные изучением и анализом английских радиопередач, указывают на то, что из состава Гранд Флита выведено много значительных соединений, которые предназначены для несения конвойной службы. Флот, в свою очередь, испытывает недостаток в личном составе в связи с тем, что ряд офицеров и рядовых переброшен для укрепления флотилий, ведущих борьбу с подводными лодками в канале. Как донесения, так и выводы, сделанные из них, были дезинформирующими. Правда, в марте 1918 года третья бригада линкоров английского флота была выведена из строя, но эта бригада не являлась существенной частью Гранд Флита. Более точными были донесения командиров подводных лодок, сообщавших о том, что часть линкоров и легких сил Гранд Флита предназначена для охраны норвежского конвоя.

На основании всех этих информаций, большинство из которых были ошибочны, германский главнокомандующий решил нанести удар. План его поддерживался заверениями офицеров разведки о том, что скандинавский конвой отбывал и прибывал неизменно «в начале или середине недели». Именно конвой и эскорт его являлись объектом адмирала. Но он снова был дезинформирован. Для германской разведки должно было быть простым делом установить точные даты отплытия и прибытия конвоя. Скандинавские страны буквально кишели агентами разведки, а поскольку даты были установлены точно по расписанию,

общеизвестному во всех портах, имеющих к этому отношение, адмирал Шеер мог рассчитать и приурочить свой удар к определенному часу. Как оказалось, ошибочная информация, полученная им, свела на-нет все предприятие.

Предшествующий этому последний выход Флота Открытого моря заслуживает изучения, как пример ограниченности разведывательной работы. Отплытие было назначено на 24 апреля. План Шеера исходил из предположения, что Гранд Флит все еще базируется на Скапа. Но даже в отношении этого предположения, рассматриваемого им, возможно, как жизненное, он был введен в заблуждение своей разведывательной службой. Очевидно, разведка не знала, что двенадцать дней назад Гранд Флит отбыл из Скапа в Розит, который отныне должен был быть его главной базой. Возможно, если бы Шеер знал это, он поколебался бы проводить свой план, так как теперь Гранд Флит находился в лучшем положении для того, чтобы отрезать его отступление. Не только в то время он пребывал в неведении относительно перемены базы, но и много месяцев спустя германское морское командование все еще считало, что главные силы адмирала Битти находятся попрежнему в Скапа. Факт этот не только бросает тень на эффективность германской разведывательной работы в целом, но наводит на мысль о том, что эксперты-радисты из Неймюнстера, по всей вероятности, являлись жертвами значительно более тщательно разработанной системы в отношении перемены позывных кораблей, чем та, с помощью которой они обманули английскую разведывательную службу накануне Ютландского боя. О последнем выходе Флота Открытого моря в официальной английской истории «Военно-морские операции» говорится следующее:

«Успех германского плана безусловно зависел от секретности его проведения, а проблема сохранения тайны была нелегкой. Флот Открытого моря никогда не мог выйти в море, не дав каких-либо указаний о движении. Правда, в последнее время указания эти в большой степени были сокращены. Малые соединения выходили в Северное море почти не замеченными. Они так умело маскировали свои движения и намерения, что все наши мероприятия, направленные на оказание сопротивления и перехват их, основывались на предположениях и догадках.

Если бы, поэтому, методы сохранения тайны, которые так хорошо действовали во время последних операций, могли бы оказаться достаточными для скрытия выхода Флота Открытого моря, не было бы причин тому, чтобы план адмирала Шеера не завершился сенсационным успехом. Выход Флота Открытого моря к побережью Норвегии для потопления одного-двух конвоев и эскортирующих их крейсеров на глазах у нейтральных капитанов, уничтожение неприятельской бригады линкоров почти на виду у норвежских постов береговой обороны и сторожей маяков, и все это тогда, когда английские армии во Фландрии колеблются под бешеным натиском немцев — вот поистине успех первостепенный».

К этому времени германский главнокомандующий узнал, что английские подслушивающие станции стали сведущими в распознавании его планов из бесчисленных радиосообщений, которые в прошлом всегда предшествовали любому серьезному передвижению его флота. Поэтому он издал приказ об отплытии, как будто собирался провести всего-навсего «проветривание» в заливе, и подчеркнул необходимость свести к абсолютному минимуму употребление радио. По его собственным словам, «вечером 22 апреля в Гельголандской бухте, под предлогом проведения боевых учений и упражнений, были собраны все корабли, способные к несению службы. И только здесь впервые командиры дивизионов и бригад получили приказы и были проинформированы относительно наших намерений».

Эффективность этих мероприятий доказывается тем фактом, что о надвигающемся грозном выходе до английского адмиралтейства не дошло ни слова. В тот самый момент, когда Флот Открытого моря, бригада за бригадой, двигался в залив, готовясь к набегу на север, адмирал Кийз с кораблями блокады и прочими силами, отбывал из Дувра для совершения прославленных набегов на Зеебрюгге и Остэнде. Далее к северу адмирал Тирвит с Гарвичским соединением патрулировал между Броун Ридж и датским побережьем, а скандинавский конвой, состоявший из 34 судов, только что отплыл под прикрытием английских линейных и легких крейсеров. Несмотря на такое оживление, ни одна из сторон не подозревала о присутствии другой. На этот раз наша разведывательная служба была поймана врасплох.

Это было тем более удивительно, что адмиралтейство было особо бдительно, предполагая возможность каких-либо передвижений флота параллельно с грандиозным наступлением германских армий на западе.

Ни в какой период войны механизм разведки не был настроен на такой высокий лад, и никогда раньше наши радиопеленгаторные станции не прислушивались с такой жадностью к шорохам в эфире, которые могли бы выдать намерения противника. И все же из всех каналов информации поступали отрицательные донесения. Вечером 22 апреля адмиралтейство информировало адмирала Битти о том, что залив, по всей видимости, спокоен. Туман войны никогда не был столь непроницаем.

Вскоре после рассвета, как раз в момент прохождения через минные поля в заливе, бригады Флота Открытого моря попали в густой туман, нависший над всем Северным морем. Корабли были вынуждены стать на якорь. Хотя задержка и раздражала, но адмирал Шеер все еще был убежден, что об его присутствии в море не подозревают. Он был прав. Вечером 23 апреля адмиралтейство, все еще не имея сведений о каких-либо передвижениях в заливе, повторило адмиралу Битти свои заверения о том, что «все спокойно».

Тем не менее сведения уже были, если им было бы придано значение. Когда Флот Открытого моря выходил из залива, он

вошел в зону, находившуюся под постоянным наблюдением английских подводных лодок. В 20 часов одна из этих лодок, *J-6*, заметила легкие крейсера и эсминцы, но командир лодки принял их за английские. Не изменил он своего мнения и тогда, когда несколькими часами позднее в поле его зрения попали первые линейные крейсера, а за ними длинный ряд линкоров. Все еще уверенный, что видит друзей, он не посылал адмиралу Битти никакого донесения. Обвинять командира было бы несправедливо, так как в приказах об отплытии его предупредили о том, что в районе его «дозора» возможно присутствие английских крейсеров.

Адмирал Шеер завершил только первую часть своего плана. Он незаметно вывел все свои силы в Северное море и имел все основания надеяться, что вторая часть его плана увенчается успехом. Но он не знал, что фортуна уже изменила ему. Скандинавский конвой, намеченный им в жертву, уже покидал опасную зону, а прикрывающие его линкоры и легкие крейсера, которые он надеялся уничтожить, ушли уже за пределы досягаемости. Вина за такой неправильный расчет целиком ложится на германскую разведку, чьи донесения о времени отплытия конвоя были неправильными, хотя их легко можно было проверить.

Однако адмирал Шеер еще не знал, что удар, подготовленный им с таким мастерством и искусностью, должен был пропасть впустую. На рассвете 24 апреля Флот Открытого моря находился примерно в шестидесяти милях к юго-западу от Ставангера. Впереди несли разведку линейные крейсера. Внезапно Мольтке сообщил о серьезном повреждении в машинном отделении. Корабль потерял винт, и бешено вращающиеся машины причинили немало вреда, прежде чем их удалось остановить. Несколько отсеков было залито водой. Таким образом, корабль мог продвигаться только с помощью одной турбинной установки. Когда вода поднялась, пришлось погасить топки под всеми котлами.

Большой корабль оказался, вследствие этого, совершенно выведенным из строя.

Этот несчастный случай имел моментальные последствия. Так как об аварии на Мольтке было необходимо сообщить адмиралу Шееру, находившемуся примерно в двадцати милях к югу, немецкие корабли были вынуждены нарушить «радиомолчание», которого они так строго придерживались с самого момента отбытия из порта. Обмен сигналами был немедленно уловлен нашими пеленгаторными станциями, и адмиралтейству без отлагательств сообщили, что у юго-западного побережья Норвегии находятся какие-то мощные соединения германских кораблей. Из позывных и других сообщений, которые продолжали перехватывать, стало ясным, что проводится какая-то крупная операция.

Здесь, отдавая должное офицерам разведки, я хочу отметить, что за несколько часов до того, как германское радио начало говорить, адмиралтейство было предупреждено, что в заливе

или несколько севернее происходит нечто подозрительное. Поскольку к этому времени не было никаких перехваченных сигналов и от наших патрулей в заливе не поступало никаких донесений, предостережение, по всей вероятности, основывалось на сведениях, полученных от агентов разведки, находившихся то ли в самой Германии, то ли на ближайшей территории. Следует сомневаться, могло ли адмиралтейство действовать, полагаясь на эти неясные сведения, хотя наша морская разведка не имела привычки поднимать тревогу без достаточных оснований на то. Но, как мы уже видели, вскоре последовало подтверждение по радио самого Флота Открытого моря. 24 апреля в 10 ч. 45 м. Гранд Флит получил приказ выйти из Розит и сконцентрироваться к востоку от Лонг-Фортис.

В то же время подводной лодке *Е-42*, находившейся тогда к юго-востоку от Доггер-Банка, был немедленно передан сигнал, приказывающий ей итти полным ходом к определенному узловому пункту в лабиринте проливов, через минные поля, расставленные в заливе. Здесь она могла подстеречь противника на его пути к своей базе.

Тем временем немецкие разведывательные силы достигли пути конвоя только лишь для того, чтобы обнаружить, что море пустынно. Они повернули обратно, идя на присоединение к адмиралу Шееру, который также изменил свой курс и шел теперь по направлению к базе. Он, очевидно, осознал, что поскольку «радиомолчание» нарушено, план его более неосуществим, так как все корабли противника получат предостережение о его присутствии, а Гранд Флит должно быть уже находится на пути, чтобы перехватить его. Лишенный завесы из подводных лодок и разведки цеппелинов, которые он считал необходимыми для своей боевой диспозиции, адмирал Шеер не имел намерения принять бой с Гранд Флитом. Так он отказался от тщательно запланированной «вылазки к Скагерраку», на которую возлагал такие большие надежды; все его корабли повернули назад.

Отступление было затруднено поврежденным Мольтке, взятым на буксир линкором Ольденбург. Когда немецкие бригады величаво вошли в пролив, их заметила подводная лодка *Е-42*, достигшая засады задолго до них. Заняв выгодное положение, она выстрелила четыре торпеды в длинный ряд колоссальных кораблей. Приглушенный взрыв возвестил о попадании. Одна из торпед угодила в Мольтке, но конструкция линейного крейсера была столь крепкой, что, несмотря на еще одно повреждение, нанесенное по полузатопленному корпусу, кораблю удалось добраться до порта. *Е-42*, в свою очередь, едва избежала глубинных бомб, щедро рассыпаемых вокруг нее германскими эсминцами.

Остальные корабли Флота Открытого моря добрались до своей базы без злоключений. Им никогда не пришлось более проводить боевого плавания, так как выход, намеченный на октябрь, был расстроен восстанием моряков. Если операция, описанная выше, и не достигла конкретных результатов, она тем не

менее представляет большой интерес, как пример решающей роли, которую играла разведывательная работа во всех передвижениях на море во время войны.

В этом пункте официальный историк высказывается весьма определенно: «Выход был продуман и выполнен с большим мастерством. С начала до конца мы были на совершенно ложном пути. Если бы разведка адмирала Шеера была более точной, он имел бы возможность нанести колоссальные повреждения. Предположим, что флот его пришел на север на 24 часа раньше или позже, с той же скрытностью. Тогда он напал бы на конвой, отплывший из Слотеро 22-го, или на конвой, вышедший из Метил 24-го. Первым предостережением о присутствии немецких сил у берегов Норвегии явились бы сведения о том, что конвой уничтожен, а прикрывающие его силы разбиты».

Неудача проекта целиком падает на плохую работу разведки. Вместо того, чтобы потребовать от офицеров разведки точных дат отбытия конвоя из портов и сбора их на другой стороне Северного моря — сведения, которые легко было получить, адмирал Шеер довольствовался тем, что построил свои планы на предположительных датах, которые оказались неточными.

Значительно более тщательно подготавливались более ранние набеги в октябре и ноябре 1917 года. Оба они достигли большего успеха, несмотря на то, что в первом случае мы были предупреждены и предприняли ряд тщательно продуманных мероприятий для того, чтобы обмануть противника.

На другом театре морской войны, в Константинополе, немцы организовали весьма эффективную систему морской разведки, охватывающую восточную часть Средиземного моря. Они, казалось, знали до мельчайших подробностей силу и расположение морских сил союзных держав на любой момент. Учитывая размеры этих сил, следует только удивляться, почему нападение так долго откладывалось.

Хотя Гебен и Бреслау не выходили за пределы проливов с августа 1914 года, их присутствие в Мраморном море являлось постоянной угрозой английским соединениям в Эгейском море. В соединениях этих не имелось ни одного корабля, который по мощи своей равнялся бы большому немецкому линейному крейсеру. Если бы такой крейсер выскользнул незамеченным, он мог бы внести невообразимую сумятицу, прежде чем попался бы. Поэтому необходимо было вести неусыпное наблюдение за Дарданеллами. Правда, подходы были сильно минированы, но в любую из темных ночей для противника было возможно протралить проход, чтобы в случае нужды Гебен мог выйти.

Почти три с половиной года корабль не появлялся. Можно было бы даже простить нашим местным командующим то, что они перестали беспокоиться по этому поводу. Однако нет никаких оснований предполагать, что бдительность их уменьшилась, когда, наконец, в январе 1918 года произошел долгожданный выход. В связи с ним были отданы подробнейшие приказы.

Предполагалось, что, если Гебену удастся прорваться, он попытается попасть в Адриатическое море, чтобы присоединиться к австрийскому флоту. Наше морское командование никак не ожидало нападения на английские базы в Эгейском море. Именно это нападение и было задумано вновь назначенным германским главнокомандующим турецкого флота адмиралом фон Ребер-Пашвиц.

Из донесений разведки он знал, что единственным английским линкором, находящимся поблизости, был линкор Агамемнон. Гебен значительно превосходил его как по вооружению, так и по скорости. Знал адмирал и о существовании наших минных полей у Седд-эль-Бар. Поля эти в безлунные ночи тайно осматривались его подводными лодками и миноносцами. Но на этом знания его кончались. Наши минные заградители скрыто от противника построили обширные заграждения между Имброс и Галлиполи. Их-то и должен был пройти Гебен, чтобы достигнуть цели.

Почти накануне отплытия до германского адмирала дошли слухи об этой неожиданной засаде. В его руки попала карта с поврежденного английского патрульного судна. На карте имелись карандашные пометки, которые могли быть указаниями на новые минные поля. Некоторые офицеры штаба при адмирале относились к этому событию весьма серьезно и рекомендовали провести новый осмотр выбранного пути, прежде чем бригада выйдет. Но поскольку существенным условием успеха являлась секретность, а дальнейшая разведка или операции по тралению неизбежно вызвали бы подозрение, адмирал Ребер-Пашвиц решил придерживаться выработанного плана.

20 января в шесть часов утра Гебен и Бреслау вышли незамеченными из Дарданелл. Выходу благоприятствовала туманная погода. Все казалось шло прекрасно, когда вдруг перед носом у Гебена взорвалась мина. Корабль натолкнулся на новые минные заграждения, указанные на захваченной карте. Взрыв, однако, как будто не причинил серьезных повреждений, и адмирал отказался отклониться от своего плана.

Вскоре вслед за этим инцидентом два корабля были замечены нашим патрулем. Немедленно всем командирам соединений и кораблей был сообщен шифрованный сигнал, означавший, что германская бригада вышла. Тем не менее выход оказался совершенно неожиданным. Прежде чем можно было что-либо предпринять, сторожевой пункт в Кефало, большой монитор Реглен и сопровождавший его меньший монитор *М-28* подверглись убийственному огню. Оба корабля были выведены из строя, раньше чем смогли достойно ответить, а сторожевой пункт в Кефало был уничтожен.

Воодушевленный этим первоначальным успехом, германский адмирал направился к Мудросу, который он намеревался бомбардировать. Здесь-то и дали себя почувствовать непредвиденные обстоятельства. При взрыве первой мины все компасы на Гебене отклонились. Вследствие этого курс корабля проклады-

вали по углам, взятым секстаном. В результате этого бригада забралась слишком далеко на восток и вскоре очутилась в минном заграждении между Седд-эль-Бар и мысом Кефало. В 8 часов Бреслау наскочил на мину. Приблизившись, чтобы передать буксирный канат, Гебен был также потрясен взрывом, вызвавшим серьезные повреждения.

Положение бригады становилось весьма критическим. Вокруг тонущего Бреслау взрывалось все больше и больше мин. Гебен, преследуемый английскими самолетами, был вынужден покинуть своего обреченного спутника и искать спасения в бегстве. Ведомый с отменным искусством, корабль все же натолкнулся еще на одну мину. Корабль накренился влево. Вследствие ли повреждений или ошибки в навигации он внезапно отклонился от прохода и наскочил на мель. Здесь Гебен оставался в течение шести дней. Все это время его несколько раз бомбардировали самолеты. Попаданий было много, но серьезных повреждений ни одного.

Снятый с песчаного берега старым турецким линкором, Гебен на буксире вернулся 26 января в Константинополь. Здесь его кое-как подправили, но повреждения, полученные от мин, держали его вне военных действий до конца войны. Английская подводная лодка *E-14*, посланная в проливы для того, чтобы торпедировать сидящий на мели линейный крейсер, уже не нашла его. Возвращаясь из плавания, *E*-14 сама была обстреляна и потоплена турецкими батареями.

Хотя набег привел к уничтожению двух английских мониторов и подводной лодки, с точки зрения германского адмирала это было поражение. Бреслау потонул, а Гебен получил слишком тяжелые повреждения, чтобы их можно было устранить с помощью средств, имеющихся в Константинополе. Таким образом, германская бригада фактически перестала существовать, а следовательно была устранена постоянная угроза нашим силам в Эгейском море. Турки сильно негодовали на адмирала Ребер-Пашвица за то, что он рисковал кораблями, которые они считали своей собственностью. Ему было запрещено предпринимать дальнейшие вылазки. Поскольку английское морское командование не было осведомлено об этом, оно решило еще более тщательно закупорить выход из Дарданелл, что и было сделано с помощью секретной постановки мин в новых и неожиданных местах.

Последний набег Гебена интересен, главным образом, как пример операции, которой предшествовала хорошо согласованная работа разведки и штаба, но которая, несмотря на это, была расстроена случайным стечением обстоятельств.

Глава X

Шпиономания в Германии

В предвоенное время характерной чертой пропаганды флота в Германии было умелое использование «шпиономании». Эпидемия эта с необычайной силой бушевала с 1910 года до августа 1914 года, поддерживаемая многочисленными процессами по обвинению в шпионаже, которые преднамеренно фабриковались или необычайно раздувались морским министерством. В мотивах, побуждавших так действовать, сомнения не было. Недаром адмирал фон Тирпиц, создатель германского морского флота, однажды признался, что для него поимка шпиона означала постройку нового крейсера.

Поскольку это было так, нечего удивляться, что приложены были все усилия к тому, чтобы обеспечить постоянное снабжение этими неоценимыми, если не добровольными, помощниками. Для того чтобы завлечь жертву в сети, агенты-провокаторы использовались без разбора и колебаний. На германских верфях и арсеналах, даже во флоте, были установлены «ловушки», где в качестве приманки служило золото. Если «иностранные шпионы» в требуемом количестве не появлялись, то клеймили немцев, обвиняя их в грязном предательстве по отношению к родине.

Принято предполагать, что адмирал фон Тирпиц не совсем хорошо понимал осложнения, которые вызывались его деятельностью в этой области. Менее всего он осознавал тень, бросаемую на немецкую лойяльность и патриотизм. Однако факты и цифры в достаточной степени подтверждают это.

По странному совпадению эти процессы почти всегда были наиболее многочисленны как раз перед введением каких-либо новых мероприятий по расширению германского флота. 1912 год был годом необычайного изобилия шпионских процессов, и именно в этом году рейхстагу был представлен законопроект о добавлении к Флоту Открытого моря нового соединения и соответствующем расширении флота. Мероприятие это было встречено в штыки либеральными элементами Германии, и авторы его вынуждены были призвать для поддержки все силы национализма. Однако, главным образом благодаря своевременному открытию более двадцати так называемых шпионских заговоров, законопроект был проведен при значительном большинстве. 2 июля 1912 года берлинский корреспондент газеты «Таймс», сообщая об одном из таких открытий, высказал довольно ядовитые замечания по поводу методов немецкой прессы. «Каждый подозреваемый, — писал он, — немедленно объявлялся работающим на Англию и Францию. День изо дня внушается, что Германия наводнена шпионами, которые являются серьезной угрозой ее безопасности».

В то самое время, когда Германия больше всего жаловалась и горько сетовала на шпионаж, она субсидировала легионы шпионов во Франции, России и Англии. За один только 1912 год, по французским данным, во Франции и ее колониях было опознано свыше сотни немецких шпионов.

В это же время английскому отделу по обеспечению безопасности было известно более двадцати немецких резидентов в Англии, занимавшихся шпионажем, и большое количество «транзитных» немецких шпионов, помимо указанных выше постоянных агентов.

В противовес германской практике, ни французское, ни английское правительства чрезмерно не афишировали присутствие шпионов. Несомненно полагали, что такого рода публичность приносила вред международным отношениям и что деятельность иностранных секретных агентов могла быть пресечена вполне действенно с помощью менее обращающих на себя внимание методов. Поэтому, хотя за большинством немецких агентов, работающих в Англии, велось неусыпное наблюдение со стороны Скотланд-Ярда, им, кроме отдельных исключительных случаев, давали возможность продолжать работу.

В конце 1911 года случилось два события, возбудивших в Германии общественное беспокойство по поводу национальной обороны. Первым событием было исчезновение капитана Люкс из крепости в Глаце; вторым — наиболее сенсационный шпионский процесс из всех имевших место после дела Брендон-Тренч.

Капитан Люкс был французским офицером-инженером, судившимся 29 июня 1911 года верховным имперским судом в Лейпциге по обвинению в попытке к шпионажу и присужденным к шестилетнему заключению в крепости. Его арестовали в декабре 1910 года в Фридрихсгафене, центре строительства цеппелинов, где, как утверждали, он пытался добыть секретные сведения о новых дирижаблях.

После объявления приговора капитан Люкс был посажен в крепость Глац в Силезии. Среди его сотоварищей по заключению был капитан Тренч, английский офицер торгового флота, замешанный вместе с лейтенантом военного флота Брендон в известном Боркумском деле.

Ознакомившись с условиями и жизнью в крепости, капитан Люкс разработал план бегства. Хотя он не открывал и не обнародовал детали плана, однако вполне очевидно, что он должен был иметь соучастников вне крепости, если не внутри самой тюрьмы, так как никаким другим путем он не мог бы получить инструменты, одежду и деньги, которые сделали возможным его побег.

В ночь на 27 декабря 1911 года сторож, заглянувший в камеру, где должен был находиться капитан Люкс, обнаружил, что она пуста. Подняли тревогу. Обыскали крепость. Военные патрули рыскали по всей округе на мили кругом. Никаких следов беглеца не нашли. Он проник через дверь коридора, ведущего в его комнату, выпилил железные оконные решетки и спустился

по высокой внешней стене крепости на веревках из постельного белья. С чисто галльской вежливостью он оставил свое тюремное платье аккуратно сложенным, подписал чек на оплату счета за пищу и сочинил благодарственное письмо коменданту крепости за его гостеприимство.

Полицейская собака шла по его следам от подножья стены до железнодорожной станции, где беглец, по всей вероятности, незаметно сел в поезд. Одно время предполагали, что охрана в крепости и железнодорожные служащие были поражены «внезапной слепотой», вызванной блеском золота, переданного заключенному еще в тюрьме. Как бы то ни было, капитан Люкс смог пробраться в Италию через Моравию или Богемию и Тироль. 31 декабря он добрался до Парижа и на следующий день в полной парадной форме посетил военное министерство, где был представлен военному министру.

Нечего и говорить, что германская пресса дошла до бешенства. «Локаль Анцейгер» писала о капитане Люкс как о нарушившем честное слово, как об опорочившем всех французских офицеров, якобы не имеющих чувства чести. Появились довольно распространенные требования ссылки на каторгу всех осужденных по обвинению в шпионаже. Всплыло на поверхность то обстоятельство, что капитан Люкс, находясь в Глаце, подвергался строжайшему надзору. Этот факт сделал его побег еще более поразительным.

Сенсационный процесс, о котором уже упоминалось выше, начался 7 декабря 1911 года в Лейпциге. По обвинению в шпионаже перед судом предстало пять человек: Макс Шульц — «судовой делец», два инженера из Бремена, назвавшиеся Хипзих и Вульф, их хозяйка фрау Экерман и купец по фамилии фон Маак. Накануне процесса немецкие газеты, верные своей практике вынесения в таких случаях предварительных суждений, объявили, что «бумаги, обнаруженные у Шульца, доказывают, что он находился на службе у английского адмиралтейства и получал официальное вознаграждение».

По заявлению немецкой прессы, были обнаружены далеко идущие разветвления конспирации. «Полиция раскрыла тщательно разработанный разведывательным отделом английского адмиралтейства план сбора секретных сведений в Германии».

«Германия должна была быть покрыта сетью шпионов, вскармливаемых английским золотом и руководимых английскими агентами более высокого ранга». «Люди, занимающие прекрасное положение, принадлежащие к лучшим кругам Англии, руководимые своими спортивными инстинктами, принимают участие в этой гнусной работе».

Подобного рода заявления, свободно публикуемые до процесса, рассматривались бы в любой другой стране как неуважение к суду. Однако в Германии прессу поощряли возбуждать таким образом общественное мнение. Травля шпионов была патентованным средством мобилизации поддержки программы строительства флота.

Пять человек, представших перед судом, были обвинены в том, что «передавали в 1910 и 1911 годах английскому разведывательному отделу планы, чертежи и прочие материалы, сохранение которых, как они знали, было необходимо для безопасности Германии».

После процесса, слушание которого длилось несколько дней, все обвиняемые были признаны виновными и осуждены на различные сроки каторги.

Предполагаемые преступления были довольно подробно изложены в длинном официальном заявлении, опубликованном после процесса. Ниже привожу выдержку из этого заявления:

«Арест в марте 1911 года в Гамбурге обезвредил шайку шпионов, которая в течение многих месяцев работала в Германии, добывая военные секреты для английского шпионского бюро. Открытие этих секретов чрезвычайно вредило безопасности Германской империи. Процесс дал неопровержимые доказательства их виновности. Почти во всех существенных пунктах суд основывался на показаниях Шульца. Несмотря на то, что он возможно не рассказал всего, что знал, показаниям его можно верить.

Когда он был арестован и кто-то заметил, что для него это несчастье, он сказал: «О нет, это счастье, потому что не будь я арестован, я бы сделал значительно больше и не выбрался бы из Германии еще по крайней мере двадцать лет». Суд убежден, что Шульц умолчал о весьма важных фактах, касающихся английской разведывательной службы и ее агентов.

Повидимому, Шульц использовал свои визиты в Германию для того, чтобы войти в соприкосновение со всякого рода людьми. В особенности он обрабатывал Хипзиха и Вульфа, действуя в качестве посредника в их связи с английской разведывательной службой, поставляя им коды и адреса, условные слова для корреспонденции и лично помогая отсылать их донесения.

Хипзих по рождению австриец. В течение более чем двенадцати лет он работал на верфях в Бремене. После того как германское адмиралтейство запретило использовать иностранцев в качестве служащих в такого рода учреждениях, он в 1909 году перешел в германское подданство. По своему служебному положению он имел возможность узнавать о планах линкоров и добывать много других секретных сведений. Он собрал большое количество чертежей и других важных материалов и передал все это английскому разведывательному департаменту. Большая ценность этого материала лучше всего подтверждается тем удивлением и нескрываемым удовольствием, которое было выражено англичанами по поводу того, что вообще было возможно получать такие сведения. Хипзиху обещали платить 2 фунта стерлингов в неделю и в качестве аванса ему выдали 20 фунтов.

Фон Маак познакомился с Шульцем много лет тому назад, и в их первую встречу Шульц спросил его, не сможет ли он переписываться с его английскими друзьями, интересующимися морскими вопросами. Маак выказал готовность вести такого

рода переписку и еще в качестве подходящего лица рекомендовал Хипзиха. Он дал Шульцу письменные сведения об использовании в случае войны кораблей линий «Северно-Германский Ллойд» и «Гамбург — Америка».

Шульц переслал эти сведения в Англию. В декабре 1910 года Маак лично посетил Англию, где встретил агентов разведывательного департамента. Им он также рекомендовал Хипзиха как человека, подходящего для получения секретных сведений, пояснив заодно, как лучше всего завербовать последнего. Помимо этого он обещал раздобыть информацию от Южногерманского строительного завода о двигателях для кораблей, интересовавших англичан.

Вульф в течение шести лет работал на Северогерманском машиностроительном и арматурном заводе. В основном его работа сводилась к установке и испытанию подводных сигнальных аппаратов на надводных военных кораблях и подводных лодках. Когда в 1910 году Шульц был в Германии, Вульф дал ему понять, что готов снабжать его материалами. В марте 1911 года у него состоялись подробные переговоры с Шульцем. Тогда же он получил инструкции составить отчет о линкоре Принц-регент Луитпольд. Инструкции эти он весьма добросовестно выполнил.

Фрау Экерман была хозяйкой квартиры, где жили Вульф и Хипзих. Это она свела Шульца и Хипзиха с Вульфом и помогла сделать последнего шпионом. Она совершенно точно знала, что делал Шульц.

Что касается приговора, то Хипзих должен был быть наказан наиболее сурово, так как действовал исключительно из желания нажиться. Он продавал секреты, о которых узнавал благодаря своему служебному положению, и он нанес весьма существенный вред Германской империи. Затем идет Шульц. Его следует рассматривать как иностранца, и он признал себя виновным. Его адвокат выдвинул ряд смягчающих обстоятельств, но оправдание не могло быть принято во внимание. Дачей ложных показаний Маак очень затруднил процесс. Как доброволец войны 1870 г. он должен был быть особо хорошо осведомленным об опасном характере шпионажа, практикуемого Шульцем и Хипзихом».

Трудно передать сенсацию, которую процесс этот вызвал во всей Германии. Среди всяких диких заявлений, опубликованных в то время, одно утверждало, что Шульц и его наемники дали английскому адмиралтейству подробные планы всех новейших немецких линкоров, крейсеров и подводных лодок, а также схемы новых орудий и «подробности и детали наиболее секретных установок для обороны побережья Германии от нападения в военное время». Далее утверждалось, что Шульц подкупил служащих доков во всех немецких военных портах и получал от них периодические отчеты по конфиденциальным вопросам, касающимся военных кораблей. Такие преувеличения и абсолютная ложь несомненно сослужили свою службу. Было бы бесполезно подвергать их критике теперь.

Однако следует сказать, что большинство сведений, предложенных Шульцем для продажи, оказались неточными, и лишь небольшое количество, если вообще такие были, было признано экспертами английского военно-морского разведывательного отдела за подлинные и достоверные. О стоимости материалов лучше всего можно судить по цене, которую предложили уплатить за них. Как бы ни были в то время ограничены денежные фонды английской секретной службы, едва ли можно поверить, что человеку, который, по официальному отчету о процессе, был в состоянии раскрыть сокровеннейшие секреты одной из крупнейших военно-морских кораблестроительных фирм Германии, было предложено вознаграждение всего в 2 фунта стерлингов в неделю.

Вполне правдоподобно, что Шульц и его соучастники пытались проникнуть в военно-морские тайны, но нет никаких сомнений в том, что значение содеянного ими было чудовищно раздуто в политических целях.

В начале января 1912 года, когда процесс Шульца все еще являлся основной темой разговоров, с крейсера Штеттин исчезла связка секретных бумаг. Кража была без колебаний приписана шпионам, состоящим на жаловании у Англии. Вслед за этим инцидентом главнокомандующий Флотом Открытого моря издал приказ, строжайше запрещающий торговцам и прочему гражданскому населению посещение какого бы то ни было военного корабля. Распространялись слухи, что иностранные агенты получали доступ на военные корабли под предлогом продажи провизии и т. п. Кильская газета торжественно предостерегала своих читателей-моряков быть настороже, рассказывая о шпионе, который, работая парикмахером, собрал очень много секретных сведений, прислушиваясь к неосторожным разговорам своих клиентов.

Одним из первых шпионских процессов в 1912 году был процесс прусского сержант-майора, по фамилии Шредер, и его любовницы. Они были арестованы на железнодорожной станции в момент, когда собрались уехать в Россию с планами крепости Позен. Бумаги были найдены у женщины, спрятавшей их за пазуху. Вместе с бумагами были найдены письма от русских военных властей, из которых явствовало, что беглецам обещали заплатить 16 000 рублей за передачу планов.

18 января 1912 года в Лейпциге предстал перед судом по обвинению в шпионаже русский морской офицер резерва Виноградов. Он был приговорен к трехгодичному заключению в крепости. В то же время трехлетнее тюремное заключение получил бывший лейтенант венгерской артиллерии Вильгельм фон Герно. Следствие обнаружило, что фон Герно жил в Германии и находился на службе у русского правительства. Он должен был посылать донесения по военно-морским вопросам и за это получал месячное жалованье. Он действительно около года прожил в Киле, но когда донесения его были перехвачены германской секретной службой, то обнаружилось, что они не содержали

никаких секретов, а состояли, главным образом, из газетных вырезок и плодов его воображения. Оправданием сурового приговора послужил тот факт, что он согласился быть шпионом-резидентом.

Виноградов был послан в Германию для наблюдения за Герно, так как донесения последнего были неудовлетворительными. Поддавшись искушению самому немного заняться шпионажем, он сделал несколько чертежей в Куксгафене и был пойман, как и Герно.

Третий процесс, имевший место в этот период, возбудил всеобщий интерес. Бывший уполномоченный полиции Райх был обвинен в попытке подкупить рабочих предприятия Круппа в Эссене и артиллерийского завода Эрхардта в Дюссельдорфе с тем, чтобы рабочие сообщили ему секретные планы вооружений.

Летние месяцы 1912 года дали новый «урожай» шпионских процессов в лейпцигском Верховном суде. Бывший германский моряк по фамилии Элерс 27 июня получил семь лет каторжных работ за то, что передал английскому правительству части германского военно-морского сигнального кода. Сообщали о том, что у него было много соучастников, но они, по всей вероятности, не были выслежены.

Десять дней спустя американский гражданин Ганс Эйлерс был приговорен к 4 годам каторжных работ за попытку выдать планы фортификационных укреплений Гельголанда. Его невеста Ольга Клинг, австрийская подданная, получила шестимесячное тюремное заключение, потому что не сообщила об Эйлерсе, хотя хорошо знала, что он делал.

Эйлерс родился в Гельголанде и был английским подданным. Затем отправился в Соединенные Штаты Америки, где и принял подданство. Во время посещения своего места рождения он встретил незнакомца, предложившего ему 5 фунтов стерлингов за набросок положения одной из батарей. Незнакомец этот, по всей вероятности, был одним из агентов-провокаторов германского правительства, которые в этот период необычайно активно действовали во всех центрах кораблестроения и укрепленных районах.

2 июля в Киле был арестован германский подданный по фамилии Эвальд, обвинявшийся в продаже военно-морских сигнальных книг. Несколько позже в том же месяце по подозрению в шпионаже были забраны еще три немца. Примерно в это же время в артиллерийском складе в Спандау произошла смелая кража.

Несколько человек, которые, как предполагали, были иностранными агентами, проникли в помещение чертежной и похитили свыше сотни синек моделей последних орудий, вместе с частями подлинных орудий.

Несмотря на интенсивные поиски полиции, продолжавшиеся несколько месяцев, дерзкие воры не были пойманы.

22 июня поступило сообщение об инциденте, который уг-

рожал вызвать международное осложнение. В Берлине по обвинению в шпионаже был арестован капитан Костевич, служивший в русском гвардейском полку. Двумя днями позже в Дюссельдорфе, где в течение пяти лет он служил на орудийном заводе Эрхардта, был взят под стражу другой русский офицер, известный под фамилией Никольский.

По сведениям немецкой полиции, он работал на заводе в целях шпионажа и был агентом Костевича. Последний получил трехмесячный отпуск из Артиллерийского управления военного министерства России с инструкциями посетить различные заводы в Германии, в особенности изготовляющие взрывчатые вещества. Разрешение на посещение этих заводов было запрещено через официальные учреждения, и Костевич, очевидно, проводил свое ознакомление тайно.

Несмотря на то, что русские власти формально отвергли ответственность за его действия в Германии, русское посольство в Берлине получило инструкции приложить усилия в его немедленному освобождению. Когда в этом было отказано, русские власти решили действовать иным способом и арестовали 27 июня германского артиллерийского офицера лейтенанта Дам, которого обвинили в шпионаже в Одессе и Варшаве. Арест Дама вызвал возмущение в Германии, где его рассматривали просто как отплату, хотя сообщения из России не оставляли места сомнениям по поводу виновности германского офицера.

Продолжение последовало в ноябре, когда капитан Костевич, осужденный в Лейпциге на двухлетнее заключение в тюрьме, был затем немедленно освобожден и обменен на лейтенанта Дам. Русские выиграли игру, так как Костевич в действительности был важным сотрудником их разведывательной службы, без которого им нелегко было бы обойтись. Дам был значительно менее опасным человеком, но, к несчастью его начальства в Берлине, при нем были обнаружены документы, явно доказавшие его связь с германским военным разведывательным бюро.

В июле 1912 года некоторую известность получил другой любопытный случай. В Данциге вместе с сыном была арестована некая немецкая дама, занимавшая довольно видное положение. Воодушевленное коммюнике в прессе предвещало проведение знаменательного шпионского процесса, в который будут втянуты высшие чиновники. Однако заключенные были почти немедленно освобождены, правда, их никогда больше не видели в Данциге. Дама, как намекали, была любовницей известного морского офицера, который разговаривал с ней слишком свободно о своей профессии, никогда не подозревая, что точные копии всего, что он говорил, попадали в русские разведывательные круги.

Процессы, упомянутые в этой главе, были только лишь незначительной частью шпионских дел, которые держали Германию в лихорадке весь 1912 год и, между прочим, помогли пройти через рейхстаг законопроекту о флоте. Но тогда, когда обильное снабжение предателями «внутреннего производства» всегда было

готово явиться на выручку, преследование иностранных шпионов было ничтожно. Едва ли несколько человек попались в многочисленные ловушки, расставленные им. А те немногие, которые попались, оказались столь безвредными, что даже с помощью не слишком щепетильных методов германская полиция не смогла состряпать против них правдоподобных обвинений.

4 августа было сообщено о том, что четыре англичанина (немецкая пресса заранее окрестила их шпионами) были арестованы в Эккернферде, вблизи Киля, по обвинению в шпионаже. Они прибыли в залив Эккернферде 2 августа на своей яхте, прошедшей через Кильский канал. Самого факта, что они были английскими яхтсменами, было достаточно, чтобы на них пало подозрение. Нарушение таможенных правил послужило поводом к задержанию их на берегу, в то время как сыщики обыскивали яхту.

На яхте была обнаружена коллекция фотографий, гравюр и зарисовок. Пять подозреваемых были арестованы и препровождены в Киль. Германские газеты сразу же принялись за привычное занятие — составление доказательств и показаний. Одна заявляла, что фотографии были «всех портов, укреплений и заливов побережья Шлезвиг-Гольштейна, включая Киль». Вторая газета («Дейче Тагесцейтунг») дошла до того, что утверждала будто бы на яхте «среди различных зарисовок были найдены точные измерения глубин Северного моря». Эти потрясающие открытия, казалось, предвещали разоблачение необычайно мощной конспиративной организации. Разоблачение должно было раз и навсегда установить смертоносный характер заговора английского адмиралтейства, заговора, который должен был подорвать оборону Германии.

Кто же были эти отчаянные любители приключений, так храбро проникшие в немецкий военный порт, чтобы выведать его секреты? Это были: доктор Д. Стоун, врач при госпитале; доктор Норклифф Робертс, психиатр из Саррея; Ланцелот Халл Шеффильд, член хорошо известного лондонского общества стряпчих; В. Р. Макдональд, инженер-советник и Грегори Робинзон, художник-маринист.

Едва ли необходимо доказывать, что обвинение в шпионаже было необоснованным. Когда военно-морские эксперты в Киле подвергли рассмотрению захваченные на яхте фотографии, наброски и записи, они объявили их совершенно безвредными, а так как против яхтсменов не было никаких других показаний, они, волей-неволей, должны были быть освобождены, после того как пять дней провели в заключении. По поводу их произвольного ареста и заключения не было высказано ни слова извинения.

По возвращении в Англию Грегори Робинзон в интервью сообщил некоторые подробности происшествия. Он и его товарищи, как он утверждал, не подали никакого повода к подозрению. Единственным фактом, говорившим против них, было то, что им потребовалось 18 часов, чтобы через канал добраться до

Киля. По правилам на покрытие этого расстояния требовалось 10 часов. Задержка была вызвана поломкой машин. Подозрение было возбуждено еще и тем, что один из компании за день до ареста отбыл в Англию.

Анализ еще двадцати или более процессов, опубликованных в Германии в 1921 году, служит только подтверждением впечатления о том, что большинство из них было пустяшными делами, раздуваемыми в политических целях.

Многие из процессов были построены на показаниях слишком шатких, чтобы обеспечить приговор более беспристрастного суда. Но никогда никто серьезно не заявлял, что германские суды, разбиравшие эти дела, были беспристрастными.

Интересно дело унтер-офицера Вольферлинга, уличенного в Торне в выдаче России военных секретов. Обстоятельства этого дела, несомненно, были наиболее серьезными. Крепость Торн была одним из жизненных пунктов немецкой обороны на восточной границе. Вольферлинг будто бы в течение целого года сообщал русскому разведывательному бюро подробности вооружения крепости, сведения о секретных работах, производившихся в ней, состав и численность гарнизона.

Предательство его получило заслуженное вознаграждение. Он был приговорен к пятнадцати годам каторжных работ и штрафу в размере 750 фунтов стерлингов. Сверх всего, государство конфисковало его вклады в банке, достигавшие суммы в 3750 фунтов стерлингов. По его собственному заявлению, русские щедро платили ему. Они никогда не скупились там, где следовало платить за действительно ценные сведения.

Процесс Вольферлинга вызвал в немецкой прессе бурю негодования против России за то, что она содержала в Германии целое войско шпионов. Однако буря эта внезапно стихла после того, как газета «Новое время»[1] отметила, что суммы, отпускаемые на германскую военную разведывательную службу, в три раза превосходили суммы, отпускаемые на это дело в России, и что в это именно время на территории России активно работают тридцать германских шпионов, хорошо известных русской полиции.

Глава XI

Драмы подводной войны

На верхнем этаже здания, находящегося от Уайтхолла на расстоянии меньше чем бросок камня, имеется комната, где собраны полные отчеты о всех событиях, происшедших на море во время мировой войны. Самые обычные эпизоды имеют свой склад документов, так как часто случалось, что незначительное событие, рассматриваемое в свете полных знаний, может иметь весьма

[1] „Новое время" — монархическая, черносотенная газета, издававшаяся до революции в Петрограде (*Ред.*).

большое значение. Записи эти дадут материал для составления объемистой секретной истории. Но чрезвычайно сомнительно, чтобы такая работа была когда-либо написана, так как дела хранятся только для служебного использования.

Правда, имеется много таинственных инцидентов военно-морской кампании, на которые свет был пролит послевоенными открытиями. Мы достоверно знаем судьбу многих кораблей, ушедших в туман войны и никогда более не вернувшихся. Мы знаем, как знала в свое время наша разведывательная служба, почти все, что происходило за тайной завесой, которую немцы излишне доверчиво считали непроницаемой. Там скрывалось много печальных трагедий, которые прозвучали бы диссонансом среди пэан[1] победоносного вещания германского радио.

Немногие авторы романов могут правдоподобно, к примеру, описать историю украденной подводной лодки или призрачной подводной лодки, плавающей по морям с командой из мертвых людей. Тем не менее оба эти случая были действительными эпизодами войны.

Германская подводная война началась с охоты Веддигена за нашими бронированными крейсерами у датского побережья.[2] Безнадежная попытка *UB-116* нанести последний удар Гранд Флиту в его логовище является сенсационной, если не потрясающе мучительной историей, о которой в германских официальных отчетах о потерях подводных лодок имеется лишь намек:

«*UB-116* (командир Эмсман) уничтожена миной 28 октября 1918 года при попытке проникнуть в гавань Скапа-Флоу».

Дата сама по себе имеет значение. Это был день, когда должна была произойти большая вылазка Флота Открытого моря. Но, как мы знаем, судьба распорядилась иначе.

С безнадежно недовольными командами германская армада оставила укрепленные порты для того, чтобы в роковой день 21 ноября 1918 года сдаться адмиралу Битти.

Октябрь месяц был черным месяцем для германского флота. Более уже было невозможно скрывать абсолютный провал подводной кампании, на которую возлагались такие большие надежды. Ввиду предстоящего выхода флота все подводные лодки, находящиеся еще в море, получили приказ приостановить свою пиратскую деятельность и возвратиться в Германию. Предполагалось, что они выйдут ранее Флота Открытого моря и залягут в засаду на пути ожидаемого следования Гранд Флита, который выйдет из своих баз, чтобы дать бой.

Но среди младших германских военно-морских офицеров имелись нетерпеливые, жаждавшие немедленных действий. Воз-

---

[1] Пэан — торжественная военная песнь, до или после битвы, в древней Греции. *(Прим. перев.)*

[2] Вскоре после того как Веддиген на подводной лодке *U-9* потопил у побережья Дании Абукир, Кресси и Хог, немецкая газета „Дейтше Тагесцейтунг“ хвасталась, что даже сам могучий Дредноут трепещет при имени Веддигена. Несколько месяцев спустя новая подводная лодка Веддигена была протаранена и потоплена со всеми людьми этим же самым Дредноутом.

можно они лучше, чем их начальники, видели симптомы деморализации среди низших чинов и надеялись с помощью ряда смелых ударов вселить новую жизнь в разлагающийся флот. Одним из таких офицеров был Эмсман, командир маленькой подводной лодки *UB-116*. Он задумал смелый план прорыва обороны Скапа-Флоу и торпедирования Куин Елизабет, флагманского корабля Гранд Флита, во время нахождения его на якорной стоянке.

До этого подводными лодками были сделаны только две серьезные попытки атаковать английские линкоры в их собственных базах. Ночью 2 сентября 1914 года капитан-лейтенант Херсинг на подводной лодке *U-21* прокрался в Фирс оф Форс и добрался до большого моста, прежде чем был задержан. Находясь почти на расстоянии торпедного выстрела от нескольких кораблей, он должен был поспешно сыграть отбой. Тремя днями позже он поймал у Сэйне-Эбб'с-Хэд английский легкий крейсер Пэсфайндер и отправил его на дно. Это была первая удачная атака подводной лодки с начала войны. Вторая попытка, проделанная 23 ноября Хеннигом на подводной лодке *U-18*, закончилась гибелью нападающего. Следуя в кильватере вспомогательных кораблей флота, направляющихся в Скапа-Флоу, Хенниг добрался до заграждений через канал Хокса. Отсюда он мог обозревать якорную стоянку. Она оказалась пустой. Хеннигу было неизвестно, что флот проводил операцию по тралению в Северном море. Возвращаясь, *U-18* была обнаружена и дважды протаранена сторожевым судном. Совершенно разбитая, она была затоплена своей же командой.

Командир *UB-116* Эмсман надеялся на лучшее. В противовес тому, что написано в английских историях, его набег не был хвастливым жестом, предпринятым на его собственный риск, а являлся тщательно продуманным мероприятием, получившим полное одобрение его начальства.

Эмсман мог предполагать, что, благодаря длительному отсутствию набегов подводных лодок, оборона якорной стоянки Гранд Флита находилась в некотором запустении или, во всяком случае, что корабли меньше охраняются. Более того, он, возможно, считал, что его маленький корабль будет иметь больше шансов проскользнуть через преграды, чем большая лодка. *UB-116* имела надводное водоизмещение всего в 516 тонн. Скорость была ограничена 14 узлами. Кроме того, она была легко управляема и могла весьма быстро погружаться, тогда как ее вооружение, состоявшее из 5 торпедных аппаратов, делало ее опасной для самого большого линкора.

Лодка без злоключений пересекла Северное море и 28 октября, как раз с наступлением сумерек, прибыла в Скапа-Флоу. Все шло как нельзя лучше, когда она приблизилась к линии внешней обороны Хокса. Не было никаких признаков, никаких звуков преследования. Но *UB-116* уже была обречена на гибель. Находясь еще на некотором расстоянии от внешней линии обороны, она уже была обнаружена береговой звукоулавливающей станцией,

уловившей шум моторов. К этому времени наши микрофоны были столь усовершенствованы, что ясно отличали особый звук, производимый германскими двигателями для подводных лодок, от звука, производимого английскими кораблями. С того самого момента, как этот предательский звук попал в наушники подслушивавших, судьба Эмсмана и его людей была предрешена. В соответствии с кратким радиосигналом все пароходное движение внутри гавани было прекращено, чтобы избежать вмешательства посторонних звуков.

Ничего не подозревая, подводная лодка продолжала продвигаться. Шум ее продвижения теперь был подхвачен другими подслушивающими станциями и, с помощью перекрестного пеленгования, путь подводной лодки мог быть прослежен так же легко, как если бы она шла на виду по поверхности. Примерно в миле от «ворот» в заграждениях услышали, как она продувает цистерны и выходит на поверхность, вероятно чтобы в последний раз определить свое местонахождение. Затем лодка снова погрузилась и тихо продолжала красться в направлении прохода в заграждении.

Она зашла в поле электромин. А в это время в затемненном бараке сидел офицер, следивший за слабоосвещенной картой. По карте очень медленно двигалась крошечная точка. Она достигла первых ворот, прошла через них, затем круто повернула, чтобы пройти вторую брешь в заграждениях, в нескольких сотнях ярдов впереди. Офицер не ждал больше. Он нажал кнопку и замкнул цепь. Затем прислушался к глухому звуку взрыва, возвещавшего о гибели *UB-116*.

На следующее утро подводная лодка была найдена водолазами лежащей на дне с колоссальной пробоиной в боку. Эмсман и команда находились на своих постах, где смерть поразила их как удар грома. Были обнаружены документы, которые не только раскрыли все детали предприятия, но дали и другие, весьма ценные сведения. Эти немецкие моряки не знали, что их попытка совершить набег в любом случае была бы бесплодной. Гранд Флит уже давно покинул Скапа-Флоу и находился в Фирс оф Форс. Незнание этого факта является весьма язвительным комментарием к разведывательной работе германского адмиралтейства.

Одним из способнейших, но наименее щепетильных командиров германских подводных лодок, был Вальтер Швигер, человек, заслуживший вечный позор уничтожением Лузитании. Преступление, совершенное 7 мая 1915 года, стоило жизни почти тысяче двумстам человек, среди которых было много женщин и детей. Как справедливо заметил официальный историк, «на море никогда не было такой военной потери; никогда так грубо не нарушались законы войны и предписания гуманности».

Когда сведения об этом ужасном деле дошли до адмиралтейства, последнее приложило особые усилия, чтобы установить личность преступника. Германские морские власти делали все возможное, чтобы скрыть его, и некоторое время наша разведка шла

по ложному следу. В течение нескольких месяцев потопление Лузитании приписывалось Валентинеру — второму командиру подводной лодки, уже заслужившему известность своими безжалостными методами. Ошибка была вызвана тем, что лодку Швигера *U-20* спутали с подводной лодкой *U-38*, которой командовал Валентинер. Так как обе лодки часто заменяли одна другую, действуя в одном и том же районе, нет ничего удивительного в том, что первым попавшим под подозрение в преступлении, совершенном его товарищем, оказался Валентинер.

Когда недоразумение выяснилось, вся система разведки получила приказы вести за Швигером самое неусыпное наблюдение. Он был отъявленным морским бандитом. Теперь уже более не является нескромностью опубликовать, что на основании сведений, сообщенных агентами, находящимися в Германии, об этом офицере было составлено очень подробное дело.

За три месяца до поругания над пароходом Лузитания Швигер отличился, пытаясь торпедировать госпитальное судно. К счастью, атака была неудачной.

Его излюбленной жертвой были пассажирские пароходы. Из больших кораблей этого класса он потопил Хэспириэн и Кимрик, оба без предупреждения, причем последний был потоплен через несколько дней после того, как германское правительство дало торжественное обещание воздерживаться в дальнейшем от подобного рода варварства. Более законной добычей Швигера был вспомогательный крейсер из 10-й бригады крейсеров, который он торпедировал в мае 1916 года.

Все это время он, казалось, был заколдован. Благодаря системе опознавания подводных лодок, усовершенствованной нашим разведывательным отделом, мы всегда знали, когда лодка Швигера находилась в море и где примерно ее можно было найти. Военные корабли, замаскированные под торговые, получили приказание служить ей «живой приманкой». Специально для нее устанавливали не одно минное поле, и все сторожевые суда на сотни миль вокруг предполагаемого местонахождения Швигера вели неусыпное наблюдение за лодкой, уничтожившей Лузитанию.

Он должен был знать, как это и было в самом деле, что за его голову назначена награда. В конце концов рок настиг его на большой глубине, вне поля зрения и слуха мстителей, безжалостно преследовавших его более двух лет.

В начале 1917 года его перевели с подводной лодки *U-20* и назначили командиром *U-88*, более новой и мощной. *U-20* после этого сделала весьма мало и в конце октября не только сама погибла, но конец ее втянул германский флот в серьезное бедствие.

Возвращаясь из плавания, подводная лодка наскочила в густом тумане на мель у побережья Дании. В ответ на ее призыв по радио о помощи немцы послали мощные силы для прикрытия спасательных операций. Когда корабли шли к месту назначения, два лучших линкора Гроссер Курфюрст и Кронпринц

получили серьезные повреждения от торпед, выпущенных с английской подводной лодки *J-1*, которая провела эту блестящую атаку в пасти у эсминцев, прикрывавших противника. Пораженным чудовищам удалось добраться до порта, но *U-20* нельзя было спасти, и ее вынуждены были взорвать. Пикантным следствием этих событий был язвительный выговор, сделанный кайзером адмиралу Шееру, герою Ютландского боя. Кайзер был разъярен риском, которому подвергались его драгоценные линкоры.

Со своей новой командой Швигер не сделал ничего выдающегося, кроме потопления нескольких торговых судов. 7 сентября 1917 года карьера его завершилась ужасным финалом. Он вышел из базы в сопровождении еще одной подводной лодки. Приблизившись к Хорнс Риф, обе лодки погрузились, чтобы избежать английского минного поля, ставшего постоянным в этих водах. Однако в последнее время, скрыто от немцев, мы разработали ловушку. Нам стало известно, что немецкие подводные лодки имели обыкновение погружаться значительно ниже мин и проходить опасную зону на большой глубине. Чтобы перехитрить этот трюк, под минами поместили взрывающиеся сети. Все было сделано так секретно, что немцы долгое время не знали об этой новой и более страшной засаде.

Швигер стал ее первой жертвой. Вскоре после того как *U-88* погрузилась, сопровождавший ее корабль, шедший в подводном состоянии, услышал и почувствовал взрыв такой силы, что решил, что попал на мину. Командир немедленно продул цистерны и вышел на поверхность, обнаружив, что его собственный корабль невредим. Неподалеку, и именно над тем самым местом, где погрузился Швигер, он заметил большое пятно нефти, как бы украшенное обломками взорвавшегося корабля.

Не было никаких сомнений относительно судьбы его товарища. Далеко в глубине *U-88* натолкнулась на одну из вновь поставленных сетей. Нос ее запутался в сети, и две мины, прикрепленные к ней, взорвались, распоров лодку по всей поверхности, от конца в конец. Наконец-то Швигер расплатился за преступление с Лузитанией, так как всякий честный человек всегда будет считать это преступлением, несмотря на реабилитацию, к которой Лоуэлл Томас и другие апологеты германской подводной кампании усиленно прибегали в последние годы.

В ходе войны ряд немецких подводных лодок был потерян из-за несчастных случаев. Согласно разведывательному донесению, составленному в 1918 году, три подводных минных заградителя были взорваны при необычайных, чтобы не сказать, забавных, обстоятельствах. Как говорят, флотилия этих кораблей находилась в порту, где в особых спусковых жолобах грузились и хранились мины. Каждая мина была снабжена растворяющимся зажимом, как мера предосторожности против преждевременного взрыва. Сброшенная с подводной лодки, она в течение примерно пятнадцати минут лежала на дне моря, будучи безопасной. К концу этого времени предохранительный закреп, прикре-

плявший мину к якорю, растворялся. Таким образом, он давал мине возможность подняться на всю длину швартового кабеля и стать «живой».

В описываемый день матрос с одной из подводных лодок нечаянно задел рычаг, который открыл жолоб, спускающий мины. Одна мина быстро упала в море. Испугавшись содеянного, матрос совершенно потерял голову. Не говоря никому ни слова, он украдкой покинул корабль и направился домой, в отдаленный уголок Германии. Четверть часа спустя, когда предохранительный зажим растворился, мина поднялась от якоря и сильно стукнулась о киль лодки. Взрыв затронул все остальные мины, и три подводные лодки были разрушены. Что случилось с виновником этого бедствия, в официальных документах умалчивают.

Другая подводная лодка, входящая в состав Фландрской флотилии, была потеряна при своеобразных обстоятельствах — как раз перед тем, как войти в Дуврский залив, по возвращении из набега в Ламанш. По всей вероятности во время плавания возникли неисправности в компасе. Так как погода была туманной, командир совершенно утратил представление о своем местонахождении. Позже было установлено, что он отклонился от своего курса на много миль. В этот же вечер одна из *UC* — лодок-минных заградителей из Зеебрюгге — поспешно устанавливала новое минное поле у побережья Англии. Подводная лодка закончила свое мрачное дело и поднялась на поверхность. Командир только что вышел из боевой рубки и увидел в нескольких сотнях ярдов странный корабль, идущий прямо на него. Он уже собрался дать сигнал для быстрого погружения, когда, вглядываясь во мрак, различил характерный силуэт большой германской подводной лодки. Удивленный тем, что увидел в этом районе друга, о котором сообщили всем командирам подводных лодок, как о находящемся далеко отсюда, он быстро просигнализировал электрическим светом предостережение.

Очевидно, однако, вторая лодка не разобралась в создавшемся положении и приняла *UC* за английский патруль, окликающий ее с помощью световой сигнализации, так как она быстро изменила курс и умчалась на полном ходу, направляясь прямо к минному полю, только что поставленному немецкой подводной лодкой. Ужаснувшись того, что вот-вот должно было произойти, командир *UC* снова неистово сигнализировал беглецу, но не получил никакого ответа. Затем бо́льшая подводная лодка начала погружаться. Через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв, повторившийся дважды, и появилось ослепляющее пламя. Подводная лодка, по всей вероятности, погрузилась как раз на мины, поставленные ее сотоварищем для английских кораблей. Взрыв был услышан нашими сторожевыми судами. Сразу же возникло подозрение о наличии нового минного поля, которое и было отмечено на карте. Днем или двумя позже минное поле было протралено. Своевременное открытие его и устранение безусловно предотвратили серьезные потери судов.

Страшная участь постигла команду еще одной большой немецкой подводной лодки — *U-59*. В мае 1918 года эта лодка вышла из Гельголанда, направляясь в океанское плавание. Нарвавшись на мину, она затонула одновременно с тральщиком, который сопровождал ее. Несмотря на то, что подводная лодка лежала искалеченной на дне моря, большинство команды пережило взрыв. Водолазы, обнаружившие лодку на следующий день после событий, слышали, как находившиеся внутри лодки стучали в железные стены своей гробницы. Для подъема подводной лодки были предприняты энергичные мероприятия. Но она попала в середину минного поля, вновь поставленного англичанами, и это делало спасательные операции необычайно опасными. И действительно, за время спасательной работы погибло два тральщика, принимавших в ней участие.

От последней попытки, предпринятой спустя почти три дня после потопления *U-59*, пришлось отказаться. Но водолазы снова слышали стук внутри лодки. Ясно, что по крайней мере некоторые из заживопогребенных людей все еще были живы, хотя как они умудрились просуществовать в течение такого длительного периода остается неясным.

Несколько месяцев спустя трагедия повторилась. Вновь построенный подводный крейсер пошел ко дну при проведении испытаний вблизи Киля.

Глава XII

Рассказ о Гельголанде

Рассматривая морские операции 1914—18 годов, лишь с трудом можно установить ту роль, которую сыграла крепость Гельголанд. Отрицательным показателем ценности крепости, как передового бастиона германской береговой обороны, служит тот факт, что орудия ее ни разу не принимали участия в действиях. Возможно, не будь Гельголанда, английские корабли могли бы более часто входить в бухту, чем они это делали. Но поскольку стратегия Англии никогда серьезно не рассматривала вопрос о нападении на побережье Германии, омываемое Северным морем, следует сомневаться, оправдались ли колоссальные суммы, затраченные на укрепление Гельголанда.

Во время боя в Гельголандской бухте 28 августа 1914 года крейсер А р е т у з а с окружающими его эсминцами находился в пределах досягаемости орудийного огня с острова. Однако плохая видимость помешала батареям принять участие в сражении. Вследствие туманов большие орудия крепости весьма редко имели возможность стрелять на максимально возможную дистанцию, которая для них была около 35 000 ярдов. При нор-

мальных условиях в Северном море они «контролировали» дистанцию, ограниченную примерно десятью милями. Немецкие историки выражают удивление по поводу того, что Гранд Флит отказался подставить себя под огонь артиллерии Гельголанда. Все немецкие работы о войне на море выражают глухое недовольство тем, что английский флот не напоролся на укрепления в Гельголандской бухте. Однако совершенно непонятно, почему английские адмиралы должны были придерживаться этой безумной стратегии.

Правда, на совещании командного состава Гранд Флита в сентябре 1914 года обсуждался план бомбардировки и захвата Гельголанда. Неизвестно, кто подал эту мысль, но она была отброшена большинством, если не всеми из старших офицеров флота.

Адмирал Джеллико, тогда командовавший флотом, впоследствии открыл причины, из-за которых он возражал. Единственным способом подавления обороны была стрельба при высоких углах возвышения, контролируемая авиацией, а Гранд Флит в то время не обладал средствами для проведения такой формы атаки.

Ввиду того, что позиции были сильно укреплены, операции должны были быть длительными. Однако, поскольку Гельголанд находится менее чем в тридцати милях от самой Германии, вмешательство Флота Открытого моря, не говоря уже о подводных лодках и авиации, было вопросом часов. Это явилось бы повторением сражения у Лисса. На нашу долю досталось бы то же, что на долю Персано, когда при подобных же обстоятельствах он пренебрег элементарными принципами стратегии.

В конце концов, даже если бы с помощью сверхъестественной удачи нам и посчастливилось захватить Гельголанд, мы не смогли бы долго удерживать его против сильных контратак, которые противник был бы в состоянии предпринимать. Все это было в полной степени осознано руководящими морскими кругами, и мы должны быть благодарны тем офицерам, которые наотрез отказались поддержать этот безрассудный проект.

До 1890 года Гельголанд принадлежал Англии, захватившей его у Дании во время наполеоновских войн. В общежитии предполагают, что название острова означает «Святая Земля», однако авторитеты отрицают это предположение. Первоначальным названием острова было Халлаглун или Халлигланд, что означало «Земля движущихся дюн (или отмелей)».

Расположенный у устьев рек Эльба и Везер, в двадцати восьми милях от ближайшего пункта материка, Гельголанд состоит из двух островков: главного острова, носящего название «Скалистый остров», и маленького «Островка дюн», лежащего в четверти мили на восток. Главный остров напоминает по форме треугольник. Он окружен обрывистыми красными скалами, окаймленными белым берегом. Вся площадь составляет менее одной пятой квадратной мили. Город или, скорее, деревня делится на «Унтерланд» — низменную часть острова — и «Обер-

ланд» — плато, расположенное на высоте двухсот футов. Обе части соединяются деревянной лестницей и лифтом.

До войны несколько тысяч человек, населявших остров, были, в основном, фризийцами. Это — сильный, независимый народ. Большинство жило за счет продуктов моря. Находясь под властью английской короны, они вели мирный и спокойный образ жизни, так как никто не вмешивался в их дела. Они скорее примирились, чем приветствовали ватаги немецких посетителей, наводнявших остров в летние месяцы. По отношению к самой Германии они были настроены подозрительно и недружелюбно. Известие о том, что английское правительство так мало заинтересовано в острове, что готово обменять его у Пруссии на территорию в Восточной Африке, было для них тяжелым ударом.

Событие это, происшедшее в августе 1890 года, возбудило в Англии некоторый интерес. Следует, правда, указать, что важное решение уступить Гельголанд немцам было принято не без предварительного совещания с адмиралтейством. Просматривая газетные архивы, мы находим, что военно-морские эксперты не высказали никакого энергичного протеста против решения, которое могло вполне быть отвергнуто на основах высокой политики. Было легко не только сохранить остров, но даже укрепить его, как британскую крепость.

Но, прежде чем критиковать государственных деятелей эпохи королевы Виктории за их явную глупость в этом отношении, следует помнить, что в 1890 году лишь немногие дальновидные англичане предвидели возможные последствия для их страны от агрессивной политики, которую Германия неуклонно проводила даже в то время.

За несколько лет до события германская пресса, под руководством Бисмарка, писала о тяжкой судьбе, выпавшей на долю населения Гельголанда, вынужденного быть подданными чуждой расы. Учитывая, что германские ученые никогда не испытывают затруднений, доказывая, к собственному удовлетворению, что в жилах величайших людей всех столетий и стран текла тевтонская кровь, доказательство германского происхождения населения Гельголанда было совсем пустяковым делом. Усиленно утверждали, что остров был ранее частью германского материка. Высказывалось негодование по поводу деспотических действий Англии, владеющей территорией, которую само провидение предназначило быть германской. Пропаганда эта поощрялась еще и тем безразличием, с которым английское правительство того времени относилось к Гельголанду. Не было никаких попыток использовать остров то ли для хозяйственных, то ли для военно-морских целей. Население поддерживало существование рыбной ловлей, восполняя недостатки разведением картофеля. Единственное регулярное сообщение находилось в руках немецкой пароходной компании. Пароходы обслуживали линию, соединяющую Куксгафен с островом. Между Англией и Гельголандом никакой прямой связи не существовало. Следует признаться, что не было даже попыток установить эту связь.

Весьма интересны обстоятельства, при которых Гельголанд был отторгнут от Британской империи. На них стоит коротко остановиться. Весной 1890 года, в разгар англо-германских переговоров о Занзибаре и о других восточноафриканских проблемах, лорд Салисбари предложил презентовать[1] Германии Гельголанд, вероятно в виде «довеска». Так как предложение было принято не весьма благосклонно, его не повторили. Несколькими неделями позже германский император был вдруг охвачен страстным желанием обладать маленьким островом. В соответствии с этим он инструктировал своих министров, чтобы они нажали на англичан.

В июне 1890 года королева Виктория высказала неодобрение по поводу предполагаемой уступки Гельголанда. Лорд Салисбари созвал заседание кабинета министров, чтобы рассмотреть этот вопрос и посоветоваться с военно-морскими экспертами. Впоследствии он информировал палату лордов о том, что мнение моряков было «неблагоприятным». 10 июня кабинет единодушно согласился расстаться с островом в обмен на германские владения на Занзибаре.

Ответ лорда Салисбари королеве Виктории весьма интересен. В нем ясно и кратко изложены причины того, почему лорд считал Гельголанд не представляющим стратегической ценности для Англии.

«Он вполне понимает (гласило его письмо к королеве), как и его коллеги, что случай не является и не может иметь прецедентов; он совершенно особый. Остров — весьма недавнее завоевание. Он стал владением Англии по договору 1814 года. Почему он был вообще взят, мы не знаем, по всей вероятности ввиду своей географической зависимости от Ганновера, который в то время являлся владением Англии. Теперь, когда Ганновер отошел от нас, мы не имеем никакой связи с островом. Никто никогда не предлагал укрепить его, и никакая палата представителей не согласится платить за его укрепление. Если же остров не будет укреплен и мы рассоримся с Германией, она захватит его в первый же день объявления войны. Остров так близко расположен от больших арсеналов Германии, что в течение трех или четырех дней она сможет укрепить его. Если мы не собираемся вооружать его, мы подвергаем себя возможности унижения, если когда-либо вступим в войну с Германией. В то же время война с Германией является единственным случаем, когда остров может представлять опасность».

За несколько лет до уступки Гельголанда остров являлся единственным английским владением, где, по крайней мере летом, большинство населения составляли немцы. Казалось, в Англии никто не осознал стратегического значения островка в Северном море, так как для обороны его ничего не предпринимали. Единственным военным объектом была батарея, построенная датчанами еще сто лет назад.

---

[1] Презентовать — подарить. *(Прим. ред.)*

При немецком правлении положение на острове было совершенно изменено. Из незаметной рыбачьей деревушки остров быстро превратился в перворазрядную военно-морскую крепость. Строгие прусские чиновники сменили добродушных местных заправил. Через некоторое время значительные пространства были обнесены колючей проволокой. Пространства эти были предназначены для военных целей, чтобы предотвратить разрушение скал, которые под бешеным натиском колоссальных волн Северного моря постепенно осыпались; их укрепили бетоном. А для того, чтобы приостановить разрушительную работу моря, построили массивные волноломы.

Низменная часть острова была расширена благодаря тому, что сюда ссыпалась земля, вычерпанная из Эльбы и Везера. Германским инженерам следует отдать должное. Они не только приостановили опустошение, производимое морем, но вырвали из прожорливой утробы моря значительные пространства суши. Восстановительная работа оказалась столь удачной, что протяжение береговой полосы было утроено. Таким образом, нашлось место для маленькой верфи с мастерскими, складами и аэродромом для гидропланов.

Построив два огромных волнолома, один длиной в 650, а другой в 430 ярдов, загибающихся по концам внутрь, создали искусственную гавань. Гавань эта, правда, слишком маленькая для судов с большой осадкой, была прекрасным убежищем для эсминцев, также как и для подводных лодок, которыми, в основном, она и должна была использоваться. Чтобы создать место для помещения легких орудий и прожекторов, а также для оказания сопротивления высадке десанта, волноломы были продлены вдоль низменной части острова со стороны Северного моря. Верфь имела сухой док, а поблизости были расположены вместительные подземные цистерны для хранения нефти. Таким образом, Гельголанд в большей степени был независим. В случае, если связь его с материком была бы нарушена, что было весьма маловероятно, он мог выдержать осаду неопределенной продолжительности.

На северной оконечности плато имелись две вращающиеся башни, в каждой из которых находилось два 12-дюймовых скорострельных орудия. Такие же две башни были расположены и на южном краю плато. Орудия и башни были во всех отношениях однотипны с орудиями и башнями на германских дредноутах. Под каждой башней были служебные помещения и подъемники для снарядов, устроенные так же, как на борту корабля. Склады, однако, были сделаны глубоко в скале, значительно ниже досягаемости случайных снарядов или авиационных бомб.

Две батареи на севере и на юге соединялись туннелем, который фактически тянулся по всей длине плато. Туннель находился на глубине двадцати футов, ширина его достигала 5—6 футов, а высота 8 футов. Цементированный, прекрасно освещенный электричеством и отепленный паровыми трубами, туннель давал возможность перебрасывать боеприпасы с одной батареи на

другую. Там же находились электроосветительные и силовые кабели, водопроводные трубы со свежей водой и вентиляционная проводка. От этого главного туннеля отходили через определенные промежутки ответвления, ведущие к складам и другим подземным помещениям.

Одних только восьми двенадцатидюймовых орудий, расположенных в мощных бронированных башнях, было бы достаточно, чтобы удержать неприятельские силы на почтительном расстоянии. Находясь на специальных установках, позволяющих иметь большой угол возвышения, они обладали дальностью стрельбы артиллерии любого корабля. Вывести башню из строя могло только лишь одно или два прямых попадания снарядов крупнейшего калибра.

Но немцы не упускали ни одной возможности. Помимо 12-дюймовых орудий они построили низко расположенную гаубичную батарею из 11-дюймовых гаубиц, каждая из которых была помещена в отдельную яму трубообразной формы, находящуюся на тридцать футов под землей. Установки были бетонированы и покрыты полукруглым бронированным куполом, вращающимся вокруг горизонтальной оси, причем открывалась гаубица только в момент выстрела. Заставить замолчать эти невидимые батареи с помощью обстрела морской артиллерии было фактически невозможно, тогда как пробивное действие массивных снарядов гаубиц было опасно для крупнейших линкоров.

В различных пунктах плато были установлены зенитные орудия и наблюдательные пункты, все защищенные бронированными щитами. На острове имелось несколько маяков, верхушки которых при опускании уходили под землю,[1] после чего отверстие закрывалось бронированным заслоном. Как показывает это описание оборонительной системы, ничто не было упущено. Все важнейшие элементы обороны были так хорошо спрятаны или защищены броней, что риск их выведения из строя, с помощью любой формы нападения, был ничтожен. Весь Гранд Флит мог опустошить свои склады боеприпасов, стреляя по Гельголанду, и не уничтожить ни одной пушки, ни одной гаубицы.

Обороняющиеся предусмотрели также возможность внезапного нападения. На основании того, что случилось в Зеебрюгге в 1918 году, мы знаем, что решительные люди могут взять приступом даже самые мощные оборонительные позиции. Поэтому вполне допустимо предположить возможность высадки десанта в Гельголандской гавани ночью, под прикрытием ды. вой завесы. Однако воспользоваться завоеванной таким образом территорией вряд ли можно было. Над береговой полосой господствовали скорострельные пушки и пулеметы, расположенные в бетонированных перекрытиях. Осада Зеебрюггского мола была детской игрой по сравнению с операцией против Гельголанда, полное овладение которым, говоря человеческим языком, было абсолютно невозможным.

[1] Здесь автор несколько увлекся романтикой. По имеющимся данным, „маяки“ Гельголанда не могли убираться в землю.

Мнение английского флота о Гельголанде было вкратце и довольно живо выражено одним офицером-подводником. «В течение всей войны остров Гельголанд являлся прекрасным источником вдохновения для газет. Его описывали как стратегический стержень Северного моря, как необычайно сильно укрепленную базу Флота Открытого моря. О значении острова можно лучше всего судить, если сказать, что его боевая ценность равнялась боевой ценности старого линкора, стоящего на якоре на мели, с той лишь разницей, что орудия на острове не могли поворачиваться на 360°. Владея этим островом, мы могли бы много потерять, пытаясь удержать его. Наше положение было бы похоже на положение немцев, стремящихся овладеть Шипуошским плавучим маяком у Гарвича. Словами это не выразить».

Так как наши подводные лодки были единственными кораблями флота, обычно оперирующими в водах, над которыми, как предполагалось, господствовал Гельголанд, то офицеры подводного флота были лучшими судьями о ценности острова для противника. А они были весьма низкого мнения о нем. Его рассматривали только как ориентир, по которому можно определиться и установить свое местонахождение и который следует учесть в общенавигационных целях, но не более. Какое-то презрение сквозит в краткой записи, занесенной в корабельный журнал подводной лодки *Е-2*, выскочившей на берег в этом «Гибралтаре Северного моря». Командир лодки не усмотрел ничего особо возбуждающего в инциденте, который вызвал драматическое описание. Хотя шутка была направлена против немцев, последние оказались не в состоянии оценить ее юмор.

Е-2 патрулировала залив, когда спустился туман. Как обычно бывает, если подводная лодка крейсирует близ побережья или в плохую погоду, цистерны погружения были заполнены лишь частично, для того чтобы иметь достаточный запас пловучести в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств. Внезапно в сером тумане вырисовалось нечто более плотное и темное, и, прежде чем подводная лодка смогла остановиться, она врезалась в берег под западными скалами Гельголанда. Несмотря на холодность и спокойствие, с которыми это событие отражено в корабельном журнале *Е-2*, момент был довольно острый.

Всего в нескольких ярдах от места происшествия находилась орудийная установка. Можно было видеть прислугу у орудия, с удивлением взирающую на вторгнувшихся. Затем оцепенение было нарушено: люди забегали в разные стороны, крича и жестикулируя. Командир подводной лодки *Е-2* вежливо снял фуражку, и один из матросов послал воздушный поцелуй возбужденным немцам. Последние прилагали отчаянное усилие для того, чтобы опустить орудие, но оно находилось слишком высоко над водой, и с ним нельзя было справиться.

На борту подводной лодки царило необычайное спокойствие. Все прекрасно понимали, что положение поправимое. Цистерны были продуты, лодка вновь приобрела пловучесть, моторы были заведены на полную скорость. Лодке дали задний ход, и она

соскользнула с берега в глубокую воду. Все произошло во-время, так как немцы подняли тревогу и из гавани к месту происшествия подошел эсминец.

Увидев *Е-2*, эсминец открыл огонь. Несколько снарядов упало поблизости. Поэтому лодка, вместо того чтобы повернуться и погрузиться обычным образом, убрала горизонтальные рули и погрузилась в воду кормой. Придя в ярость из-за потери своей добычи, артиллеристы с острова выпускали снаряд за снарядом по тому месту, где исчезла лодка. Разрывы снарядов были ясно слышны на *Е-2*, когда она выпрямилась на глубине пятидесяти футов.

С начала войны все гражданское население Гельголанда получило приказ покинуть остров в течение шести часов. Эта эвакуация была проведена с ненужной жестокостью. Несмотря на то, что островитяне являлись лойяльными подданными кайзера, с ними обращались как с врагами. Военный комитет издал строгий приказ о том, чтобы все ключи от домов, комнат, шкафов и т. п. оставались в замках. С собой разрешалось брать только небольшой ручной багаж. Изгнанные принуждены были эвакуироваться, оставляя фактически всю свою собственность.

Их вталкивали на переполненные буксиры, отправляющиеся в Альтону и Гамбург. Здесь их подвергли суровому полицейскому допросу, обычно применяемому к отъявленным уголовным преступникам. По всей вероятности, это необычное поведение прусских чиновников было вызвано паникой или военным неврозом. Ранее никогда не предполагали, что жители Гельголанда выказывали симптомы предательства или каким-либо образом вмешивались в мероприятия, проводимые военными. Когда жители выехали, дома их были заняты офицерами и солдатами гарнизона, который получил значительное пополнение и насчитывал к этому времени свыше пяти тысяч человек. Многие из офицеров привезли с собой жен и семьи с континента, чтобы разогнать скуку гарнизонной службы. Всю войну они жили в роскоши, так как на острове были достаточные запасы провизии и карточная система никогда строго не соблюдалась.

Более чем четыре года на острове вели комфортабельную и спокойную жизнь, изредка нарушаемую отголосками войны, бушевавшей вокруг закованной в скалы цитадели. Раз или два поднимали тревогу в связи с приближением неприятельских кораблей или авиации. В этих случаях все, кто не был нужен во время боя, прятались в пышные подземные камеры, которыми остров изобиловал, как пчелиный улей сотами.

Тем временем несчастным островитянам, тосковавшим в изгнании на материке, грубо заявили, что им никогда не разрешат вернуться обратно. Многие из них действительно не вернулись. Кости их покрываются плесенью в разбитых корпусах подводных лодок или гниют в грязи Фландрии. «Гельголанд, — заявляли прусские чиновники, — никогда не возвратится к своему прежнему положению. Отныне он будет только крепостью, ничем больше. Оборона его будет разработана тщательней чем когда-

либо и предусмотрит расширение гавани таким образом, чтобы в ней могла находиться половина боевого флота». Все это должно было произойти, когда Германия восторжествует над легионом своих вероломных врагов.

Но события приняли несколько другой оборот. Когда в начале ноября 1918 года вспыхнула революция, в Гельголанде высадились красные моряки, основавшие здесь советы. Несколько дней спустя группа изгнанников зафрахтовала в Гамбурге маленький пароход и возвратилась на родину. Они обнаружили полное смятение: военный комендант был смещен, а главный штаб занят восставшими матросами. Эсминец, вошедший в порт с развевающимся императорским флагом, получил приказ убраться. На него угрожающе навели орудия.

Когда жители острова вернулись в свои дома, они были возмущены, обнаружив, как обращались с их имуществом. Лучшие дома были разграблены, жилища пришли в запустение, обстановка и оборудование носили следы буйных неистовств. Короче говоря, гарнизон вел себя так, как если бы он был расквартирован в сердце неприятельской страны. Неудивительно, что после войны гельголандцы полны горечи против своих прусских хозяев, и после перемирия в их среде разрослось сильное сепаратистское движение. Если бы была проведена народная избирательная кампания, она бы, по всей вероятности, привела к почти единодушному высказыванию за отход от Германии.

Весьма странно, что защитники самоопределения и прав меньшинств на мирной конференции игнорировали петицию, представленную Высшему совету от имени населения острова. Податели петиции ходатайствовали об устранении тяжелых несправедливостей,[1] нанесенных им со стороны Пруссии. Простое красноречие заключительных строк петиции заслуживает быть процитированным: «Мы, гельголандцы, на нашем маленьком островке посреди моря, вдали от мировых потрясений, образуем самую малую нацию, которая в течение столетий сохраняла свою независимость и свои местные обычаи. Мы хотим и надеемся прожить в нашем уединенном доме, среди скал, в мире и спокойствии, как жили до нас наши предки».

Но мольба была оставлена без внимания в сокровенных тайниках зала совещаний в Версале, если вообще она проникла туда, а Гельголанд все еще остается прусской провинцией.

Сейчас уже нет необходимости скрывать тот факт, что оборона Гельголанда, в том положении, в котором она была накануне войны, для английской разведывательной службы являла собой открытую книгу.

Остров тщательно исследовали, вооружение изучили до малейших деталей, и положение большинства, если не всех, замаскированных укрепленных пунктов установили и нанесли на

---

[1] Здесь ясно чувствуется пацифистское направление автора. Для советского читателя ясно, что Лига Наций не может защитить угнетенные меньшинства, которые могут получить свои права лишь в результате социалистической революции.

карту. Сведения эти были проверены в мае 1914 года (всего за два месяца до начала войны) с помощью личных посещений, несмотря на необычайную бдительность, выказываемую властями. На острове специально для предотвращения шпионажа находились два берлинских сыщика. Каждый посетитель-иностранец, если вообще такому позволяли высадиться, держался под строгим надзором. Несмотря на эти меры предосторожности, агенты нашей разведки смогли составить точное и подробное описание крепости.

Нет сомнений, что при обсуждении плана бомбардировки Гельголанда в распоряжении адмирала Джеллико и его штаба уже имелись собранные таким образом сведения. В этом случае их непреклонное решение отклонить план не должно вызывать удивление. В более поздний период войны план бомбардировки Гельголанда снова выдвигался, но на сей раз как средство выманить Флот Открытого моря из его баз. Однако этот план не нашел почти никакой поддержки.

Если верить правдивости эпизодов, упомянутых в нескольких немецких книгах о войне, наши знания о Гельголанде держались на уровне сегодняшнего дня и во время войны. Это происходило благодаря английским летчикам, летавшим над островом в захваченных у немцев машинах. Их, естественно, принимали за друзей, и таким образом они не испытывали затруднений в фотографировании батарей и прочих военных объектов. Утверждают, что факты эти имели место один раз в 1917 году и дважды в 1918 году.

Весьма сомнительно, чтобы нападение на Гельголанд, серьезное или притворное, завлекло германский флот в море и таким образом привело бы к сражению. Германское морское командование, зная о колоссальной мощи, вернее даже неприступности обороны острова, по всей вероятности, ждало бы исхода нападения весьма хладнокровно.

Кроме высылки имеющихся в распоряжении подводных лодок и авиации для того, чтобы тревожить нападающие силы, оно не изменило бы свою основную диспозицию.

С другой стороны, нападение на северные фризийские острова вполне могло бы вызвать великое сражение. Адмиралы Тирпиц и Шеер утверждали в своих воспоминаниях, что серьезная угроза острову Зильт сразу бы заставила выйти из баз Флот Открытого моря. Весьма интересно знать, был ли оценен этот факт (если он соответствовал действительности) английским адмиралтейством. Если да, то неизвестно, почему ничего не было предпринято, чтобы вынудить решение, которого, как следует признаться, мы горячо желали. Адмирал Шеер был способен рисковать, полагал, что обстоятельства оправдают его. Это доказано посылкой им бригады линкоров для спасения подводной лодки, которая выскочила на берег Дании. Случай этот имел место в ноябре 1916 года. Он привел к тому, что английская подводная лодка *J-1* торпедировала линкоры Гроссер Курфюрст и Кронпринц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

14

2 р. 55 к.